ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ 8

18+

КРОВЬ, ЖЕСТОКОСТЬ,
СЕКС И БЕЗУМИЕ
МИРА В ЦЕЛОМ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом… Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью..

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая

Дем Михайлов
Низший-8

Глава первая

Прыгнувший на оконную решетку серый матерый плукс просунул лапу между прутьями и попытался схватить безрукого хромого зомби. Тот, поросший бурой и серой плесенью упырь, с большим старым рюкзаком на животе, с бесстрастной готовностью подался навстречу когтистым лапам.

– Вашу мать! – буркнул я, падая на пол и захлопывая ногой дверь.

Я еще успел откатиться в сторону и широко разинуть пасть, когда выбитая грянувшим взрывом дверь вылетела из проема вместе с косяком, беззвучно ударилась о противоположную стену, частично выбив оконную решетку. Комнату закрыло густое белесое облако едкой пыли, еще больше этого дерьма потянулось из курящегося дымом коридора. Глянув на лежащих в углах бойцов, я тряхнул звенящей головой и снова выглянул в коридор. Палата, напротив превратилась в руины, соседние стены легли, решетку вместе с плуксом выбило, с потолка капали кровавые капли густо замешанные со штукатуркой. Мы построим вам дом замешанный на крови…

Я кивнул Хвану на окно за нашими спинами и через пару секунд послышался грохот – бронированный призм всем весом ударил о покореженную решетку. Ему на помощь пришел орк и вскоре решетка сдалась. Парой жестов я велел проверить соседнее окно и получив утвердительный ответ, тут же приказал перебазироваться. Пора валить – я уже слышу топот множества ног, причем топот доносится со всех сторон сразу.

Первым двинулся Хван, попросту спрыгнувший на заросший бурьяном газон и поймав спрыгнувшую Джоранн. Рыжая ловко приземлилась и… обмякала со странным хрипом. На мгновение мне, стоящему рядом с подоконником и старающимся не забывать про дверь, откуда доносились яростные вопли, почудилось, что Джоранн напоролась на один из шипов призма и умерла в мученьях. Все оказалось хуже:

– Поймала флэш! – шипящим шепотом пояснил призм, тряся обмякшую девушку как куклу – Сука!

– В окно ее! – сквозь зубы процедил я и бросился к изуродованному дверному проему, где у пола наметилось движение.

Обугленная рука с лопающейся при каждом усилии кожей, втащила за собой хозяйку – обгорелую зомбячку юных лет, с прекрасно сохранившимся красивым лицом и с телом похожим на исполосованный, истоптанный и поджаренный мешок дерьма. Я

не стал тратить драгоценный заряд батарей. Воспользовался топором, перерубая шею. Обезглавленное тело дернулось, махнуло культями, мне в лицо брызнуло гнойной сукровицей. Наспех утеревшись рукавом, я метнулся назад и с размаху пнул медлившее на подоконнике «мясо» – дружка Лео Сквалыги. Взмахнув руками, тот с коротким придушенным воплем слетел вниз, я спрыгнул следом и, подхватив медлительного придурка за шиворот, дернул за собой.

– Бросьте меня! – проныл тот на автомате, но, обернувшись, наткнулся взглядом на бегущих на шум драки зомбаков и с клацаньем захлопнул пасть.

У соседнего окна придурка подхватили жилистые лапы ругающегося орка, втянув внутрь. Я забрался сам, перевалившись за подоконник и рухнув на грязный и звенящий обломками кафельный пол. Коротко огляделся, дернул плечом:

– Сойдет. Нет! Не загораживай ничем окно, Рэк! Они знают тут каждую дыру и стенку. Все новое привлечет внимание.

– Понял.

– Передышка пять минут. Потом двигаем дальше. Что с Джоранн?

– Приходит в себя – доложил нависший над подругой призм – Вот это ее сложило флэшем. Вырубило прямо в воздухе. За секунду.

– Да ты сегодня прямо живчик – хмыкнул я, удивляясь разговорчивости обычно чуть подторможенного после эволюции Хвана – Что так?

– Так ведь жизнь какая яркая, командир! Охренеть!

– Не благодари – усмехнулся – Всем закинуться белковыми батончиками и пищконом. Добавить шизы. Как только скажу – двигаемся дальше. Рэк. Проверь что это за хрень в углу комнаты.

– Уже смотрел! Решетка стальная. Но выломать можно. А за ней вентиляционный короб. Вроде как протиснуться можно, командир. Но вот сука если мы жопами там встрянем… или кто-то один, но над нами…

– Не вариант – покачал я головой и впился зубами в податливый желтоватый батончик.

– Еще раз выскочим и пройдем снаружи? Может найдем способ взобраться по стене.

– Не – не согласился я – Нахрена? Мы пройдем коридором.

– Коридором? – ожил молчаливый мечник и для наглядности указал на ведущую в коридор дверь. За дверью кто-то дико орал, а через мгновение, будто для дополнительного нагнетания мрачной атмосферы, из-под забаррикадированной с обеих сторон двери вытекла струйка слишком уж красной и слишком уж яркой

крови. Знакомый химический ненатуральный цвет. Кровушка раненного или убитого плукса.

– Коридором – кивнул я – Три минуты до выхода.

– Там ведь ад – без всякого страха заметил Рэк – Слышите хруст и хрип? Кажись кому-то хребет ломают. Месиво из гребаных тварей.

– Ага. Это нам и поможет. Что там Джоранн?

– Я в норме – хрипло ответила мне рыжая, медленно усаживаясь и первым делом хватаясь за дробовик – Дерьмо!

– Что видела?

– Маму.

– Как мило…

– Она била меня куском тонкого троса в черной изоленте. Хлестала по бедрам. Боль адская. А она била и говорила: «Только грязные шлюхи показывают в улыбке зубы! Ноги и губы надо держать сомкнутыми! Сомкнутыми! Только грязные шлюхи ходят в футболках с надписями! Бог создал для порядочных девушек скромные блузки с горловыми завязками! Сколько раз я тебе говорила – это грех! Грех! Грех! Не будь грязной! Не будь! Я очищу тебя!». Там было что-то еще… но я не запомнила. А вот этот момент прямо идеально. Этот и следующий – где я, изгибаясь от дикой боли, почти теряя сознания, хватаю лежащий на столе нож – стол в тени, а на нож падает луч солнца. Я хватаю нож и одним ударом срезаю маме половину левой щеки – вместе с отвратительной черной родинкой размером с изюмину. Я ударила… и боль сразу исчезла… Я чувствую только жгучие слезы счастья, стекающие по щекам…

– Мило – повторил я – Прямо даже пасторально. Счастливая семья. Подъем, гоблины! Время убираться из этой западни. Я иду первым. Остальные – как отрабатывали! И… эй! С-сука!

Ужом скользнувший вдоль стены любимец Лео Сквалыги рыбкой нырнул в окно. Ахнул от боли, явно встретив газон не ногами, а другой частью тупого тела. И тут же послышался торопливый топот – парень делал ноги. Первым оказавшийся у окна Каппа, опередивший орка на секунду, бесстрастно доложил:

– Бежит к деревьям. Резко свернул. Снова свернул. Бежит к нам.

Из-за окна послышалось панически-истеричное:

– Спаси-и-ите! Спаси-и-и! А-А-А-А!

И тишина…

– Его сожрала оранжевая тварь с огромной…

– Ему мандарин башку оторвал! – буркнул орк – Туда и дорога дебилу! Ну что?

– Отгребаем – кивнул я и помог оттащить от двери всякий

старый хлам – кресло с рваной обивкой, металлический стол, боковину шкафа, несколько гремящих черепов и бейсбольную биту с надписью «Я почленяю!».

С той стороны имелся засов. Но если хорошенько постараться, то старую дверь легко можно отжать, а затем доломать. И мы получим проход в коридор, где сейчас происходило самое интересное. Всунув топор в щель между косяком и дверью, Рэк вопросительно воззрился на меня. Я замер у двери, обратившись в слух. Не обязательно видеть происходящее. Даже по шуму можно очень многое понять.

Правда мне сильно мешал крикливый дебил по ту сторону двери:

– Ищите их! Золотой лидер обещал! Вы слышали его слово! Во имя злата! Вернем себе статус, Прикормы! Я звеньевой Тупло говорю вам, братья – только злато! И ничего больше нам не надо! И…

Грохнувший взрыв заставил дверь застонать и пойти трещинами, в которые начал втягиваться едкий дым пахнущий чьей-то паленой шерстью. Вздрогнув еще разок, дверь выплюнула на пол несколько соединенных кровавым комком десны зубов и оскорбленно затихла. Из коридора послышалось еще более громкое:

– Ноги! Мои ноги! В жопу злато! Верните мои яйца! Верните мои яйца! Братья!

Я кивнул орку. И, когда дверь с облегчением рухнула, выйдя в коридор, улыбнулся корчащемуся на полу калеке, зажавшему окровавленный пах:

– Приоритеты меняются, да?

– Я… – выдохнул тот, смаргивая кровь с век.

Закончить ему не дали – Хван коротко ударил пяткой по хрустнувшей переносице и Тупло замолчал. Ему повезло – он не видел упавший ему на шею меч Каппы.

Оглядевшись и убедившись, что этот участок первого этажа временно вымер, я устремился в сторону шума – там, у лестницы на второй этаж, явно что-то происходило. Мы продвинулись шагов на пятьдесят и этот путь оказался максимально легким и не затратным. Перешагивая через мертвых, добивая еще живых и перешагивая уже через них, мы двигались к лестнице, а я внимательно рассматривал этих громогласных «Прикормов».

Мужики. Мужики. Мужики. Все в стальной броне, все накаченные, все на какой-то мощной химии, что выражается в венах тянущихся бесконечными толстыми буграми даже по лицам. Из оружия – огнестрелы и холодное. Мы миновали три десятка трупов этих рыцарей, но я не заметил ни одного

игстрела. А вот дробовики – да. Патроны – а эти славные малыши тут же перекочевывали к нам, хотя я не позволял сбавлять темпа продвижения – тоже не редкость. Короче – они вооружены только своим, но не системным вооружением. Прически – там, где сохранились лица, волосы или головы – выглядели однотипными. Что-то вроде очень длинного гребня идущего от лба по макушке и собранного под шлемами. Ну хорошо хоть не по спинам распускают свои гривы…

Плуксы… их куда больше. Тут где-то полсотни мелких тварей, что хорошо знакомы мне еще со времен Окраины. Кусачая злобная мелочь опасная только числом и только для совсем уж тупорылых гоблинов. Вся эта масса разбавлена двумя десятками реально крупных чешуйчатых тварей. Замершие или еще подергивающие лапы, пробитая чешуя, размозжённые головы, уродливые пасти предназначенные для измельчения плоти и высасывания крови…

Вот оно… я только что поймал недавно упущенную мысль. Вот оно… Но не сейчас – задам вопрос позже. Как раз вон там, у лестницы, намечается какое-то затишье и…

От лестницы послышался хлопок слабого взрыва, разлетелись в стороны темные фигуры, ударившись о стены, решетки и потолки. По нам врезала слабенькая взрывная волна, принес с собой вонь.

Я невольно вздрогнул, когда из-за окон, с территории Зомбилэнда, донесся вой сирены. Ну надо же… система только сейчас очнулась? Или же выжидала специально, давая хаосу время разрастись? Нас – наглых гоблинов, что ненадолго пропадали с ее радаров – она уже должна была успеть засечь, когда мы бодро вынырнули из заброшенной постройки и рванули к корпусам.

И на кой хер тут сирена?

Предупредить сурверов, чтобы спрятались в свои бетонные норки и затихли?

Предупредить героев и претов, чтобы убирались с охваченной безумием территории?

А может это просто звуковой эффект очередного локального конца света и его цель проста – вызвать оргазм у всегда мечтавших о подобной жизни сурверов?

И самый безумный вариант – система выражала собственные эмоции и пела от радости? Ведь это гребанное болото наконец-то оживилось.

Если бы… тут все куда прозаичней.

– Чего воет? – поинтересовался двигающийся рядом со мной Хван, методично наносящий по дохлятине под ногами удары

лезвиями.

– Взрывы – озвучил я свое самое логичное предположение – Тут звучат взрывы. Ну и чужаки подвалили мутные. Стой! Этих пока не режь. Каппа! С Хваном на пролет выше. Только не поскользнитесь на этом дерьме и не сломайте шеи. Ну-ка…

Лестница… вся лестничная коробка, походила на опустевшую банку из-под малинового или вишневого варенья. Пустая, но все стенки покрыты слоем густого яркого варенья. Вот и тут так же – обильное красное, немного желтого и белого, чуток черных вкраплений. Вонь концентрированная, неописуемая, какая и бывает, если полсотни еще не посравших разнородных тварей перемолоть в блендере, которым послужили несколько взрывов.

Мясо, мясо, мясо, кровавая медленно оседающая муть и прелестный розоватый туман, втягивающийся в наши ноздри.

– Круто живете – не мог я не позавидовать, опустившись рядом с оглушенным мужиком, лишившимся правой руки по локоть и тупо смотрящего, как его левую кисть доедает серый плукс лишившийся всех лап.

– Ты… – на мне с трудом сфокусировался мутный взгляд.

– Оди.

– Оди?! Мы шли за тобой… а ты за нами?

– Ага – улыбнулся я – Вы все подохли зря – я отдыхал в палате у входа, попивая апельсиновый сок и любуясь сучьими буками.

– Сучьи буки! Во имя крови!

– Брат! – ожил рядом тот, кого я считал трупом, рывком перевернувшись на бок, скидывая с себя ошметки тел – Брат! Я тут! Во имя крови!

– Тут Оди, брат! Гребаный Оди тут!

– Я убью его! – очнувшийся прикорм выплюнул темную кровавую массу, моргнул единственным глазом, явно пытаясь понять, почему его обе руки похожи на бесформенные обугленные палки – Я… вот дерьмо! Вот дерьмо! Но я убью тебя, Оди! Руку оторвало? Она найдет путь! Верный путь к своему месту на моем могучем теле! И сомкнется на твоей глотке, Оди! Так, брат?

– Так, брат! – поддержал его первый прикорм, продолжая глядеть на серого плукса пожирающего его плоть.

– Если оторвет ногу – она найдет путь! Верный путь! И даст пинка по гребаной жопе гребаного Оди! Так, брат?

– Так, брат!

– А если тебе вырвать глаз и засунуть тебе же в жопу поглубже – он найдет свой верный путь? – поинтересовался я лениво, бросив короткий взгляд сначала на мешающего калеку, а за тем на орка.

Поняв все правильно, Рэк с готовностью вытащил свинокол:

– Надо попробовать! Глаз в жопу – и пусть ползет к своему месту!

– Что? Эй… эй… Э-Э-Э-Э-ЭЙ-Й-Й!

– Та-а-ак… ну не всхлипывай ты так. Ведь мы его вставим и он доползет… вернется! А дерьмо… Слушай… лопнул твой глаз, прикинь? Вот жопа… считай зря потратили твой глаз на полную херню…

– А-А-А-А!

– Надоело – поморщился я и с облегчением вздохнул, когда лезвие свинокола прошлось по глотке захрипевшего прикорма, отправляя того в иной мир. Это позволило мне вернуть внимание к первому и теперь единственному рыцарю:

– Как вы прошли золотую грань? Понимаешь о чем я?

– Мы не гномы. Мы не гномы…

– А кто вы?

– Прикормы. Боевые прикормы.

– А поточнее? Скрывать тут нечего – я же не о размере члена вашего золотого лидера спрашиваю.

– Ты убил деву золотого рыцаря…

– Ты убил деву золотого рыцаря – передразнил я – Ну! Кто такие боевые прикормы?

– Башибузуки.

– Это еще кто?

– Обезбашенные – донеслось от Джоранн – Или «сломанные головы», «безумные», а может «берсеркеры».

– Это предположение?

– Скорее перевод. Но не знаю с какого языка.

– Мы воины – выдохнул умирающий рыцарь – Воины низшей касты. Я добровольно низший. Рожден в темном тупике Стального Окрая.

– Стальной Окрай?

– Моя родина. Я таскал серую слизь, дрался в темных коридорах, батрачил на бригады и звенья, пил самогон в грязных барах… и мечтал о лучшей жизни. А вот и моя лучшая жизнь – я умираю в луже крови, так и не став кем-то… я умираю гребаным никчемным гоблином из-за чужой мести по чужой черной сучке… дерьмо! Запомни мой номер, герой Оди – две двойки, тройка, две восьмерки, три нуля. Запомни мой номер. И выпей за меня.

– Если выживу – сделаем. Давай быстрей, гоблин. Или умирай или говори. У меня нет времени. Прикормы – боевая низшая каста служащая гномам?

– Да. Мы гоблины служащие гномам. Они выбирают гоблинов, предлагают хорошие условия. Но жить приходится в

вечном сумраке. Мы живем так, где не видит Мать. Гоблинши прислуживают гномам, моют полы, протирают мебель, делают массаж и отсос. Гоблины идут на грязные работы. Или становятся прикормами. Хорошая кормежка, много муштры, много дающей силу химии и много боев на потеху зрителей. И надежда получить статус…

– Какой статус?

– Статус гнома! – выдохнул рыцарь и на его лице появился намек на мечтательную улыбку – Статус гнома… Но не суждено. Убей меня, Оди. Больше я не скажу ничего.

Молча кивнув, я коротко ударил, дождался, когда глаза разговорчивого прикорма потухнут, затем добил безлапого плукса и поднялся, указав окровавленным ножом вверх. Продолжаем. Продолжаем идти на медленно удаляющиеся звуки бойни.

– К нам гости – предупредил Рэк.

– Вижу – вздохнул я, прерывая движение и убирая ботинок от ступени залитой кровью лестницы – Побыстрее.

– Ага.

К нам спешила пятерка зомби. Жалкие противники – уже побывавшие в нескольких боях, красующиеся свежими рваными ранами, у двух содраны целиком лица, на темном сочащемся фоне диковато выглядят выпученные глазные яблоки, далеко не у всех на месте руки. Но бегут быстро и настроены решительно.

– Контроль – повторил я, глядя, как несущиеся зомби перепрыгивают горы свежего мяса, с каждым шагом становясь к нам все ближе – Гребаный контроль…

– Ты о чем, лид?

– Эти твари любят мясо. Они ранены. Им бы пожрать и восстановиться. Но они перепрыгивают вкуснятину и летят к нам… они под жестким командирским контролем, орк – я снова указал ножом в потолок – Он ведет их. Бросает в бой.

– В бой – повторил мои слова скользнувший вперед Каппа, одним ударом снося голову первому из противников. Поднырнув под когтистых запах, он полоснул по животу, вываливая кишки, а следом, резко присев и перекатившись, подсек колени второго. Я остался стоять на месте, глядя, как парни добивают тварей. Стоящая рядом Джоранн задумчиво поглаживала дробовик, явно жалея, что не может пустить его в ход. Все верно – оружие помощнее пустим в ход позднее. Хотя учитывая количество набранных нами патронов и тройку трофейных дробовиков – огнестрела можно не жалеть. А это что?

Наклонившись, я откинул в сторону чьи-то разодранные ребра и поднял из лужи облепленный мясом предмет.

Поморщившись, опустил его обратно в кровь и хорошенько прополоскал. Поднял снова и широко улыбнулся – в моей руке сочился кровью револьвер. Щелчком откинув барабан, заглянул в каморы, вытряхнул на ладонь патроны. Шестизарядник. Под не слишком мощный патрон. Три патрона стреляных. Три целехоньких. Наспех вытерев находку, опустил все в поясную сумку и опять шагнул к лестнице. На этот раз проблем не возникло, и я быстро поднялся до второго этажа, где ненадолго замер на лестничной площадке. Покосившись на догнавшего меня Рэка, недовольно буркнул:

– Дыхание, боец!

– Чуток сбилось – признал орк – Торопился… исправлюсь…

– Ты сказал, что мандарин оторвал башку тому придурку.

– Какому именно? А! Понял. Ну да. Ударил лапой вот так – орк показал, как оранжевый плукс наносит удар передней лапой, сомкнув при этом пальцы – И башка улетела.

– А плукс?

– Замер на секунду… и побежал дальше…

– Контроль и тут – буркнул я.

– Да – согласился Рэк, убирая топор и берясь за дробовик – Плуксы ведь обычно сразу начинают кровь сосать. Ну или мозги. А этот… как солдат.

– Он и есть солдаты, Рэк. Солдаты мать его двух государств. В обороне армия вооруженных матерых зомбаков с их загадочным командующим. В нападении две силы. Большой отряд рыцарей-прикормов хотящих статус серебра или золота. И параллельно им стая плуксов ведомая Зеверой Отверженной.

– Откуда инфа?

– Так орал же тот золотой рыцарь.

– Ушлепок Туррион?

– Он.

– Ну да… отряд прикормов и стая с Зеверой. Погоди! Так Зевера это…

– Судя по имени – какая-то отверженная среди гномов, а может даже потерявшая статус баба. Но это просто догадка навскидку.

– Да я не про то… раз она ведет плуксов, то сейчас эта Зевера сидит в…

– В брюхе одного из плуксов – кивнул я – Сидит в живом мясном боевом скафандре и ведет стаю в бой.

– Охренеть! А я помню Клоаку жутким местом считал… а тут живая злая баба в жопе живого злого плукса… куда катится этот мир…

– Хватит стебаться. Двинулись вон к той горе пожеванных

трупов.

– Двинулись. Сирена, лид. Она заткнулась.

– Она заткнулась – согласился я, удивленно вытаращившись на свои руки, которые, как оказалось, были заняты торопливой, но тщательной очисткой трофейного револьвера.

– Хорошая пушка.

– Вперед!

– Оди! – на подоконник шлепнулась сова с человечьим лицом – Ты… ой мля!

Сова с удивительной быстрой рухнула набок, канув за подоконник и выстрел Рэка ушел в пустоту.

– Д-д-дерьмо! – прохрипел орк, передергивая плечами – Я кажись наклал!

Снаружи послышался взрыв – вроде как сдвоенный, но прозвучали они практически одновременно. Сколько здесь смертников бродит? Каков запас взрывчатки?

Оконный проем перечеркнула уцелевшая сова, рванувшая куда-то в сторону и прочь от корпусов.

– Баба Яга! – я постарался вложить в это имя как можно больше рвущихся наружу эмоций – Вперед!

– Каргу небесную ждать не будем?

– В жопу!

– И поглубже!

На этот раз я не крался и не шагал. Перешел на бег, понимая, что надо поторопиться. Если я правильно оценил происходящее – а я сделал этот правильное – то сейчас происходит нечто крайне интересное.

Вырвавшиеся за нами из-под земли «прикормы» и «стая», две серьезные силы, рванули по нашим следам и вломились в здание. До этого момента у них все шло хорошо – по их пониманию. Но на самом деле процентов семьдесят из их числа тупо ошиблись и ломанули по заранее понятному сценарию – прямиком по гостеприимно широкому больничному коридору второго корпуса. Бежали уже вперемешку – прикормы бок о бок с плуксами. Обитающие в корпусе «нижние» зомби ошалели от такой оравы, но дали бой, без раздумий используя все имеющееся вооружение – в том числе бомбы смертников. Ожесточенные схватки и прогремевшие взрывы уничтожили до двух сотен рыл со всех сторон – плуксы всех размеров, зомби и прикормов. Остальная часть атакующих смяла сопротивление и прорвалась на второй этаж, где уже состоялось несколько сшибок – но при этом не столь ожесточенных. Вон ту и ту кучу мертвой плоти я за многочисленные жертвы считать не стану – там больше зомбиного гнилья инвалидного навалено. Теперь ближайшая к

нам схватка происходит где-то в третьей четверти второго этажа и атакующие все еще нихрена не сообразили. Эти охреневшие от ярости, боли и желания получить статус ушлепки думают, что все еще преследуют нас, наседают нам на пятки, круша при этом наших соратников. Они преодолевают шаг за шагом, щедро поливая пол кровью и заваливая вспоротыми кишками. А мы тем временем осторожно идем следом, добивая чудом уцелевших, потихоньку обогащаясь информацией. И нас даже не слишком поджимают сзади – пусть ко второму корпусу и ломятся сейчас все аймы и ранды Зомбилэнда, но им не прорваться – где-то там под нами остались и прикормы и плуксы с их внутриутробным вожаком. По сути, мы сейчас меж двух огней. Но в этом вся соль. В этом вся выгода ситуации.

И все же…

Пробежав немалый отрезок коридора, приблизившись к очередной потасовке, откуда доносились жалобные вопли познавших истинную боль прикормов, я упал за гору трупов, рядом попадали остальные бойцы.

И все же…

Вытянув руку, я улыбнулся хрипящему рылу заваленному телами еще живому прикорму и оторвал кусок его сохранившей свежесть синей футболки. Не обращая внимания на агонизирующего гоблина пытающего достать зубами до моей щеки, я принялся полировать прополосканные в крови револьверные патроны, покачивая головой.

И сука все же…

– И сука все же, как не крути, нас сейчас ищет сука командующая прямо из жопы плукса! – не выдержал я и криво усмехнулся – Внутрижопный лидер боевого отряда! Дерьмо! Смеяться? Плакать? Вытащить суку из жопы плукса, вспороть ей брюхо и запихнуть обратно в жопу?

– Мне нравится про жопу! – заметил Хван.

– Наконец-то – буркнул я – Становишь жестче и внутри. А то был мороженкой в хитине.

– Таракан ванильный! – поддакнул всегда любящий чужое унижение орк.

– Урод тупой! – встала на защиту задумавшегося над мои словами призма.

Каппа остался молчалив.

– Вперед! – буркнул я и поднялся, не обращая внимания на чуть ли не потусторонние слова и искусственное уханье, доносящееся снаружи:

– Оди! Оди! Куда ты делся? Оди!

Но как же нудно!

– Оди! Оди!

Как хочется пристрелить эту птицу…

– Оди…

Пробежав пару окон, я не выдержал и рявкнул, избегая высовываться наружи и вообще маячить в центре оконного проема:

– Свали, ведьма! Подстрелят птичку! Или я сам это сделаю!

– Это все ты?!

– Я!

– Синий свет?

– Да!

– Надо что?

– Кассандра.

– Она только что вошла. Оплатила весь тамбур. Тащит с собой пятьдесят крепко вооруженных рыл. Движется маршем к первому корпусу.

– Передай ей – тут мясорубка! Пусть идет по нашим следам. И пусть боится подвала заброшенной котельной – оттуда и вылазят эти упырки.

– Уже нет! Мать дала приказа трем ближайшим сурверам. Отпустила с поводков.

– И?

– Несколько минут назад они закрыли ту дверь. Двое погибли там же и Мать взорвала их пояса. Третий уполз искалеченным. Он еще ползет навстречу одному из посланных мной сквадов.

– Подобрать или добить его послала?

– Подобрать! Я добра ко всем крому гребанного сученышка Джона Доуса, чтоб его во сне удушила его резиновая шлюха!

– Передай ему привет и скажи, чтобы не высовывался.

– Да пошел он! На кой он тебе сдался этот никчемный придурок?!

– Ну как… он же хочет всего ничего – фыркнул я, отодвигаясь от подоконника и уходя в тень – Стать легендарным сурвером, стать королем сурверов и сперва морально, а потом и физически отыметь старую гребаную Бруху.

– А?!

– Я ему обещал… придется сдержать…

– ОДИ!

– Не ори! – рыкнул я и, пригнувшись, снова рванул по коридору, нацелившись на следующую гору дохлятины, что напоминала очертаниями раздувший круассан. Откуда я знаю, как выглядит круассан? И что за странные слова лезут в мою разгоряченную голову? Шерше сука ля фам, лямур пу тюэ…

Сверкнуло.

Метрах в пятидесяти от нас из палаты выскочил факел и с воплем вылетел в окно. Следом выскочил еще один «огонек», что заметался от стены к стене, ударяясь о них и отскакивая. И третьим медленно вышел голый зомби в красной бейсболке, розовых огромных очках и с ранцевым огнеметом. Рванувшееся пламя поджарило до конца бегучий огонек и заодно опалило ту кучу дохлятины, которую я считал хорошим убежищем.

– Во дерьмо! – заметил я, вскидывая дробовик и залпом картечи разбивая розовые очки – Сними розовые очки, сука! Тут жопа!

Разбросав тухлые мозги огнеметчик завалился, продолжая нажимать на спуск и задирая ствол в потолок. Описав красивую огненную брызжущую дугу, пройдясь по стене, потолку и снова по стене, зомбак замер на боку, посылая пламенный сноп перед собой. Злое пламя, с ревом взбираясь вверх по стене и охотно расползаясь, окутало его фигуру, перекинулось на остальные тела. Подбежавший к нам визжащий «огонек» напоролся грудью на лезвие шагнувшего вперед Хвана и облегченно выдохнул, понимая, что невероятная боль наконец-то кончилась.

– Слишком долго он бегал – заметил я, перезаряжая дробовик.

– Да – кивнул Каппа – Да.

– Почему не отрубился от болевого шока раньше? – задумалась и рыжая, брезгливо морща нос – Накачан химией?

– Щас как… – начал Рэк.

Это был не взрыв. Просто хлопок. Топливный бак огнемета лопнул, превратив коридор в адскую домну перекрывшую нам путь. Ждать? Нет. Не вариант.

– По стене. Влево. Там нет решетки.

Пройдя через палату, расшвыривая ржавые кровати на колесиках, с примотанными к ними костяками и полу обглоданными телами, я добрался до окна, стараясь дышать через рот, чтобы не задохнуться от дикой вони. Вот куда попали те преты и герои, что были взяты зомбаками живьем. Их, с переломанными конечностями или хребтами, притащили сюда и бросили на кровати. Некоторых даже не пришлось приматывать. Зато каждого снабдили тугими жгутами у основания каждой конечности. Я могу поспорить на что угодно, что именно с конечностей пущенные на кормежку здешние обитатели и начинали жрать. Отожрал пятку и голень – на сегодня с тебя хватит, ублюдок, топай на пост! Следующий! Твое левое колено и часть ляжки! Жуй тщательней, не смей тянуться зубами к вкусному мягкому животу или тем жирным сиськами! Колено! Глодай колено, солдат! А кишками и печенкой займемся позже –

это основное блюдо…

Сколько жили те, кого жрали живьем, откусывая по немножко каждый день?

А хрен его знает. Дай яйцеголовым эту тему и они, без малейшей брезгливости, глубоко изучат эту тему, а затем породят толстенную монографию. А мы… а мы простые гоблины и действуем тоже по-простому. Мы особо даже не задумываемся и просто шагаем дальше.

Прыгнув на стоящую у окна кровать, я вызвал стон у лежащего на нем бесполого трупа с обглоданной головой. Длинные светлые волосы содраны, скальп брошен тут же, темнеет изборожденная зубами макушка черепа, подергиваются жалкие ошметки на том, что некогда было даже не лицом, а лицевой костистой подложкой. От самого лица не осталось ничего. Как это вообще может жить? Почему в этом истерзанном теле еще теплится жизнь? «Это» еще ворочало головой и, наверное, думало, что говорит что-то, не понимая, что давно не имеет вырванной с корнем нижней челюсти и сожранного языка. Рэк коротко ударил ножом, перебивая почти сохранившееся, но уже темное от стремительно подступающей гангрены горло. Испустив последний вздох, дернувшаяся на кровати истерзанная жертва оросила кровавым плевком-стоном мой вставший на подоконник ботинок и затихла. Я недобро глянул на Рэка и орк развел лапами:

– Кто ж знал, что, делая добро, обляпаешься? Буду знать! Это на меня Хван так влияет!

Ничего не ответив, я глянул наружу, чертыхнулся, увидев пялящийся на меня закопченный и дырявый зомбо-обрубок украшающий газон, шагнул пару раз по узкому крошащемуся карнизу и заглянул в следующую палату.

Дерьмо…

Палата до потолка была завалена костьми. Сухими старыми костьми, рваньем и ржавьем. Все вперемешку. И тут не пройти. Дальше…

Третья по счету палата оказалась чуть свободней. Еще одна столовка. Но на этот раз блюда посвежее и поразговорчивей.

– Брат! Брат! – перепугано зачастил во весь голос примотанный тросом к постели парень, что был смутно мне знаком – видел его совсем недавно в городке – Оди! Это же Оди! Живем!

– Заткнись! – велел я и парень осекся, понятливо закивал.

Остальные остались безучастны. Трое хрипят, четверо стонут, двое в том почти конечном состоянии, когда ты во весь искусанный рот улыбаешься, шагая за грань откуда нет возврата,

еще около десятка «живых пайков» давно почернели и медленно разбухают. Этим уже на все и навсегда плевать.

– Это жопа! Это жопа! – снова открыл пасть чернявый паренек, указывая слезящимися глазами на свои руки и ноги. Мог и без этих бешеных кивков обойтись – его конечности еще никто не жрал, но они уже побагровели, местами потемнели и в целом умерли, слишком туго перетянутые разорванной красной тряпкой. Кто-то из зомби-санитаров перестарался при подготовке пациента к оздоровительной процедуре пожирания.

– На этом ты ходить уже не будешь – вынес я диагноз бедолаге, пиная стетоскоп и перешагивая через череп насаженный на чуть ли не ведерную клизму – Лежи. Или ползи. Жди.

– Вытащите меня.

– Нет.

– Ладно… ладно… просто ослабьте жгуты! Ослабьте жгуты, герои!

– Ты совсем тупой? – скривилась прошедшая мимо кровати Джоранн и мягко провела отточенным ножом по темному горлу одного из агонизирующих, выпуская на ржавую сетку кровати вялую кровавую струю – В твоих конечностях скопился яд. Если снять жгуты…

Ее никто не слушал.

– Я прошу! Снимите жгуты! А ты молчи, дура тупая! Я с мужиками разговариваю!

– Помоги парню, Джоранн – велел я, не оборачиваясь – Он знает, что просит.

– Я знаю, что прошу, дура! Помоги мне!

– С удовольствием – улыбнулась рыжая, один за другим обрезая пережавшие кровь жгуты – Живи долго и счастливо… герой…

– Да пошла ты! Пошла ты! Я еще всех перетанцую!

– Заткнись – повторил я и парень заткнулся, закивал… а затем вдруг что-то задумчиво затих, удивленно уставившись в потолок.

Дальше я не смотрел. Открыв дверь, позволил упасть внутрь дымящемуся трупу и, мягко наступив на хрустящую зажаристую корочку его лица, шагнул, возвращаясь в коридор. Опять что-то чавкнуло и я испачкал уже второй ботинок. Коротко оглядевшись, я припустил вдоль стены, огибая трупы, перепрыгивая кусачих раненых. Закопченное оружие я уже не подбирал, с сожалением оставляя за спиной запасы патронов. Мы и так перегружены выше некуда, а облегчающей подсумки и хребты шквальной стрельбы пока не состоялось. Но состоится. Обязательно состоится…

У лестницы мы вынужденно притормозили, упершись в

настоящую трупную гряду политую кровью. За грядой слышались стоны, хрипы, доносились звуки ударов, к потолку то и дело подлетали чьи-то обрубленные пальцы, лапы, а порой и головы. Как там весело… наступив на податливое плечо трупы, я приподнялся, глянул, оценил увиденное и выстрелил из двух стволов, целясь по ближайшему сцепившемуся квартету из трех зомби и одного стального рыцаря. Подпрыгнувший Рэк повторил и радостно рыкнул:

– Чавкнул мозгами!

– Рыцарь?

– Не… тому чан помяло. Но жив. Хотя шатается…

– Ах вы суки! – укоризненно донеслось из-за гряды – Разве это мужской поступок из-за угла в ухо стрелять? Вам сука не стыдно?!

Вместо ответа я отбежал к стене, подпрыгнул и пальнул еще раз, накрыв вторую группу сцепившихся. А затем, торопливо выбрасывая отстрелянные гильзы, кивнул Хвану, что застыл метрах в пяти. Разбежавшись, призм прыгнул, подлетев под потолок. Красиво пролетел над грядой и рухнул по ту сторону, после чего там поднялся дикий рев, а в потолок ударила струя крови, смывая чье-то прилипшее глазное яблоко.

Взобравшись и перевалившись следом, я едва не поскользнулся на чавкающем холодце и, уперевшись спиной бахнул по действительно шатающемуся рыцарю в серьезно исклеванных и местами пробитых доспехах. Испустив оглушающий вопль тот тяжко рухнув, подмяв под себя милую красную крохотулю плукса. Чавкнуло, брызнуло. Весь покрытый кровью призм опустил лезвия и задумчиво поворочал уродливой башкой, изучая пласты нашинкованного мяса.

– Вверх! – велел я, не давая ему возгордиться – И в следующий раз режь тоньше!

– Как сашими! – добавил Каппа – Я научу тебя. Это обязанность старшего и более опытного воина.

– Спасибо! – смущенно склонил башку призм.

А я уже поднимался по заваленной трупами лестнице, отмечая, что тел стало куда меньше, а шум следующей уже не столь ожесточенной схватки слышится гораздо ближе. Атакующие замедлились. Их ряды поредели. Но они еще не выдохлись и сумели сохранить раж. Золотой или серебряный статус для этих придурков настолько важен?

– По коридору второго этажа прет толпа! – передала снизу Джоранн.

– Ускоряемся – бросил я, вываливаясь на третий этаж – Ух ты…

На полу распластался настолько огромный темно-серый дохлый плукс, что обойти его было нельзя. Пришлось штурмовать еще одну гору дохлой плоти, взбираясь на вершину и скатываясь по совсем не ровному чешуйчатому боку. Пока мы проделывали этот фокус, карабкаясь по жопе гиганта, я мельком оглядел количество его ран и изумленно покачал головой. Неимоверно живучая тварь. Тут в буквальном смысле слова десятки ран со всех сторон. Разрезы, проколы, разрывы, ожоги, торчащие из тела рукояти вбитых топоров, тесаков и даже обломанные вилы, а все это покрыто метрами рваной стальной и веревочной сетей, в довершении всего там же запутались провода электрошокеров. Такое впечатление, что тут сражались с почти бессмертным мифическим драконом. И победа далась великой ценой – за каждую нанесенную ему рану серый гигант забрал минимум по одному зомбаку. Только тут, на третьем этаже, он подмял под себя и разорванными набросал вокруг, никак не меньше пятнадцати крепких мертвяков. А ведь плукс поднимался с первого этажа, преодолев каждый метр собственными лапами.

– А дерьмо – заметил я, увидев головную часть твари, что тоже была изрезана и исколота, но в дополнении еще и украшена двумя рядышком легшими дырами. Крупный калибр. Пули? Непохоже.

Присев, я глянул внутрь ран, наспех с силой резанул ножом, сунул ладонь, раздирая трескучее мясо. Нащупал что-то и с силой потянул на себя, вытянув из кровавой дыры стальной костыль длиной от кончиков моих пальцев до локтя.

– Охренеть! – пораженно выдавил орк – Это что за хер железный?! Командир. Смотри. Тряпки из горлышек.

Орк ткнул пальцем в лежащего ничком безголового и порванного пополам зомбака, нежно сжимающего пару бутылок.

– Старый добрый коктейль – кивнул я – Подбери.

– Ага. Ого… у него на обрубке шеи ошейник, а на нем зажигалка на цепи. Хрена себе пес сторожевой!

– Вперед – мотнул я головой, бросая тяжелый костыль на пол и бросая задумчивый взгляд на заваленный трупами и костьми коридор третьего этажа – Марш-бросок. За мной!

И мы рванули. Пользуясь тем, что продолжался бой, мы бежали по опаленному дымному коридору, перепрыгивая тела и минуя больничные палаты, где тоже кто-то дрался, вопил, скулил, кого-то жрал, ослепшим тыкался в стены, тупо сидел в углу, пытался приладить оторванную ногу к хлещущей кровью культе, а в одной палате страстно трахались, причем явно по обоюдному согласию. Раскинувшаяся на ржавой кроватной сетке нагая девушка стиснула бедрами ритмично дергающегося мужика,

страстно постанывай, покачивая рукой засевший в его потной окровавленной спине нож, в другой держа нацеленный на дверь дробовик и не обращая внимания на сочащуюся кровью повязку на своей шее. Все в последний раз, да, бойцы?

– Сзади здоровенные плуксы, командир! Сейчас поднимутся! С ними толпа стальных дебилов!

Кивнув на бегу Джоранн, я еще ускорился, нацелившись на то, что с полным правом можно было назвать великанской кучей чьей-то кровавой блевоты. На самом деле это были буквально изжеванные и выплюнутые тела зомбаков, украшенные вишенками мелких плуксов и парочкой стальных дебилов.

– Ныряем! – велел я, подавая пример и плюхаясь на гребень склизкой тошнотворной горы, что пузырилась, выпуская на волю рвущиеся из жеваных кишок газы.

– Туда? – ахнула было рыжая, но тут же прыгнула следом, втискиваясь бедрами в щель между двумя освежеванными торсами.

Нам потребовалась пара минут, чтобы устроиться поудобней внутри мясной горы. Убедившись, что мы закрыты со всех сторон, я отдал следующий приказ:

– Рэк! Приготовь один из коктейлей Молотова. Когда скажу – поджигай и разбивай о стену над нами. Так чтобы все стекло прямо на трупы.

– Так ведь и на нас.

– Готовь!

– Понял.

– Там здоровенный оранжевый плукс – зашептала устроившаяся между мной и призмом Джоранн – Видела мельком. Такой здоровый, что ему тяжело подниматься по лестнице. И он в кольце охраны.

– Вот и Отверженная. Рыцарей сколько?

– Засекла не меньше двадцати прикормов. Но они не новенькие.

– В смысле – уже в бою побывали.

– Точно! Порванные все.

– Движение в коридоре, лид – ожил Хван – Приближаются.

– Давай, Рэк! Если кого припечет – не орать и не дергаться! Пускайтесь шипящий сок и жарьтесь молча! – велел я и мясная липкая гора ответила мне дружным вздохом.

– Запечем жаркое! – тихо рыкнул орк и над нами послышался стеклянный звон.

– Давай еще одну!

– И чтобы корочка хрустящей была!

Еще раз звякнуло. Пахнуло дымом. Запахом спирта, бензина

и чего-то из бытовой химии вроде как. Над нами зашипело. Сверху донесся долгий хриплый выдох боли:

– Бо-о-о-льно…

– Прикорм пожеванный еще дышит – изумился Хван и, с трудом частично высвободив лезвие, ткнул им в мясной потолок – Во дает… я ж на его печенке выпавшей сижу!

– Кх-ха-а-а… – с облегчением выдохнули сверху и затихли.

– Домом пахнет – удивительно эмоционально заметил Рэк.

Втянув забитыми чужой запекшейся кровью ноздрями воздух, я подтвердил:

– Прямо как в баре родной Окраины. Жаркое плукса. Компот. И самогон.

– Эх! Командир! Как в Уголек вернемся – выпьем?

– Ага. А теперь заткнитесь. Ни звука. Ни вздоха. Замерли!

По коридору тянулась следующая темная волна гномьей рати. Упорные. До чего же упорные. Они не могли не знать, что их путь назад отрезан. Отступить больше некуда. Самое время забиться в угол и начать торговаться с системой – вдруг откроет щелку и пустит вниз. Ну или пытаться пробиться с боем наружу, начав с самого очевидного – тот же угол, рубка деревьев, штурм стены Зомбилэнда. Но нет. Отряд Прикормов и стая Зеверы Отверженной продолжали атаковать второй больничный, стремясь отыскать гоблина Оди любой ценой.

– Они близко – прошептала Джоранн, ласково проводя ладонью по стволам дробовика – Они уже тут…

Глава вторая

Сплоченная враждебная масса протиснулась сквозь познавший множество смертей коридор, краем зацепила пылающую мясную кучу и… прошла мимо, не обратив особого внимания на поджаривающееся мясо. Мимо нас один за другим не бежали, а размеренно шагали плуксы и рыцари, переставшие опрометью гнаться за неуловимой целью. Теперь они продвигались по всем правилам военной тактики. Две волны разведчиков, что совались в каждую палату, попутно уничтожая там зомбаков и порой добивая особо тяжелых своих. За разведчиками уже двигалась основная масса, представляющая собой стальную стену выставленных щитов с зарешеченными оконцами, за которыми блестели рыцарские шлемы. Под защитой стали шагали и плуксы-гиганты, покачиваясь и неся на себе сложную сбрую с небольшими платформами-сиденьями на боках, где разместились рыцари-стрелки, вооруженные чем угодно, но только не дробовиками. Вернее дробовики – максимально укороченные обрезы с тремя стволами – тоже были, покачиваясь на поясах. Но в руках стрелки держали винтовки с рамочными стальными прикладами, длинными дулами и торчащими вправо рычагами затвора. Выстрелил, перезарядил, выстрелил, перезарядил. Еще одно вооружение… я едва не зашевелился под мясной кучей, увидев в руках прикормов несколько штурмовых винтовок. Автоматы. В разгрузках поверх стальных кирас забитые магазинами. Стволы автоматов и винтовок угрожающе ходили из стороны в сторону, нацеливаясь в окна, двери палат, снова возвращаясь к коридору.

Протискиваясь мимо нас, они проявили небрежную осторожность, пальнув по горящему мясу из дробовиков. Пылающие тела над нами дрогнули, принимая залпы картечи. Мы остались неподвижны. И гномы с плуксами прошли дальше по коридору, «волоча» за собой хвост из мелких плуксов и нескольких подраненных прикормов, что хромая и ругаясь, тащили битком набитые рюкзаки и редкие носилки с ранеными.

Едва не сожрав себе губы от зависти и злости, я проводил взглядом парочку прошедших совсем рядом рыцарей прикрытия вооруженных винтовками. Дергаться нельзя – основной отряд еще близко.

Ждать…

Ждать, гоблин.

Ждать…

Ждать и впечатляться – я увидел оранжево-красное огромное

пятно в центре отряда. Сверкающей чешуей плукс в самом сердце их построения. Плукс без сбруи. Тяжко шагающий плукс, что наверняка несет в себе ее – суку жрицу Зеверу Отверженную.

Хотя я особо не впечатлился. Это все дерьмо. Гоблинов-командиров не только из чешуйчатой жопы выковыривали. Моя память блокирована. Но я знаю, что людская история насчитывает сотни войн, в которых вражеских командиров то и дело выковыривали из бронемашин, блиндажей и даже бункеров.

Тут надо не впечатляться, а искать оружие помощней. Дробовиком с таким гигантами мне не справиться. Я помню ту огромную серую тушу в начале коридора с десятками глубоких ран. Мне нужна как минимум штурмовая винтовка с хорошим запасом патронов. И тогда я рискну потягаться с любой из этих кровожадных тварей.

Ладно…

Ладно…

Напружинив ноги, я подался вперед и, подобно кровавому сгустку вытек из кучи дохлятины, оказавшись у ног нихрена не понявшего рыцаря со странноватой винтовкой на шее, рюкзаком за спиной и руками сомкнутыми на рукоятях носилок. Рывком поднявшись, сплевывая кровавую жижу, я приставил нож к его горлу, с первого раза приложив лезвие к месту, где кончалась кольчужная шейная защита и начиналась мягкая и потная небритая плоть.

– Сдаюсь! – вякнул прикорм, правильно оценивший местонахождение острого лезвия, что уже подпортило ему брутальную небритость – Конвенция о правах военноп…

– Не слыхал – улыбнулся я и перерезал ему глотку.

Свинокол Рэка глубоко ушел в глазницу шлема второго носильщика. С грохотом рухнули носилки, лежащий на них раненый с залитым клеем разодранным животом взвыл от боли и пришел в себя – только чтобы увидеть вонзающееся в его грудь лезвие-руку страшного призма облепленного кровью и дымящегося.

Каппа прикончил двоих – вялых и явно неопытных кое-как снаряженных тупорых гоблинов шагавших последними. Парни явно отдыхали после своей смены на носилках. Позволить более опытным бойцам тащить носилки, а зеленым новикам доверить их охранам? Эти ушлепки сами виновны в своей позорной смерти.

Присев, я велел:

– Натягивайте на себя их броню – недостающие элементы. Попробуем на расстоянии сойти за своих. Хван! Догони ту суку на костыле!

– А-а-а-а! – завопила сука и, бросив костыль, рванула прочь

по коридору, в то время как сопровождавшие ее два плукса наоборот бросились к призму.

Толку?

Богомол попросту перепрыгнул их, оставляя бросившемуся следом Каппе. А сам в несколько прыжков догнал бегунью. Та, поняв, что не убежать, выбрала единственный шанс спастись – ласточкой нырнула в окно. Круто затормозивший призм сунулся в то же окно и ударил обоими лезвиями. Подался назад, втягивая руки и висящую на лезвиях хрипящую суку с перекошенным лицом.

– Дура что ли? – пораженно спросил призм корчащуюся девку – Ты бы разбилась!

Та не ответила и призм повернулся ко мне.

– Догнал, командир! Дальше что?

– Предложи ей чаю! – рыкнул я – Хван! Сбрось это дерьмо! Джоранн! Подтяни ему броню!

– Да!

– Бросаю – призм дернул плечами, и скулящая баба рухнула с третьего этажа.

Один за другим опустошая карманы рыцарских разгрузок и сваливая барахло на стальную грудь одного из трупов, выбрав того, что почище, я поглядывал на бойцов и давал указания, кому и что добавить.

Рэк сменил шлем, получив в принципе точно такой же, но украшенный тупорылым тройным высоким гребнем из стали, что зацепится за любую хрень и поможет отправить своего владельца на тот свет. Еще орк добавил бахромы на наручи, остальные успели сделать то же самое, после чего я не выдержал и рявкнул жизнеутверждающе-отменяющее:

– В жопу гребни! В жопу бахрому! Сдирайте сука все.

– Один хер мы на них не похожи, командир – поддержал меня Рэк, отшвыривая шлем – И лохань эта рвотой воняет. Аж глаз режет.

– Закупорь башку родной кастрюлей! – велел я и орк поспешно натянул пригнанный по всем правилам шлем, довольно осклабился за прозрачным забралом.

Закончив рыться в карманах дохляков, я начал выбирать самое ценное. Распихал по собственным уютным кармашкам боеприпасы, спрятал за пояс пару удобных для метания ножей. И взялся за странноватую винтовку.

Огнестрел. Снизу квадратный магазин. Два таких уже в моих карманах, на каждом по жирной цифре «10». Одна цифра зеленая, другая красная. В самой винтовке магазин с красной. В наличии предохранитель. Спилена для чего-то скоба вокруг спускового

крючка. Ствол коротковат. Ну… чем-то похоже на кустарно исполненную автоматическую винтовку. Но магазины на десять патронов? Это же бред. Новичок пальнет раз и все. Ветеран даст три очереди. Профи… ну этот еще на одну куцую очередь растянет удовольствие. Маловато. И надо испробовать в деле.

– Командир? – увидев склонившего голову Хвана я успокаивающе кивнул:

– Ага. Тихо и тревожно. Все норм. Просто они тишину поймали. Остановились.

– Зачем?

– Ну… скорей всего их разведку сожрали зомби – ухмыльнулся я – И они пытаются понять, что делать дальше.

Привалившись к стене, я забросил ноги на труп и облегченно выдохнул – пояснице хорошо.

– Шаркает – это ожил Каппа, глядящий в сторону, откуда мы явились – К нам направляется старый бесстрашный воин. Одинокий воин. Он слишком горд, чтобы отступать?

– Ему просто посрать – буркнул я и, чуть повысив голос, крикнул в коридор – Эй, старпер! Тебе посрать?

– Пошел нахер! – донеслось из-за череды дымящихся трупов – Сосунки обделанные, обосранные, говорливые! Заткнитесь все!

– Ему посрать – подтвердил Рэк – Что дальше, командир?

– Снова отдых. Я оцениваю.

– Что?

– Тактический гений лидеров того невнятного разваливающегося отряда – я качнул головой уже в другую сторону – Там два отряда в куче. Повелительница стаи плуксов и лидер отряда прикормов. И что-то не верится мне, что кто-то из них согласится уступить власть другому.

– Это же хорошо?

– Это дерьмово. Их агрессия должна быть направлена наружу, а не вовнутрь. Зомби победят этих придурков, бойцы. Так что готовьтесь к жаркой драке наверху. А пока отдыхайте – минут десять у нас точно в запасе. А дальше уже посмотрим, что они решат.

– Эй! Хренососы! Среди вас есть говнюк Оди? – шамкающий, но все еще твердый и очень злой голос дошедшего до нас наконец рыцаря заставил отвлечься от обсуждения.

Я молча поднял руку, представляясь.

Опираясь на приклад длинноватого четырехствольного переломного дробовика, старый рыцарь впился в меня блеклыми глазами. Щиток шлема поднят, ноги широко расставлены, ладони на прикладе. Вызывающая бесстрашная поза. Но на самом деле старику так просто удобней стоять – легче выдерживать ставшую

для него уже непомерной тяжесть доспехов и рюкзака. А дробовик давно превратился в посох – вон как блестят его вечно трущиеся о пол стволы.

– Тебе бы сдохнуть уже, старик – посоветовал я.

– Все мы сдохнем – ответил дедушка и, обведя долгим безразличным взглядом тела прикормов у своих ног, заметил – Многих из них учил я.

– И дерьмово же научил.

– Как меня учили – так и я учил. Я орк Вефнор. Бывший гоблин. Добровольно низший. Серебряный статус. А ты че вякнешь?

– Гоблин Оди. Все остальное – труха.

– Вижу не торопишься?

– Они думают – улыбнулся я, кивая в сторону впавшего в ступорную ругань отряда гномов.

– Тупорылы! – скривился старик и покосился на Рэка – Че зыркаешь, громила? Дробовик мой пососать хочешь? Или сразу хер мой лизать начнешь? Я сегодня добрый – выбирай.

– Да пошел ты – мирно ответил орк и уселся рядом со мной – Но если вскинешь свой дробовик или хер седой – прострелю башку.

– А целиться умеешь?

– По старперу не промажу.

– Ну ты герой прямо.

– А так и есть. Герой – осклабился Рэк и повернул харю ко мне – Там че-то задвигалось в самом конце.

– Ссорятся – ответил я.

– Срутся! – добавил Вефнор – Почему не хотите ударить им в спины?

– Тебе че надо, дедушка? – поинтересовался я – Зачем меня спрашивал?

– Просто харю твою увидеть хотел. И вот сподобился. Спасибо.

– Рад исполнить желание. Хочешь научу тебя летать?

– Из окна и сам спрыгнуть могу. Выпьешь?

– Не.

– А я выпью. Перед смертью – закряхтев, старик опустил седалище на стальную спину одного из своих дохлых учеников – Побеседую с достойными людьми.

– Тут нет людей, гном. Тут гоблины и гниды. В этом мире вообще нет людей.

– Вот и тема нашлась.

– Не – покачал я головой – Давай без этого. Тема интересная, не спорю. Но ты ведь о другом поговорить хотел?

– Мозги еще целы?

– Ты о чем?

– Мы дуреем, парень. Ты не замечаешь? Весь этот мир провалился в клоаку именно поэтому – мы дуреем! Нам сука конец! Порочный круг, порочная гнойная жопа. А кто виноват? Она! Мать!

– Вот это неожиданно – признался я и, наведя винтовку на старика, нажал на спуск.

Звук выстрела был удивительно негромким. Так… не больше, чем кашляющий хлопок. В боку стального панциря трупа, что служил сиденьем старику, образовалась неплохая дыра – можно просунуть указательный палец. Через пару секунд из глубокой раны повалил едкий дымок.

– Дерьмо тебе в уши, пацан! – сморщился недовольно старик и глянул на призма – Эй, урод. Я жопу приподниму, а ты мне скамью поменяй.

– Конечно, дедушка. А через коридор тебе перейти не помочь? Чтобы сразу в окно – и харей в газон или в тухлые кишки.

– Подобрал ты парней. И эта сука вон как зыркает.

– Я тебе лицо срежу, пердун старый! – ответила рыжая, доставая флягу с водой.

– Поменяй старику скамью – кивнул я призму, и богомол пришел в движение, пинком отшвырнув дымящийся труп и тут же подтащив другой. Дедушка снова уселся, пожевал губами и кивнул:

– А вообще да – научите меня летать. Минуток через пять переведите меня убогого через коридор – и в окно. Оттуда не видно океан?

– Не.

– А йодом и водорослями не пахнет? Чем пахнет это место?

– Цветы, хвоя, буки, вонь старперов и померших надежд.

– Ну уже отлично! Хоть что-то новое!

– Вонь старперов?

– Буки!

– Почему мы дуреем, старик?

– Они стирают нам память, гоблин Оди.

– И что?

– Если всего раз – как у большинства – то ничего. Но я долго живу на свете. И лично знал и знаю тех, кому память стирали уже несколько раз. И знаешь что? Эти бедолаги превращаются в ублюдков! Им вместе с воспоминаниями стирают и границы дозволенного! Они убивают с той же легкостью, с какой я открываю банку пива! Им становится на все плевать! А на их

лицах поселяются вечные мрачность, злость, агрессивность, нежелание и неумение долго кого-то слушать. Я знаю! Вон тот громила что сидит рядом с тобой – сколько раз его ментально кастрировали? Судя по тупой недовольной харе – раза три уже?

– Ты бредишь, старик – поморщился я.

– Мальчишка! Что ты знаешь об этом мире!

– Этот мир губят не агрессивные низшие, старик. Этот мир губят улыбающиеся высшие. И ты знаешь это.

– И эти тоже. Со всех сторон сжимают! Ладно я – свое уже пожил. Надоело! Хочу умереть! Давно бы руки на себя наложил, но… вдруг там за это спросят?

– Где там?

– Не прикидывайся тупее чем ты есть, мальчишка!

– Ну-ну… ты прямо озадачил меня, старик.

Достав из набедренной сумки стальную флягу, старик со скрипом отвинтил крышку, сделал несколько больших глотков. В коридоре пронесся запах крепкого спиртного, шумно сглотнул Рэк и в него тут же ткнулся палец стальной перчатки:

– Неуемно жадный до выпивки! Дай угадаю – и до баб тоже жаден! По лицу вижу – стирали тебе память уже не раз. А вместе с ней стерли и порядочность.

Рэк угрюмо молчал. Молчали все. Далеко от нас, в том же коридоре, у самой лестницы на четвертый этаж, звучали злые голоса наполовину втянувшегося на лестницу вражеского отряда. Они продолжали ссориться и продолжали стоять на месте.

– О чем думаешь, гоблин Оди? – снова заговорил старик, держа поблескивающую флягу на колене.

– О синем свете – насколько он дорог главному среди зомбаков?

– Я не понял ни слова. Что такое синий свет?

– Комната. Там над нами. Может в нескольких метрах от нас, если по прямой – я поднял лицо к железобетонным перекрытиям потолка – А в комнате синий свет.

– И почему он дорог главному среди зомбаков?

– Может и не дорог. Может дорог. Может взорвет, а может нет. А если к сути – взорвется ли вскоре весь второй больничный корпус, похоронив нас под обломками или же не взорвется?

– Дерьмо! – заметил Хван, закрутив башкой и защелкав жвалами – Вот так погибать неохота. Сколько у тварей взрывчатки?

– Этого не узнать – ответил я и сменил тему – Старик… сидя вот тут, на обезображенных трупах своих учеников и слыша, как бездарно грызутся в темном углу еще живые соратники… сидя тут и понимая, что пришел сюда умирать… о чем ты думаешь?

– Я? – на пол с лязгом упал тяжелый шлем, на меня уставилось узкое морщинистое лицо с пронзительным взглядом злых блеклых глаз – Я просто рад тому, что все они сегодня умрут. Спросишь почему? Я отвечу – это бесцельный путь. И я знаю точно – ведь я прошел его весь! От простого работяги-гоблина, завербованного посулом мечты, я прошел путь от рядового прикорма до наставника. Этот путь занял без малого полвека… и этот путь упирается в непробиваемую стену. Тупик! Сраный тупик! Так что я рад, что сегодня умру сам и тому, что умрут и остальные из этот отряда прикормов. Те, кто уже ссучился и просто начал творить дерьмо – умрут. Те, кто еще не стал тварью, но рано или поздно станет – умрут. Зевера, что убила и сожрала столько девушек, что не сосчитать – умрет. Я бы хотел увидеть ее смерть. Но, хватит и твоего обещания, что она умрет лютой смертью, если попадет тебе в лапы.

– Легко. Умрет люто. Про смерть девушек и пожирание – жертвоприношения?

– Нет. Вовсе нет. То вроде как работа. Но если ты подолгу возишься с тварями любящими сладкое людское мясо… ты и сам начинаешь разделять эти взгляды. Зевера была наказана, была изгнана, понижена в статусе за то, что заставляла плуксов притаскивать ей вкусных молодых девушек. Ее поймали, когда она, голая, полубезумная, стоя на карачках бок о бок с плуксами, живьем жрала воющую девку… Зевера мечтает вернуть статус. Мечтает снова стать почитаемой жрицей. Она сделает все, чтобы выполнить задание золотого лидера Турриона. Ты, Оди, вернее твоя тупая голова – ее пропуск к прежней сладкой жизни. Ее талон на мясо.

– Статус – это золото и серебро?

– Золото и серебро. Не имея даже серебряного статуса, ты будешь жить почти как гоблин. В тех же темных одинаковых коридорах. Нет входа в особые красивые зоны. Нет входа в действительно просторные места. Жизнь без серебра – жизнь крысы в крысиных норах. Серебро – жизнь нормального гнома. Золото… ох золото… я закончил – отбросив флягу, старик прикорм поднялся и скомандовал призму – Давай, урод. Помоги дедушке отправиться в последний полет.

– Может – Хван наметил удар по шее старика – Так быстрее… и не так больно, наверное.

– Наверное – передразнил его старик – Кто тут боится боли, щенок?! Делай что сказано и не будь плаксивой бабой!

– Ты же не сопротивляешься…

– Каппа – вмешался я – Окажи уважение старику.

– Убей их всех, Оди! – схватившийся за край окна старик

тяжело шагнул на подоконник, отпустил упавший на пол дробовик – Убей их всех!

– Ага – отсалютовал я ему револьвером, что непонятно как снова оказался у меня в руке – Убью.

Одно движение мечника… и старый наставник Прикормов стальным бруском рухнул с третьего этажа. Будто приняв это за сигнал, крики спорящих утихли и вражеский отряд начал медленно втягиваться на четвертый этаж. И у них это получилось – с четвертого этажа не доносилось ни звука.

– Не вздумайте даже пальца за окно выставить! – предупредил я занервничавших бойцов и встал – Сейчас начнется… Ладно. Пора кончать с этим дерьмом. Пока не отдам приказ – не останавливаться! Игнорировать все! За мной!

С легкой неохотой оставив еще теплых и таких удобных для сидения и закидывания ног мертвецов, мы миновали дымящуюся гору мяса и в быстром, но не суматошном темпе направились к лестнице на четвертый этаж. Я задавал ритм и с каждым двадцатым шагом он становился чуть медленнее. И не по моей вине. Гоблин торопился! Но вот там наверху что-то нихрена не спешили.

Минуты тишины… а за минуту можно сделать многое.

Еще тридцать секунд затишья… а это тоже немалый срок!

Еще тридцать секунд. Конец коридора опустел, весь отряд втянулся на лестницу.

Я остановился и тяжело вздохнул:

– Ну да… всем присесть, открыть пасти и быть готовым!

Взрыв…

Когда ты находишься в здании, где гремит по-настоящему сильный взрыв, такой, что легко разламывает вековую толстенную кирпичную кладку на куски, шутя крошит железобетонные плиты и гнет стальные балки… такой взрыв ощущается по-особому, ведь в этот момент любое здание на несколько мгновений становится по-настоящему живым. Но только в том случае, если взрыв фатален. Вот тогда да… тогда умирающее здание либо обрушивается как старый инфарктник, молча и почти беззвучно, либо устраивает настоящий истеричный концерт, мотаясь из стороны в сторону и пытаясь напоследок заявить о себе как можно громче, либо же переламывается в поясе, хватая разбитыми окнами воздух… а может просто получить сильный нокдаун и на мгновение поплыть, но затем мгновенно восстановить равновесие и снова застыть, тяжело дыша вибрирующими стенами, коридорами, комнатами и всем нутром.

С нами случился нокдаун.

Я так и не услышал взрыва. Просто мы оказались на полу среди трупов, прокатились по лужам крови, что скорее смыли с нас излишки блевоты и рваных потрохов, улучшая общую гигиену. Едва мы замерли, мокрые и ошеломленные, по нам ударила мощнейшая воздушная волна, что заботливо подсушила нас и одарила запахом чего-то тошнотворно сладкого. Будто где-то взорвалась жопа великана, сожравшего недавно пирог с клубникой.

– Чтоб меня – прохрипел стоящий на коленях орк, держащий в руках не игстрел, а чересчур длинный и тяжелый четырехствольный дробовик улетевшего ветерана – Какая сила…

Ему никто не ответил. Поднявшись, я сплюнул на пол красным и прислушался. Сначала мешал сильный звон в ушах, а когда он исчез стало ненамного лучше – здание звенело как камертон. Нет, его уже почти не трясло, но… слышимость была как видимость – никакая.

В коридоре повисло густое и едкое облако сорванной со стен и потолка штукатурки. Воздух наполнен звоном бьющегося стекла, падающих где-то труб, лопающихся тросов, с треском ломающихся камней. Гигант может и устоял после взрывного удара, но бесследно для него это не прошло. Уверен, что в несущих стенах появилось немало трещин.

Но кое-что все же я услышал – стрельба. Ожесточенная разноголосая стрельба. И крики. Много криков. Большей частью это вопли боли. Но слышны и крики ярости.

Смешанный отряд гномьей рати выжил хотя бы частично и дал озлобленный бой засевшему на четвертом этаже противнику.

Ладно. Я снова двинулся вперед, ведя за собой группу. Стрельба не затихала.

– Система победила – кашлянул я, обращаясь к шагающей рядом Джоранн – Синий свет будет зажжен сегодня.

– Так уверен в нас, командир?

– Уверен – кивнул я – Но даже если мы сдохнем – мудрая хитрожопая Кассандра довершит дело. Пояснить почему? Или сама?

– Что тут думать? Все на поверхности. Гномы пробили защиту этой цитадели – ответила едва узнаваемая бело-красная Джоранн.

Кровь, белая пыль… мы похожи на освежеванные и покрытые панировкой куски мяса готовые к зажарке. Зря я переживал о маскировке – теперь даже вблизи гномам будет тяжело понять, что мы не одни из них. Разве что по призму опознают, но он держится за спиной Рэка.

Джоранн тем временем продолжала:

– Зомбаки потратили немало ресурсов. Боеприпасы,

взрывчатка, смертники, обученные бойцы. Так просто это не восстановить. И дело это небыстрое. Короче – мы сделали самое трудное. Кассандре останется лишь слизать вкусный желток. Но легче всего справиться именно сегодня. Завтра зомбаки восстановят часть численности и защиты. Послезавтра они станут еще сильнее, залатают еще пару дыр…

– Ты поняла принцип – кивнул я – Хорошо. А теперь будь хорошей девочкой и постарайся не сдохнуть.

– Ты все время меня сравниваешь с ней, да? С этой сраной Йоркой. Я настолько хуже нее?

– О чем ты?

– Она бросила тебя. Предала. А я иду за тобой в самое пекло, командир. Я лучше сраной гоблинши Йорки! Во всем!

– Прекратить бред, боец. И стреляй во все, что движется.

– Легко!

Вскинув дробовик, я дважды нажал на курок и тут же переломил оружие, выбрасывая гильзы. Лежащие на лестнице подранки сумевшие стащить с себя шлемы и вяло моргающие запорошенными глазами разом превратились в двух безголовых дебилов. Ментальное состояние обрело физическое воплощение.

Дерьмо… опять наркота подает о себе голос. Когда я последний раз закидывался таблеткой? Я не помню такого. Но почему-то под языком знакомо и сладко горчит.

Выстрел. И вместо малого красного плукса разбрызганное зеленое пятно на ступени. Выстрел. И нога с сорванной взрывом защитой отлетает в сторону, кривит рот в безумном крике деваха с вытатуированными усами и бородой. Джоранн сует ствол под прозрачное забрало ее шлема и жмет на курок. Шлем заполняется ало-желтым бульоном, дергающееся тело выпускает оружие и сползает по ступенькам. Выстрел. Рот старого крикуна становится кровавой багровой дырой – и в конце сраного тоннеля я вижу свет! Он все же есть! А в свете том я вижу морду отшатывающегося мужика. Я стреляю прямо сквозь дыру в теле и лицо мужика взрывается – равно как и дыра, что позволяет замолкшей башке благополучно улететь. Выстрел… выстрел… выстрел…

Кончики пальцев горят огнем. О эта боль от раскаленных гильз. Она тоже сладка. И тоже знакома. Я на бегу облизываю кончики пальцев и снова ощущаю горечь мемваса. Выстрел. Выстрел. Сорвать нож с перевязи и коротким тычком вбить в голову однорукого дебила пытающегося зубами всунуть патроны в переломленный дробовик. Обратным движением к себе выхватить из мертвой пасти патроны и загнать в свой дробовик. Щелчок. Поймать в прицел мутное пятно пытающегося вскинуть

оружие ублюдка в рваной броне. Выстрел. Дробовик за спину, в памяти зацепка – один патрон еще есть – выхватить из чужих вялых рук оружие, захватить из разгрузки пару магазинов. Палец сам находит переключатель, и залитая кровавым месивом лестница освещается злым огнем короткой жалящей очереди.

– Бегите, гномы! – ору я во всю глотку – Бегите, твари! Гоблины идут! Гоблины идут!

Но гномы не бегут. Они не могут. Они уже мертвы, хотя еще не понимают этого. Они, стоя, лежа, сидя, вяло стаскивают с голов шлемы, у них течет кровь из ушей, глаз, рта. Он кривят рты, но не слышно ни звука. Те, кто пережил взрывную контузию чуть лучше, пытаются оказать столь же вялое сопротивление, но… это жалкая попытка. Стреляя, нанося удары ножами, тесаками, страшенными лезвиями Хвана, пиная, а порой и бодая, мы поднимаемся по лестницам, уничтожая на пути все живое. Отщелкнув и отбросив магазин, я забил в автомат новый и, забросив оружие за спину, где уже болтался игстрел и трофейная винтовка с зажигательными патронами, взялся снова за дробовик. Он тут лучше – впереди расхристанная хрипящая мясная стена, что сама не понимает, чего хочет. В их тупых головах только кровь и звон… кровь и звон… снявшие шлемы, стоящие на коленях, изуродованные и умирающие, они не думают, они просто дышат. Но это ненадолго. Наши выстрелы проходятся по вершине стены, перебивая картечью гномьи шеи, раскрывая головы бутонами кошмарных влажных цветов, расцвечивая и без того красные стены всеми цветами внутриутробной палитры. Льется на пол дерьмо и кровь. Скулит отчаянно кто-то в углу, надрывно зовя маму и бригадиру Тошу. Он не хочет больше воевать, он хочет мыть полы – он любит мыть полы. Выстрелом я ломаю его надежды и оставляю захлебываться кровью.

Мы наверху.

Мы на четвертом этаже.

Мы на краю густой мясной каши с вкраплением стали и чешуи, что прямо на наших глазах медленно утекает в дыру во внешней стене, густыми потеками-телами летя вниз и уродуя остатки газонов. Тела мертвые и живые, сползают в пропасть и беззвучно исчезают. Вместе с ними летят куски бетона с торчащей арматурой и битые кирпичи. Падающие в дыру гномы мертвы. На их телах визгом заливаются аптечки, но к этому визгу мы давно привыкли еще там – по пути наверх. Этот аптечный истошный визг преследует нас уже давно и теперь воспринимается как нечто привычное.

Удерживая бойцов за углом, я прижался к стене, встал у широкой трещины, что пересекла пол и дальше побежала вверх

по стене. В трещину стекает густая припыленная кровь, пятная носки моих ботинок. Ствол вернувшейся в руки винтовки смотрит в глубину четвертого этажа, а мои глаза пытаются пробить многослойное пыльное облако, что повисло над место взрыва и не собирается оседать. Но кое-что мне увидеть все же удается. Там что-то оседает. Оседает прямо сейчас. Повода для паники нет – это что-то явно локальное. И-и-и…

Пол четвертого этажа частично проваливается, с грохотом припечатывая третий, прессуя трупы и выжимая из них питательный сок. Зомби будут в восторге – воткни трубочку в лужу и наслаждайся коктейлем. А может и ванну принять – чтобы зомбо-кожа была нежной и шелковистой.

С протяжным стоном ломается еще часть пола, накреняется как льдина, медлит перед падением. Две трети мясного завала подлетает к потолку, шлепается на шатающуюся плиту и по ней соскальзывает вниз. С гулким хлопком следом падает сама плита, до ушей доносится чавканье. Свежевыжатого сока прибавилось! Один за другим, как упавшие домино, трупы и умирающие падают вниз, увлекая за собой обломки. Через минуту мы оказались на краю громадного красно-бело-бурого влажного пятна с «островами» рваного мяса и редких трупов. Большая часть погибшего отряда ухнула на третий. А встревоженное случившимся локальным катаклизмом облако пыли стало чуть гуще, но при этом начало лениво выплывать в пролом в стене и через окна. Там, где-то за буками, снова взвыла истошно сирена и тут же поперхнулась, а затем и заткнулась. Тихо-то как…

И что по ту сторону пропасти?

Первое что я увидел – изодранную жопу плукса, что продолжал жить и нести на себе сбрую. Но рыцарей стрелков на нем уже не было.

Затем я услышал голос – мужской, хрипящий, злобный, требовательный:

– Зомбаки! Вы действуете разумно! Вы не твари – это видно! Значит можно договориться! Так давайте говорить! Нам Прикормам не нужно ваше сраное логово, не нужны ваши сокровища, не нужны ваши жизни. Нам нужен только долбанный Оди! Отдайте нам Оди – только его! – и мы уйдем! Просто уйдем и наши пути разойдутся навсегда!

– Он сказал «ваши сокровища»? – изумленно пробормотал я – Охренеть словечко…

– Отдайте нам Оди! – не унимался крикун. Через секунду его голос стал громче и отчетливей – будто он повернулся в нашу сторону.

Но коридор пуст, если не считать трупы и застывших на том

краю провала парочки явно пытающихся прийти в себя плуксов. Голос доносится из какой-то палаты по левую сторону. Ближайшей к нам или чуть дальше. Получается взрыв ахнул чуть запоздало, швырнув авангард вперед, перемолов центр и отбросив арьегард назад и вниз. Подохла ли та сука в жопе плукса?

– Зевера! – раздраженно взревел голос мужика, которого я обозначил как Тупой Лидер – Вылези уж из брюха! Говори! Помогай! Давай! Хватит сидеть в живой броне! Выбирай и помогай расхлебывать это дерьмо – мы сидим в одной тонущей лодке!

А в ответ ему тишина. Ни зомби, ни Зевера не дали внятного ответа. Зато кто-то другой, надрывно, испугано, в полный голос заявил со стальной уверенностью хотящего жить:

– Надо уходить, Тюфас! Надо уходить! Прямо сейчас!

– Нам нужен Оди! Заткнись!

– В жопу золотой статус, Тюфас! Мы тут все поляжем! Зверь Зеверы оглушен! Еле командует! Она сама может уже в коме – посмотри сам на ее зверя! Он от взрыва летел кувыркался, теряя куски! А с ней что?

– Заткнись!

– Погубить нас хочешь? – в голосе вопрошающего зазвучала звенящая кристальная эмоция – истеричная ненависть к тому, кто хочет его убить – Все поляжем ради чего? Просто так?

– Что ты скажешь золотому лидеру Турриону, идиот, когда вернешься с пустыми руками?!

– Правду! Что тут нехрена ловить! Этот сучий Оди либо уже сдох, либо выпрыгнул из окна и давно дал деру! Сидит сейчас где-нибудь у океана, лакает самогон, отмачивает мозоли в соленой водице и хер на нас ложит! А мы тут дохнем!

И опять тишина в ответ… но в палате что-то завозилось, заскрипело сталью и ботинками, загрюкало оружие. Уцелевшие и потерявший раж бойцы глубоко задумались. А там – дальше, глубже по коридору – вообще мертвым-мертво все. А мне ведь как раз туда и надо…

Ладно. Приставив винтовку к стеночке, я вооружился старым добрым игстрелом и, не жалея игл и батареи, принялся всаживать иглу за иглой в задницы оглушенных плуксов. Игстрел покашливал и потрескивал, ему в унисон стонало приходящее в себя здание, опять зазвучали злые и куда более испуганные голоса в палате. А я все стрелял, всаживая иглу за иглой в рваные прорехи чешуйчатой брони. Сколько игл выдержите, гиганты?

Я трижды сменил картриджи и только затем двое плуксов упали, а третий, видимо получив иглу куда-то в особо ценный орган, странно подпрыгнул и, волоча одну лапу, рванулся по

коридору. Прекратив стрелять, я принялся наблюдать.

Десять метров. Плукс миновал палату с союзниками и рванул дальше.

Пятнадцать…

Р-р-р-рах…

Короткая очередь любезно встретила плукса и перечеркнула всего жизненные планы. Из палаты на мгновение высунулась железная удивленная голова одного из подземных рыцарей. Оружие сменить я не успевал и выпустил столько игл сколько успел, оттарабанив ему звонкий мотив по шлему, а заодно угодив пару раз по шее. Захрипев, рыцарь рухнул, схватился за шею. Туда – сквозь пальцы в шею – я выстрелил зажигательным зарядом из подхваченной винтовки. Рыцаря затащили внутрь.

– Какая сука?! Зомбаки?!

– У него шея дымится! Дерьмо! Загорелось!

– А-А-А-А-А-А-А!

– Туши!

– Как?! У него горло изнутри полыхает!

– А-А-А-К-Х-Х-Х… уб… убейте! – булькал несчастный, что, судя по звукам колотился о пол – Убейте!

– Оп-па – тихо произнес я, приседая и не сводя взгляда с коридора.

Парень с полыхающей глоткой еще что-то там булькал, но я уже не слышал и не слушал. Я смотрел на коридор, где в клубах пыли проявилось несколько спокойно и уверенно шагающих фигур. Знакомые очертания. Очень знакомые – стальные рыцари вышагивали по коридору четвертого этажа, держа в руках оружие. Сверкнула сквозь пыль сталь шлема, продавилось сквозь пылевую стену забрало шлема, и я увидел лицо – серое раздутое лицо зомби с белесыми равнодушными зенками.

– Иду-у-ут! – завопили из палаты.

Звякнув металлом, первый из зомбаков подался чуть в сторону и швырнул округлый предмет о стену. Отскочив от стены, предмет закрутился и влетел в палату с гномьими рыцарями.

– На пол! – завопили из палаты.

– На пол – повторил и я своим – Залечь. И шквальный огонь на поражение!

– Наконец-то – удовлетворенно пропыхтел орк, падая рядом и прячась за трупом плукса – Каппа! Брось меч! Бери винтарь!

– Это разумно – подтвердил азиат и тут же выстрелил, на секунду опередив мою очередь.

Раздался взрыв. Из палаты вышвырнуло пару трупов и одного подранка, что тут же захлебнулся криком, когда в него влетел брошенный одним из зомби пожарный топор. Через пару секунд

вся моя группа уже лежала на краю провала и, прячась за трупами, вела прицельный огонь по пошедшим в атаку бронированным зомбакам.

– Дурак – с удовлетворенной улыбкой сказал я, не прекращая стрелять – Нетерпеливый дурак. Первая твоя ошибка.

Мои пули выбили искры из кирасы крайнего зомбака, щелкнули по разлетевшемуся старому забралу, утонули в сером безразличном лице. Рыцарь с грохотом упал, но успел швырнуть еще одну гранату. Она взорвалась почти сразу – над провалом, послав во все стороны осколки. Вздрогнул прикрывающий меня труп, сбивая прицел упертого в него автомата. Выругавшись, я перевел ствол чуть правее и прострелил колено зомбаку с дробовиком. Остальные его гнилые соратники синхронно вскинули оружие, и мы вжались в пол, пережидая стрельбу и изредка огрызаясь в ответ.

– Да там наши! – во время крохотного затишья донеслось обрадованно из палаты – Поможем им! В атаку! Зевера! Посылай, посылай, посылай!

– Стоп! – тут же велел я Рэку, а орк передал по цепочке дальше.

Из дверного проема выскочил серый плукс, бросившись на ближайшего зомби и сбив его с ног. Следом оттуда же выскочило еще четыре твари и… напоролись на зажатые в руках зомби тесаки. Стальные мертвяки не дрогнули, не отступили, не испугались. С равнодушием машин он встречали удары когтей и зубов, тут же отвечая. Одному вырвали руку, но он этого даже не заметил, утапливая тесак в пасти другого плукса. Второго рвали сразу двое, но он, потеряв обе ноги, спокойно продолжал стрелять из дробовика, пробивая огромные дыры в телах боевых плуксов. Явившиеся в коридор прикормы бросились на помощь плуксам, стреляя из дробовиков. Поймав одного из них в прицел, я терпеливо ждал, смотря, как из пылевого тумана проявляются еще шесть мертвых рыцарей, один из которых тащил на плече что-то невообразимо огромное. Вот эта штука отлипла от плеча и пошла вниз…

Резкий звон… и одного из плуксов как пушинку отшвырнуло назад, бросило на пол. Тварь забилась на полу, пытаясь встать, из глубокой раны в груди хлестала кровь.

Звон…

И один из прикормов закрутился бешеной юлой, после чего молча рухнул в провал и пропал.

Зомби опустил похожую на кусок рельса штуку, что должно быть весила килограмм пятьдесят. Стоя под пулями, трясясь, мотая искрящейся башкой, он спокойно перезарядился – это

отняло шесть секунд – и снова поднял пушку.

Звон…

– Мама! Ой мама! Ой мама! – потерявший ногу рыцарь забился на полу, ползя к провалу – Ой мама!

Другой зомбак равнодушно шагнул вперед, расставил руки – в одной четырехствольный дробовик, в другой автомат – и нажал на оба курка одновременно. Словивший в жопу заряд картечи рыцарь-мамсик захлебнулся воем, в затянутой дымом палате тоже не молчали и… выломившийся из покореженного дверного проема красно-оранжевый плукс ударил всей массой по перенесших на него огонь зомборыцарей.

– Огонь! – выдохнул я, без сожаления тратя боеприпас штурмового автомата – Огонь!

Я шептал себя – кто меня услышит в такой пальбе? Но колоссальная страшная тварь настолько била по нервам, настолько терзала их чем-то нехорошим, что моя группа едва ли не удвоила темп стрельбя. Картечь, пули, иглы – все летело в коридор к зомбакам и уже четырем плуксам. Еще через секунду я уже не понимал куда я стрелял. Одно темное месиво, пыль, дым, искры, вопли, падающие с проломленного взрывом потолка камни и обломки крыши. Но я продолжал стрелять, а в коридоре продолжало что-то происходить.

Что-то страшное. Что-то вызывающее уважение. Кое-что я все же углядел. И понял, что трахнутая на всю голову долбанная людоедка Зевера Отверженная дала бой. Последний бой! Сидя внутри послушного как перчатка плукса, она терзала и рвала стреляющих и бьющих мертвяков. К нам прилетела голова одного из этих дохляков – вместе с шеей и солидным куском правого плеча. Кусок мяса с мозговой начинкой шлепнулся на спину Джоранн и тут же заскрежетал острыми подпиленными зубами по прикрывающему ее задницу металлу. Умно… подпилить клыки… Хван сработал молниеносно, насадив башку на лезвие и подняв. Это было верно. А затем призм совершил ошибку – вскочил и замахнулся насаженной башкой, собираясь…

– Вниз! – рявкнул я и гнида послушно рухнула. Но не от моего крика – я услышал сначала звон, а затем увидел отлетающую руку призма, следом несколько пуль простучали по кирасе, по ногам, хрустнул кое-где хитин и Хван упал – Дерьмо! Джоранн! Осмотри его! Остальным стрелять! А дерьмо!

От шальной пули моя голова дернулась. В ушах загудело. Стальной шлем спас. Да и пуля прошла по касательной. Хвану куда тяжелее.

– Заливай клеем! – крикнул я в лицо за мокрым и грязным забралом.

Проползающая мимо Джоранн кивнула, волоча за собой снятый рюкзак.

– Рэк!

– Да?

– Когда прекращу стрелять и вскочу, начинай считать! До ста! Потом прекращай палить и других заставь остановиться! Перезарядитесь, затихните за трупами и наблюдайте. За мной не суйтесь! И ждите подкрепления. Понял?

– Понял! Останься здесь, лид! Нахрен! Ты хрень какую-то задумал! По глазам вижу!

– Ты меня понял, боец?!

– Понял!

– Хорошо… – я снова слился с оружием в одно целое, расчетливо вбивая пули из винтовки в выхваченную на мгновение цель.

Я стрелял зажигательными. И метился прежде всего в плуксов. А заодно считал… и наблюдал… снова считал секунды и снова наблюдал, ожидая. Я не спутаю. Я уже понимаю как именно и с какой скоростью он будет двигаться.

Десять…

Он тактик. Поэтому в первую очередь постарается добиться баланса.

Девять.

Он постарается добить тех, кого можно вынести с одного удара, но кто еще представляет собой опасность. Например, лежащих стрелков. И я вижу одного рыцаря с дробовиком. Он очень медленный, его несколько раз ранили, но он продолжает палить и его не замечают в сутолоке…

Семь…

А вон там по цепочке еще один подранок. Этот лежит ничком, но его рука тянется к автомату. Если это вижу я – увидит и он. Такие не пропускают подобных важных мелочей.

Пять…

Пройдясь по этим, двоим, он наткнется на упавшего, но еще живого и силящегося встать искромсанного красного мозгососа. Это еще шаг к провалу и внешней стороне здания.

Три…

Дальше у него тактическая свобода, но будь я на его месте, занялся бы с тыла тем стальным гигантом с топором и щитом. Средневековье побеждало – он добил уже двоих зомборыцарей и замахивался снова…

Два…

Красно-оранжевый плукс припал на брюхо, из него хлещет кровь, а из ран, как мне чудится сквозь стрельбу, доносится

взбешенный женский визг. Орет прямо из брюха? Это прямо как сигнал стартового пистолета…

Один! Время, Оди! Время!

Вскочив, я оставил опустевшую винтовку, бросил игстрел, оставив при себе свинку и дробовик. Прыжок. Я приземлился на торчащую из стены арматуру. Я смотрел только вперед. И не пропустил момент, когда в коридоре, с другой стороны, в драку влетела невероятно стремительная безмолвная фигура. Вот и он…

Прыжок на узкий карниз, нависший над провалом. Короткая пробежка в четыре шага, еще один длинный ныряющий прыжок и я приземляюсь на залитый кровью и слизью кафельный пол. Скользя, переворачиваюсь на бок и стреляю в брюхо тянущегося ко мне плукса. Второй выстрел достается по шлему замахнувшегося на меня топорщика. Отбросив дробовик под ноги дерущегося с зомби рыцарем, я взялся за «пиги», щедро поливая иглами все живое и мертвое в коридоре. Чей-то удар по руке выбил оружие из рук, но не остановил меня. Подхватившись, я вскочил и по-спринтерски рванул вперед что есть мочи, прыгая из стороны в сторону и скользя взглядом по коридору. Но по мне никто не стрелял. Как и ожидалось. Но это временно. И очень скоро все изменится.

Быстрее, гоблин! Быстрее! Давай! Давай! Не зря же тебе уколами всю жопу искололи, гоблин! Не зря же ты сука тренировал сам и дрессировал бойцов! Не зря же ты сегодня отказался от самогона! Дава-а-а-ай! Я смогу! И меня до сих пор никто не заметил…

Далекий крик снизу, прилетевший с нижних этажей, я не сразу опознал. Кричала Кассандра и у ней явно имелся какой-то усилитель голоса. Крик слышался неплохо.

– Оди я иду! Мы идем! Держитесь там, ушлепки! Держитесь!

Да чтоб ты тебя…

Я ничего не услышал. Но я почувствовал. Я знал, что тот, мимо кого я проскользнул, тот, кто вмешался в финал битвы, стремительный и безмолвный, только что заметил, что я проскочил и тут же бросился за мной следом. Он бежит за мной. И бежит быстрей меня. Но я нехило оторвался. И увидел кое-что важное.

Когда я проскочил место побоища, то увидел весь коридор. И я не мог не заметить, что тут все в полном порядке. Нет, тут, конечно, все в полном дерьме – грязь, пыль, запустение. Но при этом все двери в палаты распахнуты, вдоль стен стоят трухлявые кресла, на полу сгнившие ковровые дорожки без единой складочки, засохшие растения в кадках с потрескавшейся землей.

Тут нет баррикад, нет стен, нет заблокированных дверей. Это место выглядит так, будто с тех пор, как его покинул медперсонал и настоящие пациенты, сюда не ступала нога зомби. И увидев это я на ходу поменял первоначальный план – проскочить сквозь схватку, оставив их всех позади, ненадолго спрятаться в ближайшем укрытии, оценить обстановку, а затем…

Нет. Тот план тоже был рискован. Но то, чем я занят сейчас… за такое командиров расстреливают перед парадным строем и правильно поступают. Это непростительно. Я сделал тупость. И почему-то рад этому безумству. Сейчас уже не изменить. Но позднее я заставлю себя пожалеть об этом поступке.

Тебе конец, гоблин Оди! Я сука тебе жопу до кровинки выжму! Беги! Беги! Беги-и-и!

Резко обернувшись, я поднял руку и нажал на спуск. «Пиги» выкашляла остаток, и я швырнул ее в легко уклонившуюся фигуру рыцаря, несущегося за мной с невероятной скоростью. Сквозь прозрачное забрало на меня неотрывно смотрели светящиеся знакомые глаза.

Номера… номера на дверях…

Крутнувшись, я вцепился в косяк. От резко рывка застонали плечевые суставы, взвыла поясница. Мимо меня пролетел не успевший затормозить преследователь. Я прыгнул следом, хватая его за плечо и дергая на себя. Ствол револьвера вошел под край шлема я и нажал на спуск.

Выстрел.

Рыцарь вздрагивает, на моей ладони смыкаются его пальцы, и он резко поворачивается, тяня меня на себя и… От дикой боли в хрустящем плече я заорал в голос. Пискливо взвыла аптечка. Рывок…

– А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Захлебнувшись криком, я выстрелил еще раз – на этот раз под забрало, всадив пулю прямо в лицо. Отшатнувшись, рыцарь рухнул, держа в стальной перчатку мою левую руку. Глянув на оторванную в локте бессильно свисающую культю, я прыгнул к трясущемуся, но силящемуся встать рыцарю и выстрелил третий раз. Туда же – в башку. Выстрелил и побежал, сжимая в руке опустевший револьвер.

Дверь…

Дверь…

И снова я почувствовал – эта тварь за моей спиной перенесла попадания в мозг и хребет. Он уже встал. Он уже бежит за мной. Я дернулся в сторону. И моя оторванная рука, брошенная мне вслед, пролетела мимо. Следующий мой рывок с грохотом внес меня в единственную закрытую палату с тем сука самым

номером. Обычный номер. А снизу красным косо начертано злое слово «Боль».

Я внутри.

Ну?!

Где?!

Кровать. Столик. Лампа. И больше ничего!

Кровать! Столик! Сучья лампа! И больше ничего!

Стоп! Это бред, но…

Прыгнув на кровать, я избежал хватки стальной руки и дернулся вперед, накрывая ладонью синюю кнопку прикроватной лампы.

Мне в затылок пришелся страшный удар, следующий сбросил меня с кровати, отшвырнув до противоположной стены.

– Окх… – с огромным трудом перевернувшись на бок, я попытался встать до того, как меня накроет следующий удар.

Но удара не последовало.

Зажегшаяся мирным синеватым светом лампа будто заворожила опершегося о кровать огромного мрачного рыцаря. Он замер, не отводя от нее взгляд. Прозвучал долгий мелодичный звон. И прозвучал он не из лампы – перезвон шел от всего больничного корпуса, это ожили спрятанные в стенах динамики. Где бы ты ни был – услышишь. Перезвон повторился. Рыцарь продолжал оставаться недвижимым, а перезвон исчез, в лампе что-то щелкнуло. Следом же произошло нечто вовсе неожиданное – над лампой замерцал воздух и в синеватом свете появилось чуть дрожащее изображение улыбающейся миловидной женщине в белой шапочке и халате.

– О… ты услышал мой зов, и ты уже в комнате… приятно видеть такую расторопность. Здравствуй, Кевин. Скажи, ты ведь был хорошим и послушным мальчиком, да? Ты больше не ломал игрушки и не пытался убежать?

С легким скрипом рыцарь выпрямился, голова в шлеме покачалась из стороны в сторону, губы скривились в легкой едва заметной улыбке.

– Ты держишь свое слово? Ты относишься к вещам к вещам с уважением, уважая чужой труд? Ты берег свою комнату? Протирал в ней пыль? Заправлял кровать как я тебя учила?

Предводитель зомби медленно кивнул.

– Ну хорошо – с небольшой заминкой удовлетворенно кивнула явно какая-то интерактивная запись могущая реагировать на жесты – Я рада. Хорошо, милый, хорошо. Папа Элвис был бы тобой очень доволен. Что на тебе? Кепочка? Головной убор не пристало носить в помещениях. Сними ее. Отложи игрушки, садись на край кровати и не забудь опустить

ладошки на колени – так и только так сидят приличные мальчики.

Я с трудом встал. А не обращающая на меня внимания смерть со светящимися глазами щелкнула застежками, сняла шлем и медленно опустилась на край старой и явно маловатой ему кровати.

Двигаясь по стене, скребя по ней плечом, я дошел до двери и вывалился наружу. В палате место только для одного отморозка.

– Но перед сказкой давай поступим как всегда – отпустим твоих послушных друзей погулять. Хорошо? Отпусти их, Кевин. Отпусти. Слушай внимательно, что я тебе скажу. Мама. Любовь. Синие орхидеи. Могила. Дождь. Холод. Грусть. Спокойствие. Отрешенность. Пылинка. Сонливость. Абсолютность…

С трудом подняв голову, делая шаг за шагом, я смотрел на приближавшегося ко мне хромающего зомби, что явно только что был приказом выдернут из свалки, бежал к палате как получившая цель машина, но… его бег сменился на неуверенный шаг, голова повисла, руки недоумевающе скребли по помятому шлему, пытаясь его содрать, выпущенный из ладони погнутый тесак упал на пол. Зомбаку не нравились тесные тяжелые доспехи. Он пытался избавиться от них. А когда увидел меня, то с его лица исчезло тупое равнодушие. Он оживился. Пробежался языком по серым губам, содрал шлем, отбросив его в сторону, шагнул ко мне… и его башка взорвалась. Рухнув, он пару раз дернулся и затих, а стоящая над ним с дымящимся дробовиком Кассандра рявкнула:

– Мудак! И ведь получилось!

– Что получилось?

– Все зомби… снова стали обычными упырями! Как?

– Есть догадка… и догадка сидит вон за…

– Активирован управляющий аварийный протокол. Режим системного дрона активирован – оповестила нас усевшаяся на подоконник сова с человечьим лицом. Сказав это, птичка добавила голосом Брухи – Это не я! Мать забрала управление! Я только смотрю! Ох ты… рука… Оди! Твоя рука!

– Задание «Синий свет» выполнено. Начинается перезагрузка. Активирован протокол «Санитарный день». Внимание! Немедленно покинуть территорию специальной лечебницы Тихие Буки! – равнодушно произнесла птица и рванула по коридору, целеустремленно направляясь куда-то в глубины здание.

За окном завыла сирена. Провыв несколько секунд, динамики на мгновение затихли, а затем донеслось громогласное и уже слышанное:

– Задание «Синий свет» выполнено. Начинается перезагрузка.

Активирован протокол «Санитарный день». Внимание! Немедленно покинуть территорию специальной лечебницы Тихие Буки!

– Как мои там?

– Мы здесь! – прорычал орк, тащащий на себе гниду и ведущий остальных – Все в норме. А там все сдохли и уже воняют. О дерьмо! Рука где?!

– Уходим – устало произнес я, бросив короткий взгляд на снова прикрывшуюся дверь комнаты с интересным номером 191-28Боль.

Глава третья

– Лопнуть и сдохнуть! – рявкнула Йорка, встречающая нас у стальных ворот Зомбилэнда – Живы! Оди! Гоблин ты трахнутый! Рука где?! Надо срочно в медблок!

– О… – выдавил я и отвернулся.

– Пошла нахер, шлюха блудная! – проревел поддерживающий меня орк – Давалка! Подстилка! Кидала! Иди отсоси у тунцов и пусть везут тебя обратно – в жопу!

– Да пошел ты, мудак! Лучше бы ты сдох, урод!

– Заткнуться и разойтись! – прохрипел я, наваливаясь на орка сильнее – Где Баск?

– Здесь… плохо ему…

– Не сраться пока не прикажу! – велел я и уронил что-то совсем потяжелевшую голову на грудь.

Что ж так хреново из-за пустяковой раны? Хотя меня больше голова беспокоит – слишком уж звенит. Контузия?

Или…

Что «или» я уже не додумал. Дрожащий мир потерял краски, посерел, а затем и почернел. Остались лишь белые точки, что сходились и расходились, строя и разбивая прицельную сетку. Затем пропали и они. Темнота…

* * *

Сидя по жопу в океане, принимая грудью теплые волны, я елозил пальцами ног по песку на дне, с наслаждением шлифуя трудовые мозоли и буквально чувствуя, как от стоп отлетает мертвая прелая кожа. Мелкие потертости покалывало солью, но и это была приятная боль. В правой руке я держал бутылку с компотом, утопленную в океан по горлышко. Изредка вынимая бутылку, я делал пару глотков и снова плюхал ее в воду. На левую руку – ампутированную по плечо вместе с плечевым суставом, заштопанную, обколотую и залитую прозрачным медицинским клеем внимания я не обращал. И не переживал по поводу отсутствия руки – после того как я очнулся в медблоке, система велела мне заскочить через пару часиков. Холодная бездушная машина не соизволила пояснить перепуганному искалеченному гоблину детали и я, покинув медблок, потопал сюда, по пути отпустив преданно ожидавшего молчаливого Каппу, объявив всем двенадцать часов отдыха и заодно велев пока не залазить в интерфейсы. Нахрен. Вместо награды могут и

работенку подкинуть. А мне как-то пока не до этого. К тому же надо еще рассортировать ту безумную гору трофеев, что мы – вернее благодарные до жопы бойцы Кассандры – выволокли из Зомбилэнда до того, как там объявили санитарный день.

Зомбилэнд перекрыт наглухо. Система закрыла даже Обсервер. Бруха успела передать, когда над нами барражировала провожающая сова, что и всем сурверам дали полчаса на то, чтобы спрятать задницы поглубже под землю, задраиться и не подавать голоса до особого сигнала, после которого все сурверы получат временную свободу от своих убежищ, а вместе с временной свободой множество заданий зачистки. Сурверов превратили в санитаров. И я знаю, что им придется зачищать – горы снаряжения и оружия, тонны костей, центнеры тухлого мяса. Еще им предстоит разбирать завалы, а может и каменщиками придется поработать.

– Скоро все вернется на круги своя – заметил голос с океана.

Подняв ленивый взгляд, я оценил фигуру Кассандры и заметил:

– Старая, но пока не дряблая.

– Да пошел ты!

– Твоя сигара, мой герой – на нагретое солнцем здоровое плечо мягко легла прохладная рука. Щелкнула зажигалка подкуривая сигару. Пару раз пыхнув, сигаретная крошка в бирюзовом купальнице одарила меня поцелуем, вставила сигару мне в губы и ушла загорать на песок, где уже дрыхли мертвым сном накрытые полотенцами Хван и Джоранн. Рэк и Каппа опять пошли в бордель. У меня такое чувство, что мне стоит прекратить использовать столь опасное слово как «отдых». Кажется мне, что, слыша «отдых» эти двое почему-то сразу представляют себе бордель, но никак не библиотеку или там скажем этот мирный солнечный пляж неподалеку от платформы.

Поправив бретельку закрытого черного купальника, Кассандра согнала с плеча живую бабочку, что пыталась о чем-то поговорить с подкожным насекомым и продолжила:

– Зомбилэнд почистят. И откроют. И все заново…

– Это логично. Куда еще девать пополнение зомбаков? Фабрика фарша должна работать без перебоев.

– Почему ты не убил его? Почему велел уходить?

– Он…

– Да?

– Он часть всего этого – ответил я задумчиво – Он часть испорченного механизма.

– Ты сам себя слышишь? Звучит безумно!

– А ты себя слышишь? Ты себя видишь? Ты стоишь у высокой

стены фабрики по массовому убийству больных невинных людей, которых здесь рвут на части залпы картечи, рубят топоры, кромсают мачете. И это для тебя нормально?

– Это навязанная нам реальность. Мы не можем игнорировать правила Матери. Вернее можем… отчасти… стань добросом, сей пшеницу, собирай урожай, трахай по субботам тихую женушку, пой псалмы по воскресеньям, отрасти бакенбарды и заведи себе черный сюртук.

– Слово-то какое… сюртук…

– Почему ты не убил его? Я даже не увидела ту комнату… только дверь…

– Он часть всего этого – повторил я – Ты слышала легенду, что от зомбо-болезни помогает кровь великанов?

– Все слышали эту историю. И что?

– Да так…

– Так почему?

– Этого не было в задании – против всех правил я неглубоко затянулся сигарой, захлебываясь горьким ароматным дымом.

– Надо уметь читать между строк.

– Я и прочел.

– Может и прочел – согласилась пифия и, запрокинув голову, влила в себя пару глотков мутновато-синего коктейля перелитого в бутылку – Как бы то ни было – я герой. Герой первого ранга. И могу покинуть это место.

– Земли Завета? Кронтаун?

– Верно. Кронтаун.

– Знаешь… я видел во втором больничном целую кучу зомби. Кормящихся зомби.

– Само собой! Там ведь и было гнездо.

– Старых зомби.

– Что?

Я повторил:

– Там было очень много старых зомби. Оказывается, они стареют.

– Никто не вечен. Даже психопаты с гнилью в башке. Само собой они стареют, Оди! И что? Ты умилился, когда увидел дряхлого зомби-дедушку высасывающего беззубым ртом мозги пленника? Я тоже видела те ржавые кровати с примотанными костяками.

– Он их держал там. Старых зомби.

– Он это тот предводитель?

– Ага. Он держал во втором больничном… вернее содержал… что-то вроде дома престарелых. Он заботился о них. Ворвавшиеся гномы и плуксы всех покрошили, пока поднимались, но я все же

увидел. Там была богадельня. С регулярными поставками предельно свежего мяса. Первый этаж пуст. Второй и третий – столовка и проживание. Четвертый – запретная зона и там только матерый зомби-сквад.

– И? Я все еще не понимаю.

– Ему не было никакой выгоды содержать этих умирающих от старости и гнили старперов. От них даже в бою толку нет – лишь мешаться будут. Куда логичней было бы их послать в самоубийственную атаку на очередных новичков. А взамен он бы получил от системы куда более свежее и молодое пополнение. Но он этого не сделал. И мне кажется, что это его и сгубило. Поэтому система и решила зажечь синий свет.

– Погоди…

– Системе давно был нужен этот сраный санитарный день. Зомбилэнд пора было почистить не только от тонн ржавых доспехов, оружия, костей и прочего барахла. Еще надо было разогнать то многочисленно зомбо-стадо, что обосновалось во втором больничном и было недосягаемо для регулярно наведывающихся убийц. Ведь вроде как в Зомбилэнде всегда поддерживается постоянная численность зомби, верно? И если, предположим, четверть всего зомбо-состава не обновляется, это приведет к большой беде.

– Какой?

– Там внизу мы видели наглухо заваренные переборки. Наглухо заделанные коридоры с металлическими заиндевелыми заплатами. По ту сторону заплат – мороз.

– Да к чему ты?

– Морозильники переполнены. И давно. А бродосы привозят и привозят гребаных зомби. Их надо срочно пускать на мясо. Но необычный упырок Кевин обустроил себе целую цитадель во втором больничном. Элитную богадельню. Кевин частично забил сток в унитазе. И смертельно заболевшее живое дерьмо уже не так быстро проходит по трубам гигантской мясорубки. Раньше, к примеру, система запускала в Зомбилэнд около сотни зомбаков каждый день. А теперь только пятьдесят. Сдохли пятьдесят – а это случается не каждый день – можно еще пятьдесят… опять же заданий стало меньше – ведь на второй больничный заданий не выдают. Кевин уничтожит любой сквад…

– Чтоб меня – повернувшаяся ко мне пифия устало прикрыла глаза – Ты в любой даже самой простой ситуации отроешь какую-то мерзкую подоплеку воняющую тухлятиной. Что не так с твоими мозгами?

– А хрен его знает – я лениво пыхнул сигарой – Я просто подумал, что мы видим в зомбаках лишь хищных упырей.

– Так и есть!

– А Кевин видел в них нечто большее. Ведь он может командовать такими же как он. Это что-то здесь – я постучал себе по виску – Он не просто передает им команды. Он их буквально меняет. Превращает животных в дисциплинированных солдат.

– Ты просто как про себя сейчас говоришь.

– Мы непохожи – покачал я головой – Он добрее.

– Что?

– Он добрее. Он кормил балласт. Немощных стариков, что умеют только жрать и гадить, жрать и гадить. На их место он мог поставить матерых громил. И тогда ни плуксы, ни прикормы не смогли бы так легко взять его бастион. Синий свет никогда не был бы зажжен. И он это знал. Но сохранил зомбо-пердунов. Он дурак. Знаешь, мы теперь родом с острова сыроедов.

– Ага… типа того… легенда…

– Да. Легенда. Но я слышал их рассказы. Так вот. Давным-давно, в особо тяжелые для племени времена, когда племя голодало, старики и серьезно больные сыроеды прощались с семьями и добровольно уходили в лес, где и замерзали. Если они не могли идти сами – их относили внуки.

– Как мило…

– Это разумно. Тут нет добра. Но тут есть суть выживания. Лишний рот… это всегда лишний рот. Если племя вынуждено выживать – надо чем-то жертвовать.

– А Кевин этого не сделал?

– В точку. Он ослабил свою защиту. Превратил крепость в беззащитный дом престарелых. Он кретин.

– И поэтому ты его не убил?

– Он уникален.

– И что?! Это убийца!

– Таких как ты и я – тысячи, Кассандра. Где-то прямо сейчас, может тоже на пляже, на другом краю этого мира, сидят сейчас двое и ведут такую же беседу. И судьбы у них примерно такие же. А такой как Кевин… это что-то уникальное.

– Тебе пора завязывать с наркотой! Ну или наоборот – усилить дозу. Скажи другое – ты знал?

– Знал что?

– Что попав в Зомбилэнд другим путем сможешь нагнать туда гномов – гномов! – и этих страшных тварей, сделав их своими невольными союзниками и пушечным мясом.

– Не знал – признался я – Спуск на дно – спонтанное решение. Я просто хотел войти иным путем. Не через тамбур.

– Зачем?

– Чтобы не играть по навязанным правилам. Чтобы сломать

шаблон. Чтобы получить хоть какой-то фактор неожиданности. Хоть какое-то пусть и крохотное преимущество.

– И у тебя получилось.

– Получилось – согласился я.

– К тебе посетительница.

– Я слышу – вздохнул я и повернул голову на хруст песка – Чего тебе?

– Я хочу вернуться! – набычилась Йорка – Мы хотим вернуться! Я и Баск! Мы хотим убивать! В первую очередь – гребаных гномов!

– Угу – кивнул я и хлебнул компота.

– Я серьезно, Оди! Я на полном серьезе! Больше никакой мягкости, никакой оседлости. Только вперед! Я честна! Дай нам шанс.

– Уйти легко. Вернуться… куда тяжелей.

– Как нам вернуться? Что сделать? Тренировки? Сходить на задание в этот Зомбилэнд? Что сделать?

– Хом и Том – после краткой паузы произнес я.

– Это что?

– Это здешний мусор, что однажды наступил мне на ногу. Недавно я пообещал их убить. Но зачем мне, раненому бедолаге, напрягаться, когда у меня есть вернувшиеся верные бойцы Йорка и Баск, верно? Сегодня вы убьете Тома и Хома. Или сегодня же свалите из города сами – потому что, если через шесть часов эти два упырка будут еще дышать, я разберусь с ними сам, но сначала прикончу вас.

– О дерьмо… ты опять? – тяжело вздохнула Йорка.

– Я опять – подтвердил я, с шипением туша ставшую почему-то слишком горькую сигару о волну и выбрасывая на песок – Я сука опять! Я и так делаю ошибку давая вам шанс. Я даже надеюсь, что вы снова облажаетесь! Короче – я все сказал. Головы Тома и Хома – ваша плата за возвращение в отряд. Этих ушлепков вы можете отыскать в столовке Хомячий рай, что в третьем бараке.

– Баск болен и серьезно. Инфекция.

– Значит сделай все сама! – отрезал я – Или ты просишь только за себя?

– Нет! И за него тоже!

– Ну так вперед, гоблин. И еще – чем болезненней умрут те двое, чем кровавей и страшней будет их смерть, тем больше шансов, что я позволю вам вернуться.

– Охренеть…

– Так что?

– Да тут глаза Матери повсюду.

– Убивай в сумраке.

– Тут есть закон! Нас осудят и бросят на этот как его… эшафот!

– Вон главный шериф города самогон лакает – я кивнул на внимательно слушающую пифию. Та меня поправила:

– Не самогон. Коктейль.

– Ты бухаешь с главным копом и посылаешь меня на кровавое убийство?

– Ага – безмятежно улыбнулся я – Она мне до жопы обязана.

– Обязана – подтвердила Кассандра – Старайтесь не наследить. Главное, чтобы на глаза Матери не попасться. А если кто и жителей засечет случайно – я с ним поговорю и все тип-топ. И сама поручусь за тебя перед Матерью.

– Охренеть – выдавила Йорка – Охренеть! И это нормально?

– Это жизнь как она есть – дернул я плечом – У вас шесть часов. Либо убейте, либо бегите. Дам еще подсказку – если я меньше, чем через час услышу о ужасной двойной смерти сраного Хома и мудилы Тома… я точно дам вам шанс. Но если будет тянуть до последнего, будете опять сука колебаться и метаться… короче! Свали нахрен, гоблин! Сделай или сдохни! Выбор за тобой!

Я отвернулся. И раздавшийся через несколько секунд хруст песка оповестил, что гоблин ушел.

– Убьет или не убьет? – задумчиво спросила пифия, сдувая упавшую на щеку прядь волос и прячущуюся за ней желтую бабочку.

– Самому интересно – широко улыбнулся я, потягиваясь – Ай… обезболивающее какое-то хреновое.

– Тебе бы поспать.

– Не – покачал я головой – Посплю в дороге.

– Покидаешь наш милый славный городок?

– И как можно быстрее. Я и так здесь задержался.

– Гоблин… ты охренел? Ты здесь всего двое суток, но твое имя запомнят навсегда! Ты легенда!

– Да насрать. У тебя нет расписания билетов на бродос-экспресс в сторону Кронтауна?

– Найдется. Разве тебе не спится – пошли шашлыки жарить?

– Пошли – согласился я, осторожно вставая – Я кручу палки!

– Шампуры?

– Да похер. Лишь бы с мясом.

* * *

Запыхавшийся гонец, взрывая пятками песок и перескакивая через крабов, примчался минут через сорок, волоча за собой крикливого парнишку лет двадцати с небольшим. Гонец молча ткнул пальцем чуть не в лицо парня, потом заявил:

– Убийство. А это вроде как свидетель.

– Где? – поинтересовалась пифия, принимая от меня шампур с мясом и смело откусывая крайний кусок – М-м-м… вкуснотища… может правду говорят, что по-настоящему вкусно мясо может пожарить только убийца-мясник?

– Третий барк. Хомячий рай. Вроде как завалили хозяина заведения Тома, а с ним вместе еще четверых.

Я удивленно и даже обрадованно склонил голову к здоровому плечу, со скрежетом стащил зубами кусок мяса с шампура.

– Да не вроде как! – ожил невнятно вскрикивавший до этого на бегу парень в синем комбинезоне – Точно! Я же на пороге стоял и все видел! Там просто кто-то визгнул в бараке… вроде мужик, а завизжал так тоненько, испугано. Ну вроде как если в штаны себе глянул с утра – а там хера нету! И как завизжа-а-а-ал…

– А если ты девушка? – спросила пифия.

– С утра? – недоуменно хлопнул глазами парень.

– Вообще.

– Ну… тогда раз – а там хер между ног! И ви-и-и-изг…

– Думаешь? – хмыкнула Кассандра – Ну и что дальше?

– Я и сунулся на визг тихий. А там… Том на полу бьется в луже крови, ногами стучит, глаза пучит, за глотку держится. А за прилавком баба какая-то кого-то бейсбольной битой хреначит! Хреначит и орет что-то злое про траханого мудака гоблина… а с биты кровь так и слетает в разные стороны…

– А еще двое?

– Они у стены лежали. На столе. А рядом парень весь перебинтованный, худющий, в майке черной поверх бинтов. У него в руках здоровенный тесак. Он походу подошел к столу, где в карты играли и рубанул сходу сидящих… но это люди Хома – узнал по футболкам и штанам. Да я всех запомнил! Сразу опознаю!

– Опознаешь? – прищурилась Кассандра – Там ведь темно было. Лица ты не видел. Был испуган.

– Да видел я лица! Отчетливо разглядел! Точно опознаю! Испугался, конечно! Вот и рванул оттуда! Наткнулся на бойца вашего, он меня и притащил.

– Да показалось тебе, что ты лица разглядел. Наверное, только силуэты и увидел мутные, да? – надавила Кассандра.

– Да я до самой смерти запомнил их лица до мельчайшей

подробности?

– До самой смерти? – промурлыкала Кассандра.

– Ага!

– Аж минут на пять то есть?

– А?

– Ну если до самой смерти…

– В смысле – через пять минут я… а-а-а-а-а – наконец-то догнал парень и, подломившись, рухнул коленями на песок – Пифия Кассандра!

– Да?

– Простите! Не разглядел я никого! Темно там было! Пожалуйста… не убивайте.

– Ну что ты, милый. Живи. И молчи.

– Понял! Все понял!

– Оди? – глянула на меня Кассандра.

– Пойду прогуляюсь – вздохнул я – Заодно и в медблок загляну.

– Я пошлю к бараку пару своих парней. На всякий случай.

– Разберемся – усмехнулся я бледно – Тебе стоит остаться в этом городе, Кассандра.

– Почему?

– Потому что это твой город.

– Хм… ну спасибо за совет. Ты, кстати, что-то не рад.

– Не рад – подтвердил я мрачно, впихивая ноги в кеды – Вообще не рад. Им следовало исчезнуть. А не страдать херней.

– Хочешь я оставлю их себе? Прикормлю. Обеспечу интересным занятием. Подарю оседлость и уверенность в завтрашнем дне.

– Если честно – хочу.

– Предложи им это.

– Предложу…

Опережая меня, в город рванул получивший краткие инструкции гонец. Я не торопился. Я неспешно шагал, чувствуя, как пульсирует разгорающаяся боль в искалеченном плече.

* * *

У третьего барака клубилась быстро распухающая толпа. Пока было тихо, но у входа уже дежурило шестеро крепких парней держащих наготове игстрелы, дубины и тесаки. В толпе всплывали и затихали постепенно становящиеся все громче возгласы, побуждающие парней не ждать, а войти внутрь и посмотреть, что же там произошло.

– А че сам не войдешь? – проходя мимо лениво поинтересовался я у самого громкого и самого пухлого из присутствующих, чьи отвислые щеки были украшены десятками вытатуированных клыкастых головастиков – И что за мужик тебе так щедро на лицо брызнул?

– А?! А? Ась? – начал круто, сделал тише и вообще убавил звук пухлый, когда понял, кто к нему обращается – Доброго вам дня, герой Оди! Восхищаюсь вами! Есть ли шанс попасть к тебе в сквад?!

Ничего не ответив, я шагнул ко входу в Хомячий рай, взмахом руки заставляя стоящего перед входом бугая посторониться.

– Туда нельзя – заметил набычившийся бугай, которому явно не понравился мой резкий и небрежный взмах. Он явно привык к другому к себе отношению.

– Так останови меня – предложил я, стоя перед ним в шортах и кедах – Давай.

Мгновение помедлив, бугай шагнул в сторону, открывая проход. Не успел я сделать и шага, как к бараку подскочил Эйжоп и тут же сориентировавшись, заорал:

– Чего столпились то? Что тут интересного? Через пять минут начинаем бои! Сегодня раньше! И сегодня я готов поверить разок в долг даже тем, кто давно в пух и сраку проигрался! Давайте! Бои начинаются!

Толпа шумно вздохнула… и уменьшилась наполовину. Прибежавший с Эйжопом гонец Кассандры тут же подбавил жару:

– Госпожа Кассандра сегодня празднует! Она и ее сквад стали героями! В честь этого – угощения на Жильной рядом с лавкой достопочтенного торговца Сэма! Самогон и запивон – бесплатно! Фирменные коктейли мозготрясы – в половину стоимости! Закуска простая, но бесплатная – в наличии! Вперед, герои! Праздновать!

Еще один вздох… и перед бараком осталось не больше десятка чуток растерянных местных обитателей. Приостановившись, я пробежался по их лицам взглядом, запоминая приметы – раз остались, значит их держит нечто большее чем любопытство. Они как-то связаны с Хомом. И могут попытаться отомстить. Поймав мой взгляд оставшиеся мигом все поняли и рассосались, демонстративно и неуклюже шутя на тему жаркого полудня и прелой жопы под штанами. Не став слушать, я шагнул внутрь.

Столовка встретила меня сумраком и тишиной.

– Как ты, Баск? – спросил я валяющегося перед входом тощего дистрофана, пытающегося приподнять голову.

– К-командир… рад видеть…

– А я тебя нет. Совсем плохо?

– Жить буду. Система подлатала, но что-то во мне поселилось нехорошее, командир. Я рад. Честно рад. Заткнись и пошли – буркнул я, протягивая ему единственную руку.

– Мне не встать – признался Баск, слабо сжимая мне пальцы – Слушай… если все же подохну, позаботься о…

– Заткнись – поморщился я и, выпрямившись, потащил Баска волоком к выходу, бросив через плечо – Хватит отсиживаться за стойкой! Сказал же – тихо сделать! Пошли, кровавая! Чтобы через три секунды догнала меня!

Не дожидаясь ответа, я вышел наружу и столкнулся с гонцом, что старался не замечать тянущегося по бетонке полудохлого зомби.

– Так что там случилось? – спросил гонец.

– Хом и Том возжелали трахнуть тощую дуру Йорку. Ее парень Баск дал отпор. Насильники погибли.

– А еще двое за столом? Может и их в насильники запишем? Чего мелочиться? Сексуальная оргия гребаных извращенцев что должна была перерасти в кровавую бойню с последующим расчленением и подачей котлет всем жителям… и возможно это уже не первый раз…

– Ценю за фантазию. Давай.

– Вот и славно. Хорошего пути.

– Дерьмо – процедила догнавшая меня Йорка, пристроившись рядом и взявшись за вторую руку Баска – Дерьмо! Так хочу тебе шилом в рану ткнуть!

– Сохранила?

– Шило? Конечно! Прямо память о гребаном доме… Что ж я тебя не удавила в тот самый первый день? Ты был таким беспомощным… надавить бы пяткой на горло и все…

– Мечты – улыбнулся я – Мечты.

– Мы прошли твой сраный тест?

– Понравилось?

– Нет! Успокой меня хоть немного – они ведь были ублюдками?

– Да – кивнул я, сворачивая к первому бараку и не обращая внимания на глазеющих на нас обывателей – Они были теми еще ублюдками. Но умерли они не поэтому.

– И почему же они подохли так страшно? – спросила меня перепачканная по уши в крови девушка.

– Потому что я им это обещал – улыбнулся я – Ладно. Топай в море. Хорошенько отмокни. Там, слева от платформы, увидишь жаровню, Кассандру и моих дрыхнущих бойцов. Пожри мяса. И

побеседуй с Кассандрой.

– О чем?

– Она тебе и Баску кое-что предложит.

– Погоди! Ты же обещал взять нас к себе!

– Обещал – согласился я – Вот только статусы у нас тебе разные. Ты этнос. Обычный мирный житель. А мы получили статус героев второго ранга. Нас разделяет несколько ступеней. И возьми я тебя сейчас в сквад…

– Куда?

– В отряд. Возьми я тебя и Баска в отряд – мы наверняка тоже просядем в статусе. Так что у тебя и Баска два варианта. Первый – вы идете с нами, но в качестве обоза. Патроны и напитки подавать будете до тех пор, пока не подрастете в статусе. Может это и неплохо? Второй вариант – задержитесь в Угольке под крылышком Кассандры. Она не даст пропасть, поможет получить статус героев хотя бы первого ранга. Огнестрелом я вас снаряжу в любом случае. Как и броней. И крон отсыплю. Короче – я задрался смазывать оливковым салом твои чувствительные места! Тебе решать, Йорка! Тебе и Баску. Однажды вы уже приняли решение – и вот к чему оно привело. Почему? Потому что понадеялись, что до вас никому нет дела. А вот гномы решили иначе. Это ведь гномы достали вас на острове?

– Они. Рассказать как все было?

– Позднее. Топай на пляж, кровавая дева. Отмойся. Туда же принесут Баска минут через пять. Почему на нем нет аптечки?

– Систем велела снять – прохрипел Баск – Чтобы не было передоза и противоречий…

– Как круто – хмыкнул я – Ты все слышал, Баск?

– Все слышал.

– Отлично – кивнул я, подтаскивая его к нашему закутку и отпуская руку.

Заметив присевших пообедать трех работяг-гоблинов, свистнул, привлекая их внимание. Когда на мне скрестились вопрощающие взгляды, спросил:

– По пять крон заработать хотите за несколько минут?

– Да! – хором ответили они.

Еще через минуту Баска уже на руках тащили к морю, следом медленно шагала глубоко задумавшаяся девчонка покрытая запекшейся кровью и что-то выковыривающая из уха – может мои обидные слова, а может кусочки мозгов. Своих или чужих… Скорее чужих – в забрызганной кровью столовке воняло чьими-то растоптанными мозгами.

– Ладно – вздохнул я, глядя на приближающихся знакомых – А теперь что?

Ко мне шагал Лео Сквалыга, рядом с ним топал старый Рокс, а за ними катилась доверху загруженная и крытая брезентом повозка влекомая тяжело дышащими гоблинами-рикшами.

– Он сдох – сразу сказал я Лео – Причем сдох позорно.

– Уже слышал о его смерти – грустно кивнул Сквалыга – Расплатился за мои перед тобой грехи.

– Не. Он просто трус. Поэтому и сдох.

– Я все еще должен тебе?

– А ты как думаешь? – с интересом спросил я, усаживаясь на самодельную скамью рядом с огроменной кучей барахла охраняемой вооруженным дробовиком Терром.

– Должен?

– Ты спрашиваешь?

– Я твой должник – со вздохом признал Сквалыга, усаживаясь на бетон – Потому и пришел. Потому и принес кое-что. У тебя ведь нехватка оружия?

– Хм… – изрек я, задумчиво глядя на прикрытую парусиной кучу трофеев сваленных здесь бойцами Кассандры – Наверное нехватка…

– Рад что ты жив – коротко сказал Рокс и тут же принялся орать на гоблинов-возчиков – Разгружаем, разгружаем!

– Чего он так радуется? – спросил я сидящего рядом Сквалыгу.

– Он получил наконец те запчасти, что выпрашивал у меня. И получил бесплатно.

– Запчасти от чего?

– А хрен его знает. От какой-то техники. Я особо не волоку.

– Я покажу! – уже не скрывая обуревающей его радости, повернулся к нам старый Рокс – Я покажу! Дай только время все собрать.

– Ага – кивнул я и покосился на стоящие у стены коробы скрывающие в себе какие-то массивные узлы – Немного успокойся, старик. А то в башке вена лопнет.

– Я крепок.

– Успокойся – повторил я, оценивающе глядя на красное взопревшее лицо, перечёркнутое вздутыми венами – Сбегай-ка в медблок. Прямо сейчас.

– Я крепок.

– Это не просьба – поморщился я – Просто топай в медблок. Сейчас. И закроем тему.

– Ладно… – секунды через две кивнул со вздохом старик и, сбросив на бетонку рюкзак, потопал выполнять приказ – Ну и молодежь сука пошла… и это наше светлое будущее?

Проводив его взглядом, я с еще более тяжелым вздохом

покорился неизбежному и глянул на Терра:

– Давай. Доставай по одному-два предмета и будем сортировать.

– С радостью! – расцвел в улыбке парень, забрасывая за плечо подаренный дробовик – Выполняю, лид Оди!

– Ага – преодолевая вялость, ответил я, удивленно глядя на начавшие мелко подергиваться мышцы правого предплечья. Следом пришла тягучая и все нарастающая судорога. А другой рукой ведь не размять – нету ее. Потерпев пару секунд, врезал судорожным местом о стену барака и продолжил давать инструкцию парню – Я тебе не командир. Твой лидер на мозговой удар проверяться пошел.

– Ага – с каменным выражением ничуть не убедительно отозвался Терр.

– И давай первую сортировку ты сам – решил я, с трудом поднимаясь – Самую грубую.

– Это как?

– Как? Ну… к примеру дробовики. Как попадется, быстро осматривай, тратя не больше трех секунд. Не больше! Потом раскладывай по категориям. Переломные к переломным. Непонятные для тебя – в отдельную кучу дели на две группы. Но каждую из этих категорий еще оценивай по состоянию – норм или хлам.

– А если идеальное?

– Такого не будет – уверенно ответил я – Каждую пушку проверяй на боеприпасы. Разряжай.

– Там и игстрелы есть. Только владелец разрядить сможет. А владельцы уже скушаны и выкаканы…

– Как-как? Что владельцы?

– Убиты говорю владельцы… к-хм… жестоко…

– Все системное оружие – тоже в отдельную кучу. Терр. За все барахло у барака отвечаешь ты. Отвечаешь головой. Поэтому прямо сейчас озаботься, чтобы разбудить вон тех сонливых – я ткнул указательным пальцем в прикорнувшее у стены «мясо», что было найдено орком, но так и не пригодилось – И пусть помогают.

– Сделаю! А они меня послушают?

– Тебя – нет – ожил один пыльный бородатый охламон с потухшим взором и красной рожей – А героя Оди – да. Ты возьмешь нас в сквад, герой? Мы ждем уже давно.

– Куда-нибудь да возьму – пообещал я, сам удивляясь спокойствию своего голоса – Помогайте с сортировкой, считайте себя поставленными на довольствие. Наши правила поясню позже, но одно озвучу сейчас – крыс не терпим среди своих.

Спрячете хоть один патрон или нож в карман… Меня все услышали?

Последовало несколько кивков. Кивнув в ответ, я похромал дальше, бросив уже через плечо:

– Мои ветераны долго дрыхнуть не будут. Поэтому приготовьте страусятины и вермишели прямо сейчас, пожрите от пуза – вечером будут первые полевые испытания. Готовьтесь.

– Да, командир!

– Есть, лид!

– Будет выполнено, лид!

– На Терра не быковать из-за возраста и тупости – добавил я – Он делает что я велел.

Едва свернув за угол, чуть не рухнул и привалился к стене, пережидая слабость. Ничего смертельного. Просто организм понял, что в мозгах явно поселился какой-то паразит-самоубийца мечтающий саботировать каждую телесную систему и… начал этого паразита медленно отключать. Мне даже вроде как послышался собственный искаженный шепот звучащий в голове и обещающий «Ты щас у меня заснешь, дерьма кусок… ты у меня щас заснешь, наркоман гребаный…».

Медицина. Тут поможет только медицина, решил я, поспешно качнувшись в сторону медблока. Пока добрел, слабость отступила, осталось лишь противное ощущение в глотке и вонь. Вонь разлагающегося мяса забила мне нос. Но это была вонь призрачная – организм сбоил, порождая фантомные запахи. Глянув на левую руку, даже не удивился, увидев, что она на месте, но стала полупрозрачной и подернута дымкой, а в районе бицепса, локтя и ладони горит по яркой пульсирующей белой искре. Все же надо поспать…

Двери медблока открылись сами собой и ввалившись внутрь, я с облегчением рухнул на холодное металлическое ложе. Если система меня сейчас выпнет – засну прямо у входа и пусть все видят суровые будни героя…

Но меня не выгнали. С потолка опустился манипулятор, я ощутил острый укол в шее… и с еще большим облегчением медленно отрубился, с тупым удивлением глядя на опустившиеся сверху еще несколько манипуляторов. Не слишком ли…

* * *

– Охренеть – пробормотал я, сидя голышом у стены медблока, с разбросанной рядом скудной одеждой и глядя не на собственный пах – че я там не видел? – а на свежие шрамы у

основания бедер. На такие же на плечах. И на строчки перед глазами. Но строчки я видел, как в тумане – я все возвращался и возвращался взглядом к дряблым синевато-белым, а местами свинцово-серым рукам и ногам.

Обновленная статусная информация:

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ. Ранг 2.

В связи с изменением базового статуса (изменение положительно) и похвальным выполнением сложнейших поручений, выдано поощрение (награда): изначальный комплект всех (четырех конечностей). (Без названия).

– Спасибо что уточнила про «четырех» – прохрипел я – А я-то боялся, что шесть… вот дерьмо…

Награда за успешные боевые и разведывательные действия – 1000 крон.

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ. Ранг 2. Поощрение знаком отличия «**За проявленную отвагу**». Разовая наградная выплата – 1000 крон.

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ. Ранг 2. Поощрение знаком отличия «**Синий свет**». Разовая наградная выплата – 5000 крон + носимый нагрудный знак «Синий свет».

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ. Ранг 2. Лидер группы. Статус: норма.

Награды:

1. За проявленную отвагу.

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 4-х крон).

2. Без названия.

3. За проявленную отвагу.

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 4-х крон).

4. Синий свет

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 10-ти крон). – Ну вот можно смело и на пенсию – пробухтел я, все еще пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре.

– Вам пах прикрыть? – спросил задержавшийся рядом мутноватый мужичок с излишне блестящими глазами – Нынче ветерок и нежно колосья на ветру…

– Пшел нахрен.

– С радостью, о нагой герой!

Дополнительная информация:

Иммунодепрессанты выведены из организма практически полностью. Дальнейшие ежедневные инъекции иммунодепрессантов не требуются.

Внимание.

Обновленная информация по изначальным комплектам других членов сквада…

Прочитав, я сипло рассмеялся и дернулся, когда резко закололо в руках – моих руках… на самом деле моих…

В информации была лишь одна строчка и касалась она орка Рэка. В информации сухо заявлялось, что его изначальный комплект в данное время находится в использовании и в неравной степени распределен между тремя нуждавшимися реципиентами. Левая нога утеряна навсегда. Прочие три конечности служат своим новым владельцам уже как минимум пятьдесят три года – это самая «молодая». Остальные и того больше.

– Командир! Вот как знал, когда решил найти тебя в перерыве между трахом – в реве спешащего ко мне Рэка звучала злость и тревога – Какая сука раздеть посмела?

– Уймись – буркнул я и покачал головой – Ты интерфейс проверял?

– Нет пока. О дерьмо! Что у тебя за руки и ноги?! А твои где?

– Это и есть мои. Ты интерфейс глянь – посоветовал я – Новости там… интересные…

– Плохие или нет? И что с тобой, командир?

– Родной комплект – улыбнулся я и снова охнул от боли в проснувшейся правой руке – Такая вот награда… Поможешь добраться до нашего отсека?

– Ага… о дерьмо! Моя левая нога навсегда утеряна! Правая рука у кого-то уже пятьдесят три года чужой хер стряхивает!

– Может он левша?

– Да насрать! Левая рука кому-то уже семьдесят один год служит… и нога моя у него же. Некий заслуженный доблестный ветеран и герой Раннер-Ной, проживающий в Кронтауне.

– Дали имя? – удивленно дернулся я, повисая на плече громилы.

– Ага! – закивал Рэк – И указано, что я могу с ним обсудить эту проблему… Охренеть! Еще указано, что, когда он помрет, мои конечности будут мне возвращены, если я захочу, так как конечности серьезно искалечены и долгое время не подвергались осмотру и лечению… дерьмо! Этот старпер ушатал мои руку и ногу!

– А правая рука у кого?

– Написано – информация не может быть предоставлена…

– Награду дали?

– Две! За отвагу и еще Синий свет. Но что за дела с руками и ногами, командир? Так вдруг…

– Хреновые дела – проворчал я – Мне заново восстанавливаться…

– Но ты рад?

– Я рад – признал я, медленно сжимая покалывающие пальцы в кулак – Я рад… мое это мое. Этими руками я…

– Этими руками ты?

– Не знаю. Хотел сказать что-то крутое, но в башке туман…

– Надо все же поспать.

– Надо все же поспать – согласился я, не обращая внимания на округливших глаза женщин, провожающих нас взглядом.

Ну тащит мрачный амбал беспомощного голого бедолагу в переулок. Что здесь такого криминального? Каждый день же случается…

Затащив меня в арендованную часть барака, орк осторожно опустил меня на «командирскую» кровать, взялся за простыню, но я остановил его:

– Оставь. Хочу видеть их.

Рэк не стал уточнять. Помог натянуть трусы, подсунул под голову подушку, вытер первой попавшейся тряпкой выступившую из потревоженного плечевого шва сукровицу и начал рыться в одной из наших сумок в поисках тюбика клея, что я понял из его брюзжания. Выждав минуту – не сводя глаз с медленно шевелящихся пальцев ног – я не выдержал:

– Ну?

– Да ищу я…

– Я не про это. О чем ты хочешь поговорить? За этим ведь меня искал.

– Ну… ты щас в таком…

– В нормальном я состоянии.

– Да можно и подождать…

– Есть что сказать – говори. Колись, орк.

– Йорка! – рыкнул Рэк, и я страдальчески поморщился:

– Опять?

– А что опять, командир? Что опять?! Ты вот ответь – согласен ее взять назад? И да я уже в курсе, что она и Баск только что грохнули тех мудил, что меня опоили. И что? Не ради меня ведь – ты приказал.

– Приказал – согласился я.

– Вот!

– То есть ты против, потому что она ради тебя ничего никогда не делала?

– Дело не в этом! Как объяснить?! В голове путается… тяжело мне это… да и выпил чуток. Но только чуток, командир! Триста грамм.

– Говори.

– Она предала нас!

– А Баск не предал?

– И он тоже! Но он… она поманила, а он послушно поджал лапки и засеменил! У него сыграла та хрень тупая, что вроде как мужик бабу не должен одну бросать и должен ей обеспечить безопасность, уют и прочую херню из сказок.

– Ага…

– А она бросила нас! Променяла нас на теплую ярангу, суп из оленины и тихую жизнь! Мы были четверо против всего сраного мира! На все и всех наплевали! С каждым погрызлись! Каждому кровь и дерьмо пустили! Никого не побоялись! Продрались через те наполненные плоскими ядовитыми тварями коридоры, вырвались наверх! И вот он – новый мир перед нами! Вперед! А что делает она? Мало того что сваливает сама – так еще и обученного бойца забирает! Без ножа нас режет! Обдуманно! Направленно! Как не крути – это так!

– Так – согласился я.

– Обескровила нас! Но хрен с ним – ты повел себя как мужик. Отпустил обоих. Оставил жить в безопасности – трахайтесь, дети мои, трахайтесь!

– Все хорошо? – сунулся в отсек перепачканный Терр.

Поймав взглядом мой кивок, он подался назад, исчезая, а распаленный орк продолжил:

– Но теперь! Теперь, когда мы продрались через еще большее дерьмо! Когда сука мы на каждом шагу кровью умывались и добились чуть ли не всего… они вернулись и радостно улыбаются – привет! Как будто ничего не случилось! Но она… они предали нас! Предали! Уф… аж в висках заломило… Командир… у нас ведь отряд! А не жопа дворовой давалки, куда каждый когда хочет ходит и выходит! У нас отряд! Я во всем полагаюсь на тебя! Ты меня в самом начале из такого дерьма вытащил! И продолжаешь вытаскивать раз за разом! А ты можешь во всем положиться на меня – сдохну сам, но тебя вытащу! И Хван такой же – гнида добро помнит. Джоранн… эта сука себе на уме. Баба, что еще сказать. Но она хотя бы на всю башку трахнутая, ей кровищу подавай – уже неплохо! Каппа… он верный пес, хотя мнит о себе чересчур дохрена. Но я его обломаю. И на них ты тоже можешь положиться. А Йорке и Баску ты доверяешь,

командир? У тебя есть гарантия, что в следующей сука уютной деревушке с красивыми домами и широкими теплыми постелями эта парочка снова тебя не оставит? Есть гарантия?

– Как тебя завело…

– Ты не ответил, командир.

– Нет – глянул я на орка – Нет такой гарантии.

– Вот! – мрачно кивнул Рэк – Вот! Нет гарантии! Помани спокойной житухой – мигом свалит сама и опять Баска утянет! То что их с острова погнали и они сейчас такие злые все и крови жаждут – это временно. Ты знаешь Йорку. Еще пятерых завалит и начнет опять тупой херней страдать – а стоит ли того, а ведь это чужие жизни, а разве это нормальная жизнь? Дерьмо! И вечно она выпячивает про свою тяжелую прежнюю жизнь! Ой млять прямо настрадалась сука! Жила как все гоблины! Когда лажала и тупила – получала наказание. Я тоже так жил! Что у ней в прошлом было такое, чего не было у меня или у Баска? Я потерял почти все! Дерьмо жрал! Но я же тебе не ноюсь жалобно и не говорю о сраных сладких мечтах о спокойной жизни?

– Не ноешься.

– Баск… тот тоже нормальным был! Прошел гребаную школу выживания, когда его почти поимели. Но… он тоже со слабиной, командир! Он не захотел убить ту суку Еву! Не захотел отомстить! Она его зрения лишила, почти на мясо пустить сумела, а он что? Пустил жалостливые пузыри и отказался. Что дальше? Откажется пристрелить бабку с дробовиком, потому что она худенькая и старенькая?! Они слабое звено! Дерьмо! Да одна только история Хвана чего стоит! Он трупы разложившиеся жрал чтобы не сдохнуть! И ведь не тронулся! И не ноет!

– У него было две головы – напомнил я, глядя, как из забытого орком плечевого шва медленно вытекает смешанной с кровью белесая жижа – Заклей меня.

– Щас… – очнулся Рэк и наклонился с тюбиком – Две головы… зато теперь одна рука. Ты новости слышал про него?

– Нет. Про Йорку с Баском закончил?

– Закончил. Не мне одному это не нравится, командир. Повторю – у нас отряд, семья. А не жопа шлюхи!

– Отряд – кивнул я, смотря, как по протертой ране растекается прохладный клей – Я услышал тебя, Рэк.

– Ты слишком к ней привязан!

– Я? К Йорке?

– Да! Баск… тот так… хвостик… тем и плох, что не мужик, а бабий придаток! А вот над Йоркой ты прямо трясешься!

– Я?

– Ты! Ты еще в Дерьмотауне давал им проверочное задание.

Они выполнили? Убили? Нет! Я не говорю, что ты размяк, командир. Но… мы тоже твои бойцы. И тоже проливаем ради тебя кровь.

– Хватит плакать.

– Все. Прекратил.

– Что с Хваном и его рукой?

– Как ему заявила система, пришить ему старую руку нельзя. Хрен его знает почему. Новую обычную – тоже нельзя. Поэтому, как только он даст знать о готовности, ему пропишут жопный укол.

– И?

– И снова кокон, снова гнида, снова обильное белковое питание. Без эволюции. Но с возможными мелкими изменениями… Срок – от двух до пяти суток в зависимости от возможностей и состояния организма. Если доплатить и вколоть все возможные допы – срок уменьшится, качество увеличится. Из-за Синего света система радостно готова прописать ему веер уколов бесплатно. Но все равно займет около двух суток минимум. Хван ждет твоего приказа.

– Пусть вкалывает немедленно – ответил я – Весь веер.

– Отлично. А у нас какие планы?

– Сортировка, продажа ненужного, починка снаряжения, вечерний набор мяса и его проверочная тренировка – ты займешься, кстати. И Каппа. Каждому по пять рыл.

– Нахрена так много? У нас ведь в скваде всего-то свободных мест…

– В сквад – никого. Мы герои второго ранга. На кой хрен мне там претенденты или просто добросы?

– А тогда…

– Считай их… мясом – дернул я плечом – Обучаем, проверяем в боях, кидаем на амбразуры, пихаем жопами в опасно выглядящие болота и первыми запускаем вообще во все мутные места. И не скрывай этого от них. Они мясо! Третьесортное! Те, кто выживет, кто реально что-то докажет – вот тогда и решим.

– Ого…

– Ага.

– Так может по десять рыл мне и Каппе?

– Справитесь? Учти – вам ворочать и мять этих гоблинов. А я буду наблюдать.

– По пять пока что хватит – решил Рэк – А Джоранн?

– Нет. Не ее это. Хван как в себя придет тоже возьмет пятерку гоблинов.

– Понял тебя, командир.

– Повторю, Рэк – не скрывай от мяса что оно мясо! Растолкуй

им прямо в подробностях как их будут заживо жрать, а мы в это время будем поодаль и весело смеяться.

– А мы будем?

– Растолкуй им! И не забудь добавить, что мы тут не задержимся и пойдем в Кронтаун.

– Сделаю. Умею. Чего-нить кроме дерьма накидать? А то ведь не сожрут…

– Нет. Умные сами оценят дерьмо. Или сожрут или уйдут. А тупых… тупые так и так сдохнут.

– Понял. Еще что-нибудь?

– Позови ко мне Джоранн.

– Все?

– Топай. И еще, орк…

– Что?

– Что у тебя с бабами пошло не так?

– А что не так? Нормально трахаю!

– Ага. Только это и делаешь. И относишься к ним как к мясу для траха. Джоранн тебе не нравится, но ты ее за кровавость чуток уважаешь. Йорку – которая в этом плане поздоровее будет – ты ни во что не ставишь. Я видел, как ты зыркаешь на Кассандру. Что с тобой, орк? Кто-то из их племени однажды жестоко поимел тебя? Предал?

– А хрен его знает – пожал плечищами Рэк – Если и было когда – не помню. А это важно?

– Не. Я тебя услышал, орк. Пихай в медблок Хвана, пошли ко мне Джоранн, вытаскивай из борделя Каппу, собирайте и кормите мясо, описывайте им мрачные перспективы, готовьте к тренировкам.

– Я тут наговорил…

– Ты все правильно сделал, орк. Тебе полегчало?

– Еще как!

– Отлично. Вперед!

Воодушевленный – и опустошенный – орк бодро утопал, снаружи тут же послышалось его демонстративно злой и бессвязный рев, которому ответило испуганное тявканье помогающих Терру новичков. Поорав и порычав, орк, судя по голосу, побродил среди куч оружия и не преминул заметить каждому из «мяса», что он тут второй по крутизне после лида Оди, а круче лида сами знаете – хрен кого сыщешь. Но можете поискать еще кого-нить, кто сумел за двое суток прыгнуть до максимально возможного здесь ранга! Испуганное тявканье сменилось на льстивое. Выслушав, Рэк удовлетворенно поурчал, после чего оповестил всех о том, что они переходят к нему под мускулистое крыло и уж он сделает из них настоящих боевых

гоблинов, хотя сначала придется перемолоть это вялое тухлое убожество в фарш, затем сварить тушенку, выпарить убийственными тренировками лишнюю воду, отбросить проклятый жир вместе со страхом смерти, щедро сыпануть перца для бесстрашия, вбросить горсть песка и лучшего цемента. И вот потом уже, перемешав, можно из вас, дерьмоедов, лепить настоящих бойцов. Сержант Рэк займется! Но смотрите – слушаться его во всем! Льстивый хор заверил, что каждый приказ сержанта будет выполнен в точности. Еще раз уркнув, Рэк велел быстрее заканчивать с сортировкой, после чего пожрать от пуза и тут же завалиться поспать до вечера – с сумерками начнется давилка! Высказавшись, Рэк ушел. А я, пораженно покачивая головой, чуть повернулся в сторону вошедшего Рокса, что устало плюхнулся на кровать неподалеку и со стоном облегчения вытянул ноги.

– Жив, старпер?

– Жив – слабо кивнул Рокс – Прав ты оказался.

– В чем?

– Когда меня в медблок послал. Я сначала зол был – ведь вроде как неуважение ты ко мне выказал.

– Выказал – согласился я – Так и есть. И?

– Пока дошел – слабость в ногах, зрение двоить начало, помутнело все в башке… в общем, еще помню, как ввалился, а вот дальше только мгновенный укол в шею вспоминается и темнота с радужным переливом. И еще будто тоннель передо мной… я кричу… но меня не слышат… да там вроде и нет никого… или есть?

– Что за диагноз?

– Утешительный. Похоже, давление резко повысилось от радости. А еще Мать жары подкатила, как назло, и безветрие. Пока до города добрались вспотел весь. Толком не пил. Вот и обезвоживание. А до этого, от переживания за вас и в радости за запчасти даровые, выпил лишнего… Короче – чуть было на самом деле вена в башке не лопнула. За словами ты не следишь, но… спасибо, Оди.

– Пойдешь со мной дальше, старик?

– Куда?

– В Кронтаун. Там посмотрим.

– В качестве кого? Стар я уже.

– Комендант барака – пожал я плечами и охнул от боли – Дерьмо…

– Ага. Вижу твои новые украшения. С чего так?

– Это мне родной комплект вернули.

– В смысле? А до это чей был? Чужие руки бывает, что и

пришивает мать – и не только руки – но чтобы при наличии собственных…

– Долго рассказывать. Потом Рэка расспроси, если хочешь. Так что?

– Кто такой комендант барака?

– Это я навскидку. С этого дня многое меняется, Рокс. Ядро остается прежним и увеличиваться если и будет, то очень медленно. Это мой костяк. Пусть костяк перекошенный, уродливый, психанутый… но мой и я ему доверяю. Осталось обрасти мясом. Чтобы, когда волки и шакалы кусали, им глотки мясо забивало, а не кости сломанные.

– Цинично… набрать пушечного мяса и бросить на убой.

– А то тут не так? А то в вашем скваде такого не бывало? Вот сейчас почти весь мой костяк, включая меня, валяется израненный. А если мне прямо сейчас система групповое задание выдаст по Зомбилэнду? Даже просто дерево гнилое спилить и вывезти… кто будет делать?

– Мясо.

– Кто будет погибать в случае атаки?

– Мясо.

– Ага. Мясо. Так что, Рокс? Да или нет?

– Да. Но не пойду, а поеду – широко улыбнулся лежащий старик, обнажив крупные желтые зубы – Запчасти! Я получил запчасти!

– Что за запчасти?

– Мечта Дюжей Дюжины!

– Умершего сквада?

– Почти умершего! Я еще жив! Терра уже не считаю – он вам в рот смотрит. Еще бы. Крутованы! Столько дел наворотили за два дня… сюда толпы восторженные не лезут только потому, что боятся тебя больше, чем восторгаются.

– И правильно – без малейшей иронии или хвастовства произнес я – Это лучше всего, Рокс. Не приходится никого калечить или убивать, чтобы дать понять гоблинам мою социальную дистанцию. О какие слова интересные… Что ты там собираешь?

– А хрен его знает, если честно. Но скорей всего это было ремонтным багги, что раньше бегали по Чистой Тропе и перевозили работяг. Как начну щиты снимать и собирать – сам увидишь. Решетчатый корпус из дуг и перекладин, высокие колеса с автонадувом, на осях дополнительные выдвижные колеса под рельсы. Электродвижок. Подзарядка на любом пятачке безопасности. Как тебе?

– У бродосов тачку спер?

– Да им только облизываться на такое! Еще потестим, но я так скажу – до пятидесяти миль в час выжмет машина! А телеги бродосов с какой скоростью чешут?

– Плюс-минус со скоростью хромого гоблина мучаемого кровавым поносом.

– Вот-вот! Медленно! Мечта наша простая была – оставаться здесь, в первом бараке, намекнуть соседям, что готовы выкупить всю постройку. Грузить багги местными товарами и оружием, возить под охраной на продажу в другие города вдоль Тропы и не только. Смекаешь денежный потенциал идеи?

– Выгорит! – уверенно заявила шагнувшая через порог рыжая – Мне интересно! Кашляй дальше, дедок. Я слушаю.

– Охренела?! – рыкнул вздрогнувший Рокс – Тьфу! Чуть опять давление не подскочило! Смерти моей хочешь, девка дурная?

– У тебя же лицо не изрезано – значит, пока не хочу. Идея классная! Если вместимость и скорость транспорта выше, чем у бродосов – хотя бы по одному параметру – это уже выгодная бизнес-идея. И у нас вполне достаточно крон, чтобы инвестировать солидную сумму и достаточно сил, чтобы обеспечить нормальную охрану. Правда, пока придется самим охранять, ведь доверия ни к кому кроме сквада… но…

– Уймись – попросил я и кивнул на табурет – Сядь. Налей себе супа.

– Сыта. Выспалась. Хвана укололи. Лежит в огороде твоего старого огородника. Где ты тыквы покупал. Вкусные были, кстати. Еще хочу! Натуральное и свежее…

– Почему там? – удивился я – В другом месте не мог залечь в кокон?

– Природа. Травка. Огородник. И обалденный забор, к которому можно привалиться левым боком и затихнуть жвалами в рыхлую землю… его слова. Не мои.

– Лишь бы огородника не сожрал – хмыкнул я и тут же добавил – Я не шучу. У него привычка все мясное вокруг себя жрать – особенно если вылупится из спячки вторая голова. Проследи, чтобы перед ним всегда был чан с мясом.

– Я позабочусь о своем кузнечике. А огородник… вдруг в нем те самые необходимые питательные вещества и минералы…

– Джоранн!

– Сделаю… ты меня за этим звал?

– Нет. Но дослушаем Рокса.

– Вот спасибо что вспомнили – язвительно произнес старик – Да там немного осталось из мечты. Позже, став побогаче, обосновали бы базу и в Кронтауне. Сновало бы багги между этими точками, возя информацию, товары, пассажиров.

Построили бы в Кронтауне нормальные дома, завели бы семьи. Построили бы нормальные человеческие отношения с тамошними. Ну и с Высшими… Земли Завета ведь совсем неподалеку. Вот так вот! Были в этом дерьмовом мире и те, кто думает о светлом, о созидательном! Мы, сидя за этим самым столом, смеялись, мечтали!

– Вас сегодня прямо прорвало – фыркнул я и покосился на Джоранн – Чего не удивляешься моим новым ножкам и ручкам?

– А мне Рэк уже рассказал о этих бледных червях. Мы уже посмеялись.

– Ну-ну – буркнул я – Ладно, Рокс. Так да или нет?

– Багги останется моей. Перевезу все что скажешь и куда скажешь. Но если вдруг наши дорожки разойдутся – мы разойдемся миром и с взаимоуважением. Ты меня кормишь и поишь. Я помогаю тебе во всем. На задания не хожу. Зарплату получаю солидную до хруста. А к ней и довольствие особое – чтобы не с рядовым составом из общего котла чавкать!

– Из моего котла чавкать пойдет?

– Пойдет!

– Договорились – прикрыл я глаза – Ты с нами.

– Тогда подремлю чуток и примусь за дело.

Я перевел взгляд на рыжую:

– Там сортировка.

– Видела – наморщила нос Джоранн – Мне лезть в грязь и помогать? А как же выходной? А че только я? А почему не вижу там белоручку Йорку перебирающую грязные железки?

– Уймись!

– Ага.

– Наведайся к Дону Вудро. Вежливо пригласи его сюда. Вежливо!

– Да я умею быть очень вежливой, очень милой и даже стеснительной кобылкой. Помнишь?

– Помню – хмыкнул я – Пригласи торговца. Предложи ему купить весь хлам. Поторгуйся. По какой цене мы покупали – ты знаешь. За опт сделаешь скидку и…

– Я сделаю! – перебила меня оживившаяся рыжуха – Это мое! Все продавать?

– В первую очередь избавься от хлама. Затем что чуть получше.

– И оружие и снаряжение?

– Да. Терр покажет тебе категории. Те, что получше – пусть прикроет брезентом. Понадобится нам самим. Я попозже переберу сам… хотя… Рокс переберет с Терром.

– Сделаю – вздохнул старик – Ох дел навалилось. Зарплату

обговорим позже?

– Когда захочешь.

– Хорошо.

– Мы замышляем что-то большое? – спросила Джоранн – Рэк хвастался про пятерых оборванцев которых он будет учить жизни. И про Каппу что-то говорил.

– Передай орку что я скоро укорочу ему язык.

– С радостью – улыбнулась Джоранн, поднимаясь – Начинаю.

Она ушла. Старик задремал. А я никак не мог оторвать ползающего взгляда от вернувшихся конечностей, медленно сгибая и разгибая их, наблюдая, как буквально на глазах кожа расправляется, возвращает себе цвет, теряя мертвенный серый оттенок. Мои руки и ноги. Родные. Те с которыми я был рожден когда-то. Вроде какая разница? Те прошлые тоже неплохо служили мне – а я даже попрощаться не успел – но все же есть разница. Ощутимая и неощутимая одновременно.

Я начал с рук. Кручение запястий, сгибание и разгибание пальцев, локтей. Следом массаж. Я по очереди глубоко массировал каждую руку, разгоняя по ним кровь и выгоняя остатки зябкости. А она была… может это очередной мой заскок, но разминая руки я отчетливо чувствовал, насколько охлажденной выходит из них кровь, через плечо попадая в сердце и вызывая болезненный укол в груди. Может и заскок. А может остатки химии, впрыснутой для сохранения отрезанных конечностей. Следы уколов я нашел. Всего шесть. Причем все одинаковые, идущие ровной строчкой от середины ладони до вершины бицепса. Шесть уколов, чьи сперва темные, а затем красные точки медленно исчезали на глазах. Что это было? Та самая химия для сохранности? Или вживление чипов? Не многовато ли чипов на одну руку?

Почему мои руки пролежали так долго на холоде и не были никогда использованы? Даже сейчас, только-только размороженные, они выглядят в пять раз лучше тех дряблых отростков, чтобы были у меня при рождении на Окраине. Тогда мне достались конечности какого-то старпера, что наверняка подох и был доставлен в медблок, где его поспешно обкромсали, вскрыли, разобрали, забирая то, что еще можно использовать. Почему мои руки – да и ноги – не были никому отданы? У меня нет на это ответа. И это добавило внимательности – я обследовал каждый миллиметр родных рук, разгладил каждую складку, заглянул под каждый ноготь. И первую находку нашел именно там – под очень коротко обрезанным ногтем указательного пальца. Под него и попасть-то ничего не могло, но там, буквально врезанные в кожу, оказались коротенькие красные нити. Будто я

кого-то схватил за одежду, но у меня вырвали ее из хватки и моей добычей стали лишь эти крохотные блестящие красные отрезки. Они определенно поблескивали – даже в полумраке барака. Дорогущая материя. Шелк? Что-то покруче и посовременней?

Ладно…

Ни татуировок. Ни шрамов. Но при этом в нескольких местах на каждой руке я нашел зудящие покраснения. Что здесь было раньше? Татуировки? Кто их свел? Система? Почему? Впрочем, здесь это стандартная процедура, так что вопрос глупый.

Я переключился на ноги. И повторил всю долгую процедуру. Руки начали слушаться куда лучше, стали сильнее, так что процесс продвигался бодро. Осматривать ноги я не забыл, но и там кроме следов уколов – тоже шести – ничего не нашел. Ладно… повернувшись, я спустил ноги с кровати и медленно поднялся.

Отдыхать?

Не сейчас гоблин. Не сейчас. Надо как следует «прокачать» систему кровоснабжения, а для этого нужно двигаться. К тому же я кое-что вспомнил и спешил в очередной раз наведаться в медблок. Поворошив стопку личных вещей, достал стиранную и штопанную черную футболку, следом вытянул такого же цвета штаны. Обувь одевать не стал – поддался странному искушению ощутить родными босыми ногами нагретый шероховатый бетон улиц. Старею?

На пояс нацепил сумку, бросил в нее горсть серебряных крон и шило, прикрепил к поясу нож в ножнах и медленно шагнул к двери. Нормально… шатает, но нормально. Нет ощущения, что вот-вот колени подогнутся и я рухну жвалами в рыхлую землю – надо как раз навестить Хвана и заодно старого огородника. Дойдя до порога, задумчиво остановился – над Зомбилэндом и прилипшим к нему городком Уголек шел проливной дождь. Сильные шипящие струи яростно били по бетонке и кучам прикрытым брезентом оружия и снаряжения. Система включила поднебесные разбрызгиватели. Прятались под повозкой оживленные гоблины, лежа жрущие из мисок макароны со страусятиной. У одной из куч трофеев стояли под зонтиками пятеро. Я узнал Дона Вудро и Джоранн. Эти двое неспешно разговаривали, остальные терпеливо ждали итогов переговоров. Помощники Вудро. Меня, стоящего в дверном проему и ловящего лицом редкие блудные дождевые капли, они заметили. Я коротко кивнул и демонстративно начал смотреть в другую сторону. Меня поняли правильно и переговоры продолжились. Подходить и вмешиваться я не собирался – это резко уронит престиж Джоранн. Своим безразличием к происходящему я показываю полное

доверие к торговым талантам рыжей стервы.

Покосившись, вытащил из стоящего у двери ящика черный зонт, а следом и трость. И плевать как это выглядит. Прикрываясь зонтом, припадая на обе ноги, по ступни утопающие в холодной пузырящейся воде, с ревом несущейся к сточным канавам, я медленно зашагал прочь. Одинокая черная фигура в проливном дожде. Тихо стучит трость по залитому бетону. Что-то сверкает в небе, но мне лень смотреть – все равно это просто световой эффект. Так же и как этот гремящий гром, что заставляет стены старых бараков боязливо отвечать дробным эхо.

Давай, гоблин. Давай. Шаг за шагом. Шаг за шагом. С сегодняшнего дня опять придется заниматься восстановлением новоприобретённых и еще вялых конечностей. Но на этот раз процесс не будет столь долгим. Я уже это чувствую.

Медблок встретил меня молчаливым стерильным удивлением. Что мол этому гоблину еще надо? Тупую голову на более умную заменить? Есть такая услуга!

А есть ли?

У системы невероятный запас запчастей. Да и целехоньких безголовых трупов наверняка целые склады.

Оставив зонт и трость у входа, я уселся на дырчатое металлическое ложе и, вытягиваясь, попросил:

– Средства для ускоренного восстановления организма.

Секундное молчание… легкое жужжание под потолком. Пощелкивание. Чуть дернулся один из сложенных манипуляторов под потолком. И вердикт:

Все необходимые инъекции сделаны. Следующие двенадцать часов дополнительные инъекции строго противопоказаны. Рекомендована легкая восстановительная физическая терапия – прогулки, разминка, бросание и ловля мяча, игра в минигольф.

– Ну конечно! – буркнул я, не двигаясь с места – Вот щас и начну мяч бросать и ловить.

Я себе это даже представил – я с радостной улыбкой швыряю в чью-то харю большой стальной шар раскрашенный под пляжный мяч. Хм… в принципе неплохо… может и стоит попробовать…

А пока сделаю другой заказ. Глядя в потолок, я четко произнес:

– Прошу инъекцию изоцитрата алого лайма.

Щелк… щелк… и с потолка стремительно опустилась стальная рука. Почти безболезненный укол в шею. И двери медблока с намеком открылись – выметайся, заслуженный герой.

И я вымелся, не забыв проверить в интерфейсе свой статус и увидев там малопонятную строчку «ИАЛ. Период полураспада» снабженную тикающим недельным таймером. Все как сказал Лео

Сквалыга. Хорошо… хорошо…

Застрекотало. Открывая зонт, я все же глянул в расцвеченное рукотворными молниями грозовое стальное небо. И увидел три больших грузовых дрона, что как раз пролетали над стеной Зомбилэнда, втаскивая туда на тросах несколько здоровенных стальных контейнеров с яркой оранжевой маркировкой – бугристая подкова.

Атолл Жизни.

Снова он.

Опираясь о трость, я перешел улицу и встал под навесом, прижавшись спиной к одному из столбов. Уставился на Зомбилэнд и простоял так минут десять, прежде чем грузовые дроны появились снова. На этот раз каждый из них уносил по одному не столько большому контейнеру и неслись беспилотные машины прочь от океана, направляясь к далеким Землям Завета.

Поняв, что представление закончилось, я опять зашагал по пустой и мокрой Жильной улице, направляясь к приветливо горящему огоньку торговой лавки Сэма Жабы. Дойдя, остановился у крыльца чуть отдохнуть перед штурмом ступенек. Глянул в сторону… и увидел Артура. Голова в бинтах. По ней и опознал. А еще по красивой фигуре подчеркнутой облепившей его мокрой футболкой. И по воркующей жирухе рядом, что, вроде как, отожралась еще килограмм на пять. Может Артик кормит ее одними тортами, в надежде, что перекормленное сердце не выдержит и она помрет? Вряд ли. Кто откажется от вечной безропотной служанки рядом?

– Г-герой Оди… – донеслось из прикрытой шуршащим пакетом бинтованной головы.

– Сядь – я кивнул на лавочку у крыльца и перевел взгляд на занервничавшую Беллу – А ты поднимись и поболтай со скучающим Сэмом о погоде.

– Я лучше тут и…

– Свали! – велел я и жируха вздрогнула, отступила на шаг.

– Все в порядке – прогундел Артур – Хоти он меня убить…

– Понятливый – усмехнулся я, усаживаясь на мокрую скамью и вклинивая рукоять зонта в спинке скамейки так, чтобы он меня прикрывал, но срывающаяся с его наклоненного края вода лилась на прикрытую пакетом забинтованную голову сидящего рядом Артура – Давай, боец. Рассказывай.

– О чем?

– О том как у тебя появилась такая удивительной скорость в поганой деревенской лапке. И во всем теле чуток. И перед тем, как начать вот что ты должен знать – не вздумай врать или умалчивать. У меня выдались не самые легкие деньки…

– О я в курсе… весь город в шоке нахрен…

– И поэтому, если я пойму, что ты лжешь… я вспорю тебе твой красивый накачанный живот и накормлю тебя твоими же кишками.

– Ага… а справишься? – в черных дырах среди бинтов сверкнули чуть насмешливые глаза – Ты же вроде с палочкой ходишь…

– Хочешь проверить?

– Нет. Не хочу.

– Так расскажешь?

– Ага.

– Но не ту байку что ты обычно рассказываешь другим.

Артур удивленно дернулся:

– А откуда ты знаешь, что я все остальным байки разные травлю?

– Начинай – велел я, усаживаясь поудобней – И не упускай даже мелких подробностей.

– Хорошо… – помолчав с минуту, Артур поправил пакет, для чего-то отжал воду с собранной в кулак футболки, после чего заметил – Дождь…

– Дождь – согласился я.

– В тот день тоже был дождь. Только сильнее. Куда сильнее! Но я начну со времен более ранних…

– Может ну нахрен? – я досадливо поморщился.

– Как это нахрен? – поразился Артур – Но ведь если я начну с самых истоков, с самого начала – это откроет тебе мою личность, покажет ее многогранность и неповторимость!

– О… ну тогда не нахрен…

– Вот видишь!

– Тогда в жопу твои истоки. И поглубже. Слушай сюда, гоблин. Ты для меня… дешевка, что всего добилась благодаря смазливой мордашке и откуда-то взявшейся убойности в кривой ручонке. Того же старика огородника, Рокса из погибшего сквада или переставшего лапать и ласкать игстрел Сэма Жабу я уважаю в разы больше.

– Просил же! – вздохнул усаживающийся на ступеньки Жаба, раскрывая над собой здоровенный желтый зонт с надписью «Бункерснаб защищает! Даже от непогоды!» – Держи. Компот. Уловил тут краем уха. Не против, если я тоже послушаю? Все лучше, чем нытье той глыбы сала, что жалобно плачет о том, что Артурчика сейчас начнут опять бить по милой умной головке… у тебя какая головка умная, Артурчик?

– Черт… – голова в пакете бессильно поникла – Просил же ее не злоупотреблять уменьшительными и ласкательными…

– Слушай – кивнул я Жабе, принимая бутылку компота.

– Он ничем не заряжен.

– И хорошо – ответил я, умещая бутылку между ног и убирая озябшие мокрые ступни под скамейку – Давай, птичка забинтованная. Пой факты.

– Начну с самого начала! – уперся парень – И хоть что делай! Если расскажу только факты – буду выглядеть как удачливый баран! А я не такой! Я – особенный!

– Особенный баран?

– Человек! Я особенный и правильный человек! Вот так вот!

– Вали из моей лавки, толстуха! – рявкнул Сэм, оборачиваясь и глядя в дверь – Че ты прилипла к банкам с персиками?

– Да я только посмотреть…

– Кому сказано! Сядь на вон ту табуретку и жди!

– Ла-а-адно… – тоскливо вздохнули из лавки и Белла затихла.

– Когда я родился в прибрежной деревушке, то почти сразу понял, что я тут не к месту – начал Артур, как и обещал, с самого начала и я вздохнул куда тоскливей чем Белла.

Вот дерьмо сопливое… понеслась вонючая слезливая лавина…

Появившись на белый свет добропорядочным и симпатичным добросом Артур, получивший звонкое звучное имя, быстро заскучал, поняв, что это не его.

Что именно «не его»?

Да все!

Рыба, овцы, куры, пашня, яблони… не его!

В то время как остальные явно были счастливы и солнечными сонными улыбками изо дня день крутились в беличьем бесконечном колесе, Артур подыхал от скуки и тоски, выполняя ту же самую работу. Что-то внутри не позволяло саботировать, поэтому ненавистные морковные грядки он пропалывал идеально, безжалостно уничтожая сорную траву. А в последние недели он только грядки и полол – морковные, капустные и огурцовые. Все по причине того, что сонные солнечные жители быстро просекли натуру Артура и начали… отдаляться. До бойкотирования вечно недовольного селянина не дошло, но общаться с ним стали куда реже, а звать на пивные вечеринки в пабе и вовсе прекратили. Чувствуя себя белой вороной Артур и вовсе перестал скрывать свою натуру. Он, вооружившись палкой, ожесточенно воевал с подступающими к деревне колючими кустарниками, с не меньшей ожесточенной отжимался и подтягивался, метал камни и топоры, качал пресс и даже шею, стараясь «убить» себя до такой степени, чтобы к сумраку отрубиться мертвым сном в каком-

нибудь амбаре на отшибе. В кроватях он не спал – считал, что это размягчает жопу и душу. В кроватях спят лишь ленивые мягкотелые неженки годные только для сонной мирной жизни. А настоящий рыцарь и герой должен довольствоваться снопом душистой соломы. Надо сказать, что многие девушки, что днем тихонько прыскали при виде его, вечерами тихонько прокрадывались в амбар, не давая ему как следует выспаться. Но с утра он, выполнив в ускоренном темпе ежедневные унылые работы, снова принимался измываться над собственным телом. Когда заболевал от перегрузок – спасал деревенский медблок, где добрая Мать вкалывала что-то настолько хорошее, что все боли и болезни проходили уже на следующий день.

Так все и шло. Работы, тренировки, трах, лечение и ощущения собственной… ненужности этому сонному солнечному миру.

Он мечтал, чтобы на деревню напали – а он бы всех спас!

Он мечтал хотя бы о сраном пожаре – а он бы вынес всех задыхающихся!

Он мечтал о цунами – а он бы мускулистой грудью остановил волну!

Он мечтал… да о любом сука нехорошем происшествии!

Вышли как-то к деревне два больных гнилью, но он даже за палку схватиться не успел, как местная сисястая волшебница выскочила из своего дома в одном белье и цветастой шляпе, парой слов проткнув в зомбаках по несколько дырок. После чего удалилась, величественно покачивая шикарной задницей и даже не подозревая, что только что лишила Артура шанса стать героем. Она украла его славу! С тех пор Артур начал мечтать, чтобы разбойники, пожар и цунами обрушились именно на ее дом. А он бы спас. Ну сначала бы, конечно, помедлил… но все же бы спас… а потом бы, так уж и быть, дал бы этой высокомерной сучке доказать ему свою глубокую признательность…

Но невзгоды что-то не торопились…

Дерьмо!

Поняв, что не успел опередить волшебницу, подоспев слишком поздно, Артур добавил к и без того изнурительным тренировкам долгие многочасовые пробежки и прогулки. Закончив работу и упражнения, он закидывал за спину рюкзак с бутылкой воды, вешал на пояс небольшой острый топор и уходил прочь из ненавистного поселения. Первое время он двигался вдоль берега, собирая раковины, красивые камни и выброшенные на берег странные штуковины вроде зеркальной женской туфельки на крохотную ножку или искусно вырезанной из дерева носастой маски. Заодно собирал растущие в прибрежном лесу

съедобные грибы. Немного охотился, доставляя мясо. И ему это помогло – не сбор грибов, а отнятие чужих жизней. Убивая метко брошенным топором лисицу, он чувствовал успокоение в тот миг, когда бьющийся зверек затихал в окровавленной траве.

Чем дольше он бегал и бродил, тем дальше тренированное тело его уносило. И тем дальше от берега он начал отходить, углубляясь в лес, бродя по высоким травам, поднимаясь и спускаясь с безымянных холмов. Порой он натыкался на удивительнейшие давным-давно заброшенные места. Высокие каменные стелы с расколотыми пояснительными табличками, ржавые остовы какой-то невообразимой колесной техники, небольшие особняки с десятками комнат сохранившими остатки некогда богатейшего интерьера, бесформенные руины с темными лазами ведущими куда-то вглубь. Из этих темных лазов пахло так плохо, что Артур не рискнул туда спуститься. Но пытался! Засунув ногу по колено, он тут же выдернул и решил, что без веревки и фонаря тут делать нечего. Раздобыв и то и другое – включая факел на длинном шесте – он спустился по грудь, но снова вылез, найдя другую вескую причину – одежда и обувь не подходили для ползанья под руинами. Больше он к тем руинам не возвращался никогда, а в сердце поселилась еще одна обидная острая заноза и повод для самобичевания – может он просто трус? Ведь, честно говоря, даже при том нападении зомбаков он мог и побыстрее шевелиться, но почему-то не спешил, давая волшебнице натянуть трусики и выйти из дома…

Он трус?

Трус ли он?

Артур не герой… просто жалкий придурок мечтающий о чем-то героическом, но при этом до дрожи боящийся сделать шаг в сторону опасности?

Он трус?

Эти мысли опаляющими огненными вспышками загорались и потухали в его мозгу, когда он носился бесконечными кругами вокруг родного поселения.

Он трус?

Трус?

Может Мать услышала его безмолвные вопли, а может судьба сама решила дать неугомонной деревенщине шанс получить наконец ответы, но во время одной из таких неистовых пробежек, когда он, исцарапанный, исстеганный ветвями кустов и вымахавшей крапивы, бегом перевалил через холм, в том же темпе спустился и… остановился как вкопанный, замерев в шаге от ритмично качающейся заросшей белой шерстью мускулистой жопы. К небу, будто длинные флагштоки, были задраны тонкие

красивые женские ноги в туфельках. На каблуке правой дрожали на ветру ажурные красные трусики. Из-под белой волосатой жопы раздавалось жалобное сипение, хриплые стоны, какое-то бормотание. Оторопелый Артур бездумно шагнул чуть в сторону. И увидел лежащую на траве золотовласую красавицу в разорванной блестящей одежде, с огромной раной на животе и перекошенной сломанной челюстью. Но даже раны и перекошенная челюсть не могли убавить ее неземной красоты. А груди… эти дрожащие прекрасные нежные груди… На левую сиську опустилась жадная волосатая лапа и вздрогнувший Артур приподнял взгляд чуть выше. Над красоткой дергался минос. Зверолюд в бычьем обличье, схвативший красотку за поднятые ноги и дергающий. Почти человечье тело, копыта вместо ступней, изуродованная рогатая массивная голова, крохотные темные глазки, могучие ручищи и здоровенный… Рядом сидел еще один минос – рыжий и не такой крупный, терпеливо ожидая своей очереди и жалобно мычащий:

– Быстрей пока не сдохла, быстрей пока не сдохла. Кончи ты уже! Кончи!

– Еще-е-е-е! – запрокидывая голову взревел белый минос.

За ними, над долиной, где травы и цветы достигали высоты в рост человека, поднимался серый пар или дым, оттуда доносилось какое-то лязганье, скрежет.

Травы шевельнулись… и из растительной стены появилась девочка. Золотые волосы, белое платьице, залитое кровью лицо, а в вытянутых перед собой ручонках дрожит крупный пистолет.

– Отпустите леди маму! – выдохнуло дитя, направляя слишком тяжелый для нее пистолет куда угодно, но только не на зверолюдов.

– А вот и мое-е-е… – радостно замычал рыжий, медленно поднимаясь и дергая себя за резинку синих просторных шорт.

Дальше все немного смазано. Артур помнит, как он пролетел над широченной спиной белого миноса врезал выставленным коленом в нос поднимающегося рыжего зверолюда, помнит, как бежал к девчушке, но затем чернота. И следующие воспоминание – он мчит сквозь траву, неся на плече колотящую его по спине девчонку, требующую вернуться и спасти ее леди маму. А он, не отвечая, то и дело поворачивается и стреляет назад, в сомкнувшиеся пахучие травы, откуда доносится разъяренное мычание и слышится топот копыт. Опустевший пистолет тоже полетел назад, врезав по рыжему лбу и отлетев. Метнувшись в сторону, парень избежал таранного удара рогов, чудом разминувшись со смертью и снова побежал.

Трудно сказать, как долго он играл с мычащей смертью в

салочки. Может и не слишком долго. Но он до сих пор боится и представить что-то вроде голых мужиков, бегущих за ним с членами наперевес. Поэтому по сию пору не ходит в самодельную сауну на платформе – там заведено купаться голыми, а он… он не может. Сам раздеться не стесняется, а вот на чужую мужскую наготу смотреть не может – особенно если мужик мускулист, не слишком обделен природой и движется в его сторону. Первый же рефлекс – схватиться за пушку и стрелять, стрелять, стрелять в ублюдка!

Позднее он ходил по той долине, двигаясь по собственным следам и поражался тому сколько спиральных и прямых проходов он проложил среди трав. Стало быть, бегал он достаточно долго и несколько раз в буквальном смысле слова бычьи рога проходили в сантиметрах от его тела.

А затем…

Затем все кончилось.

Его почти настигли, когда лидирующий белый вдруг потерял голову, разбросав ее дымящимися ошметками и рухнув. Рыжий, моментально все поняв, круто повернулся и… получил огромную дыру в животе, после чего переломился пополам и тоже упал.

Артур замер, с сипом вгоняя воздух в горящие легкие и глядя в небо, где висел в воздухе сверкающий рыцарь с длинным белым плащом. Потом уже Артур разглядел тонкий трос крепящийся к парящей в вышине небесной машине. Трос отцепился, рыцарь тяжело упал на землю, торопливо шагнул, сгреб в голос заревевшую девчонку, прижал к себе.

– Папа! Папа!

– Все хорошо, милая, все хорошо, малышка – пробормотал тот, сквозь изрезанное по нижнему краю искусной резьбой прозрачное забрало пытливо глянул на Артура и тут же рванул сквозь траву, двигаясь с невероятной скоростью. Спустя пару секунд Артур понял, что рыцарь бежит к истекающей кровью красотке с прекрасными сиськами и сломанной челюстью. Он побежал следом. И не ради того, чтобы помочь. Нет. Он хотел еще раз взглянуть на этого потрясающего рыцаря в сверкающих доспехах. На него, а не на женскую красоту, равной которой он никогда не видел.

Он почти успел. Рыцарь, держа на руках нагую женщину, как-то закрепив за плечом девчонку, уже прицепил спустившийся с небес трос, тут же воткнул в дрожащее обнаженное женское тело что-то вроде одноразового шприца из раскрывшийся на груди коробки, следом ужалил умирающую еще и синим шприцом и… глянув на замершего рядом деревенщину, выхватил из крепления оранжевый шприц, коротко ткнув им руку Артура. После чего

кивнул на прощание и, так и не сказав ему ни слова, взмыл в небо, стремительно поднимаясь к зависшей машине. Еще минута и машина умчалась прочь…

А постоявший с разинутым ртом Артур охнул, схватился за полыхнувшую огнем руку и, с истошным воем, начал очередной спринт, на этот раз пытаясь опередить дикую боль, что терзала его руку, быстро подбираясь к плечу…

Такая вот история обретения фантастичной быстроты…

Большая часть дарованной оранжевым шприцом скорости осталась в руке, но кое-что досталось и телу, подарив ему быстроту рефлексов. Однако пик уже миновал. Сейчас скорость его «особенной» руки раза в полтора ниже, чем было до этого. И быстрота продолжает снижаться. Ну да. Ведь ничто хорошее не длится вечно…

А потом он понял, что это и был сигнал, говорящий о том, что ему пора покинуть родную деревню и…

– Все – оборвал я Артура – Тормози.

– Но я еще не рассказал о моей подготовке, о старательности…

– Пистолет. Рыцарь его забрал?

– Тот из которого я палил? Нет.

– Тогда куда он делся?

– Я… я два дня в горячке валялся в сарае. Потом в себя приходил, удивлялся. Короче в долине оказался через неделю, но там уже ничего не было. Ни дымящейся штуковины, ни пистолета, ни рваной одежды. Только тухлое и уже почти сожранное мясо миносов.

– Так… просрал пушку, а они прилетели чуть позже и подчистили все следы – подытожил я.

– Ну…

– А по башке ты себя всегда бил?

– Эта хрень появилась после укола оранжевым шприцом… сам не понимаю, что на меня находит…

– Ясно. История так себе… быки, трах, бег, выстрелы, оранжевый шприц.

– Как это так себе?! Да ты что! Прослушал что ли? Это были Высшие! Точно Высшие! Те миносы пялили эльфийку! Там все признаки были!

– Ну да. Раз прекрасные сиськи и красные трусики – значит, эльфийка. Будем знать эльфийские признаки.

– Да я серьезно! А рыцарь?! А летающая машина?

– Да эльфы, эльфы – вздохнул я, допивая компот и поднимаясь – Трахай Беллу, Артур. И трахай усердно. Она заслужила. Спасибо, Сэм. Сколько я тебе должен?

– Это я тебе должен.

– За что?

– За рекламу. Посидел у моей лавки, выпил компотика. Получил в подарок килограммовую банку свиной тушенку. И все видят, что в моей лавке закупается герой из героев…

– Тушенку?

– Пусть будет две банки – улыбнулся Сэм Жаба – Доставят к первому бараку немедленно.

– Не туда – качнул я головой – А к моему огороднику. Банку тушенки, килограмма два макарон, пол литра самогона и пару сигар, если найдется.

– Ты про огородника, что за твоим нюхающим землю призмом приглядывает?

– Ага.

– Сделаю. Тебе сигарку дать? Раз уж ты с зонтиком…

– Давай – не стал я спорить и через пару минут продолжил свой неспешный путь вниз по Жильной, держа курс на платформу и старательно напрягая при каждом шаге вялые ножные мышцы.

Пару раз свернув, я притормозил у заборчика, глянул через него на рыхлую мокрую землю и хитиновую спину лежащего ничком Хвана, проглядывающую сквозь выступившую из всех щелей мутноватую и явно быстро высыхающую слизь. Она же, эта розовато-желтая тягучая мерзость, покрывала и плечо с ампутированной руки. Сквозь слизь были видны разошедшиеся в стороны и треснувшие плечевые хитиновые щитки. Все это обильно поливалось дождевой водой, при этом на землю стекало как-то не так много, будто часть впитывалась по пути. Ему нужна вода для окукливания? Может и дождь системой ниспослан именно поэтому? Как благодарность пострадавшему во время выполнения важного задания герою… да нет, бред. Просто по машинному расписанию сегодня дождливая погода.

– Хван?

– А?

– Как ощущения?

– Норм. Спасибо, командир. Я чуть посплю и снова в строю – голос Хвана чуток настораживал. Вроде бы вялый и слабый, но при этом какой-то… искусственный, машинный.

– Ничего не требуется?

– Орк прибегал.

– И?

– Обещал дождаться, когда я полностью окуклюсь и тогда засунуть мне в задницу свой старый ботинок. Для душистой запашистости… так сказал…

– Жалоба бойца услышана и принята – кивнул я – Жуй землю

и лечись спокойно.

– Спасибо. Я быстро…

– Я пригляжу – добавил сидящий на лавочке огородник, прикрывающийся полосатым желто-серым зонтом – Не переживай, герой.

Благодарно кивнув, я побрел дальше, на ходу сообщив:

– Принесут еду и чуть выпивки. Не отказывайся. Благодарность нашего сквада.

– Примем с радостью, герой. Хотя и так каждый день по два раза с твоего стола кашей с мясом угощаемся.

– Так дальше и будет – пообещал я, после чего свернул, прошел вдоль барака, свернул еще раз, оказавшись на месте, где лишился головы тот тупой лидер сквада.

Миновал расположенные здесь торгматы и медблок, свернул чуть левее и увидел пляж, где совсем недавно я жарил мясо и курил сигару. Кассандра стояла под большим зеленым зонтом с бабочками, меланхолично крутя его и глядя на бродящую по дождем мокрую как брошенная собака Йорка. Гоблинша, спотыкаясь о истоптанный влажный песок, загребая его босыми ступнями, размахивала руками и хрипло орала. Ветер и дождь заглушали большую часть слов, но кое-что я все же расслышал. Речь шла о каком-то гребаном жестком придурке, что идет сам не знает куда и не понимает, что даже его тупым толстым лбом не все стены возможно прошибить. Затем снова несколько минут шипящей дождливой бессвязицы, а затем о гребаных мстительных гномах, чтоб им сука всем сдохнуть. Кассандра терпеливо слушала и крутила зонтик. На краю пляжа, под тентом, сидел позевывающий Козгар, рядом лежал обзаведшийся свежей повязкой Баск, вытянув исхудавшие руки поверх прикрывающей его до пояса куртки.

Увидев меня, Козгар кивнул, демонстративно воткнул в песок большой термос, поставил рядом пару кружек и фляжку, после чего встал, с щелчком раскрыл бордовый стильный зонт и неспешно удалился к Кассандре. Здесь у всех зонты? Причем каждый выбирает под себя?

Когда Козгар проходил мимо, я спросил:

– Как думаешь, ветеран, когда мой сквад уйдет и не вернется…

– Да?

– Кто-нибудь продолжит кормить стариков, калек и прочих нищебродов кашей со страусятиной хотя бы пару раз в день причем на постоянной регулярной основе?

Секунду помедлив, Козгар кивнул:

– Уверен, что найдутся такие добряки. Да все сквады выделят

по банке мяса и килограмму наградных сурверских макарон.

– То есть кормить и впредь будут?

– И впредь будут. Сейчас же перекинусь парой слов со знакомым лидами и замкомами.

– Хорошо – я шагнул дальше.

– А ты все же не настолько черствый ублюдок, да, дважды герой Оди? Есть мягкие места в том черством куске мусора, что ты зовешь своим сердцем?

Бледно усмехнувшись, я пожал плечами:

– Просто праздную.

– Что?

– Я снова стал самим собой – улыбнулся я, зажимая рукоять зонта подбородком и подставляя освободившуюся ладонь под дождь – Мясная нарезка сшита, резинка трусов подтянута, алый лайм вколот. Можно продолжать.

– Да ты и шутник как я погляжу… я переговорю. А ты поболтай со своим Баском. Он совсем плох стал. Ничего не ест и даже не пьет бульона. Подохнет от истощения, а не от болезни.

Хмыкнув, я дошел до навеса, сложив зон и, нагнув голову, шагнул в укрытие, с облегчением опустился на еще теплый сухой песок.

– Командир…

– Я тебе не командир.

– Командир – упрямо повторил Баск, поворачивая ко мне лицо с выступившими острыми скулами – Я кажись того… помру вот-вот… ты Йорку не оставь, ладно?

Скривившись, я глянул на затянутый серым туманом океан.

– Командир!

– Заткнись, зомби. Когда ты успел стать таким сраным нюней? Подбери слюни, втяни сопли, стряхни слезы с члена и перестань нести всякую херню. Ты огорчаешь меня, Баск. Я видел в тебе потенциал. Видел горящий в тебе огонь – неугасимый огонь! – ты был обижен на себя, на весь мир, на сучью судьбу, на суку Еву, даже на свою слепоту. Но при этом ты не сдавался. Ты слепым бегал по стальным опасным коридорам, наизусть зная, где сейчас царит сумрак, а где можно бегать пугливым слепым мышкам вроде тебя. Ты продолжал действовать, продолжал ставить цели. И что сейчас?

– Я… я же не о себе. Я за Йорку свою…

– Переживаешь? Боишься?

– Да… очень…

– Тогда можешь расслабиться. Когда умрешь – перестанешь.

– Что перестану?

– Все перестанешь. Бояться, переживать и прочее. Главное –

ты перестанешь влиять. Как только ты сдохнешь, мир вычеркнет тебя. И ты останешься лишь зыбкой улыбчивой фигурой в чьем-то помнящем тебя мозгу. Но ненадолго. Потом тебя забудут. И всем будет плевать на твои горячечные напутствия и предсмертные просьбы. Запомни, зомби – ты можешь кого-то защитить и уберечь только в одном случае – когда ты жив и готов рвать врага зубами!

– Вот же ты… ублюдок, командир! Уж прости! – охнув, Баск заворочался, пытаясь повернуться на бок – Ох как горит внутри… и от твоих слов тоже…

– Ты расслабился, Баск. Твоя беда в том, что ты забыл кто ты есть.

– И кто я есть?

– Ты слепая ушастая крыса. Искалеченный слепошарый зомби. Но ты возомнил себя человеком и решил, что имеешь право на любовь.

– А любить нельзя?

– Можно. Вот ты и подыхаешь как человек имеющий красивую и сладкую любовь. А будь ты крысой, будь ты злым гоблином из жопы мира – ты бы сейчас бился изо всех сил, через тошноту втягивая в себя крепкий бульон и компот, жевал бы кашу и мясо, чтобы пополнить силы. Запомни это, Баск – я начал подниматься – Мягкий человечек способен только ныть и требовать к себе сочувствие и жалость. А злобная тварь из стального подземелья будет молча жрать и злобно поблескивать глазками, чтобы никто не смел покушаться на ее жратву. Выбирай, Баск. Будь гоблином и живи. Останься человеком и умри.

– Охренеть…

– Тебе решать.

– Командир! Командир! – зомби скребанул рукой по одеялу – Командир!

– Да?

– Я честно люблю ее.

– Имеешь право – кивнул я – Хотя это делает простую жизнь такой сложной…

– Но… я запутался… и она запуталась… мы все чаще ругаемся… мы не знаем куда идти. Дай совет!

– Ну нахрен.

– Прошу!

– Ты подыхаешь. Зачем тебе совет?

– Я не подохну!

– Уже лучше.

– Дай совет, командир. Что делать? Я хочу ее уберечь. Но сам хочу стать сильнее! Но не хочу чтобы она тоже шла под пули! Она

моя женщина! Разве это правильно, чтобы женщина воевала с тобой плечо к плечу? Разве женщина не должна сидеть в безопасности дома?

– Тебе конец, придурок – тяжело вздохнул я.

– Посоветуй, командир! Душа горит!

– А жопа не стонет?

– Командир!

– Оставь ее Кассандре. Здесь в Угольке – вздохнул я – Сам, если не сдохнешь, отправляйся с нами в Кронтаун. Кассандра приглядит за Йоркой, натаскает, не позволит ей погибнуть. Ты…

– Войду в твой отряд снова? В твой сквад?

– Нет. Ты будешь обозником прикрепленным к старому унылому ветерану Роксу. Но я разрешу тебе тренироваться с нами. И дам тебе дробовик.

– Щедро!

– Думай.

– Я…

– Думай! – с нажимом повторил я и потянулся к термосу с бульоном – А это я…

– Мое! – худющая рука мертвой хваткой сомкнулась на термосе – Не трогай!

– Ну-ну – хмыкнул я разгибаясь и открывая зонт – Может ты еще поборешься, зомби.

Не дожидаясь ответа, я снова побрел по залитой дождем бетонке, горестно размышляя о том, когда все стало так сука сложно. Было же время – слизь черпали серую, бурлачили, жадно жрали жареное плуксово мясо, запивая сладким компотом…

Глава четвертая

В тот день я, под конец шагая уже на чистом упорстве, сделал пять кругов вокруг Уголька. Когда добрел до базы, где резко поубавилось куч и торгового народу, ноги горели адски. А дрожали так сильно, что я мог легко взбить сливки в любой корове. Но я не был доволен. И потратил еще тридцать минут на то, чтобы довести плечевые швы до кровотечения, а трицепсы до изнеможения, отжимаясь от стены барака. Выспавшийся Рокс покрутил пальцем у виска и вылил на меня ведро дождевой воды зачерпнутое из ржавой металлической бочки у стены. Пофыркав, я попросил добавки и получил ее. Сжевав попавшего с водой в рот красного лягушонка – едва не упустил прыгучую тварь – прошел мимо почему чуток сбледнувшего Терра, сменил одежду, пихнул в себя через силу два протеиновых батончика, залил все кружкой воды и куском еще теплого ржаного местного хлеба. Еще через минуту я упал на кровать ничком и отрубился, чувствуя, как жесткий шов подушки впивается в щеку, но у меня нет сил чуть подвинуть морду…

Я проспал семь часов. Проснувшись, инстинктивно проверил интерфейс заданий, удивленно глянул на мерцающую там пустоту, вспомнил про санитарный день и наши ранения, после чего выдул литр воды сдобренный шизой, сожрал что под лапу попало, постоял сонно на пороге, глядя на копающегося среди поля запчастей Рокса, поглазел на собравшихся вокруг моих бойцов, сыплющих насмешками и советами, вернулся к кровати и опять отрубился.

На этот раз мне хватило четырех часов и, не обращая уже внимания на мышечную ломоту, я вышел из барака и через силу побежал. Сначала до туалета, затем до медблока, где получил восстанавливающие уколы, но никаких усиливающих курсов, после чего, медленно ускоряясь, побежал вокруг крохотного городка, двигаясь рядом с окружающей его стеной. Пробежавшись мимо тамбура, заметил входящих в него напряженных гоблинов и понял, что санитарный день Зомбилэнда завершен. Проходите, гоблины, проходите, зомби уже проголодались!

Остался ли там парализованный синим светом и ласковым женским голосом рыцарь-зомби Кевин?

На месте системы я бы его заморозил к чертям. Убивать такого нельзя – такое вообще никогда не убивают – можно и нужно законсервировать и пусть хранится в минусе до тех пор, пока в нем не возникнет нужда. Кевин может контролировать других зомби. А в запасниках системы целая… армия

бесстрашных и всегда агрессивных бойцов, что нуждаются только в одном – в контроле. В полководце…

Вот чего я не сказал Кассандре, когда она задала вопрос – почему я не пристрелил командира зомби?

Потому что он, потенциально, столь же опасная фигура, как и тот леденящий голубоглазый светловолосый упырок засевший на Окраине. А может даже опасней – учитывая количество бродящих по миру больных гнилью.

Если я не пробьюсь в Земли Завета, не сумею достичь центра этого безумного мира, обломав зубы где-то на подступах… я вернусь сюда, снова проломлюсь во второй больничный, тихо постучу в палату с забавным номером и приглашу Кевина и его друзей погулять.

И все равно я не вижу всей картины. Что-то упускаю. Хотя чувствую оборванность – как и во многом другом. Трудно найти смысл в обломках чего-то незаконченного. Никогда не соберешь весь паззл, если в нем изначально не было доброй половины кусочков.

Несомненно, что параллельно переработке зомбаков в фарш, в Зомбилэнде проводится какой-то очень затянувшийся и возможно уже бессмысленный или зашедший в тупик эксперимент связанный с Кевином. Эксперимент начатый очень давно…

Сейчас произошло долгожданное «обнуление» вышедшего из-под контроля эксперимента. Теперь либо все начнется сначала, либо фигурку Кевина временно заморозят…

Но на это мне пока плевать.

Меня заинтересовал другой вопрос – появившийся после истории Артура.

Если тут рулят Высшие, если тут правят эльфы, живущие в Землях Завета, то им ведь не безразлична судьба этого мира. Так почему ни один из этих блистающих могучих рыцарей не заскочил на своей летающей машине на минутку во второй больничный и не вырубил Кевина парой ударов бронированным кулаком?

Сколько там затрат? Пара минут на все про все? А сколько пользы! Но эльфы не пришли в Зомбилэнд. Проблему пришлось расхлебывать умирающим как мухи гоблинам.

Почему?

Ладно эльфы… может им шелковые перчатки марать западло.

Тем более все время надо спасать дев поднявшими над пахучими травами красный сигнал бедствия.

А гномы? У них даже проход имелся. Пообещаю подземным инженерам какой-нибудь смачный приз, дай разрешение на

временный выход – и золотой Туррион тут же загонит в лечебницу пару отрядов прикормов. А наградой может быть любой бесплатный пустяк – один день на солнечном пляже, например. Да гномы души продадут ради такого – вон как сурверы загоняются по рядом шумящему океану.

Так…

А плуксы?

В Зомбилэнде побывали плуксы. Как к этому отнеслась система? Тут не угадать. А докладывать мне никто не спешит. Ладно… ладно…

Так я и бежал неспешно, преодолевая метр за метром и с радостью ощущая боль родных мышц. Мне было… легко… организм быстро перестраивался. Кстати, я вроде бы стал чуть выше, а руки чуть длиннее. И пальцы длиннее. Придется заново тренить хваты всего оружия, начиная с шила и заканчивая штурмовой винтовкой.

Пробежав два круга, еще один прошел быстрым шагом, после чего наконец-то позволил себе остановиться у первого барака и снова заняться отжиманиями, разгоняя по мышцам кровь, заполненную витаминами, лекарствами и питательными веществами. Еще поприседав, прыгнул на закрепленный на стене турник…

За завтрак я садился бодрым, довольным и голодным. Незнакомый мне парнишка с синяками под глазами и сломанным носом, аккуратно поставил передо мной тарелку каши с волоконцами мяса. Для чего-то неумело отдал честь и потихоньку поковылял на выход, бережно держа себя за бока. Такое впечатление, что он сам себя поддерживает и подталкивает одновременно, будто старичка через опасное место переводя.

– Это кто? – поинтересовался я.

– Шулбут вроде как – ответил усевшийся напротив Рокс – Новый рекрут. Вчера его Каппа бил.

– За что?

– За неумение позорное.

– Ага…

– Во дворе видел?

– Видел. Багги. Уже стоит на колесах. На сдутых колесах.

– Надуть легко – махнул рукой ветеран и на меня повеяло запахом машинной смазки – Главное – сошлось! Подошли детали.

– Рад за тебя.

– За себя порадуйся! Транспорт!

– Транспорт – пожал я плечами – Без обид, Рокс. Но то, что для тебя мечта и детище всей жизни – для меня просто поржавелый хлам на сдутых колесах.

– Говорю же – автоподдув там!

– Зовешь гоблинов – и они дуют?

– Да ну тебя! – огорченно проворчал старик, опуская взгляд на поставленную перед ним тарелку.

– Багги – это хорошо – осклабился я – К ней бы еще прицеп побольше.

– Для перевозки вашей снаряги и прочих грузов?

– Ага. И для перевозки полудохлых тел.

– Вот тут не понял. Но прицеп будет. Я только к Джоранн сунулся, а она сама это же предлагает. И кивает на огород, в котором склизкая горка булькает.

– Хван полностью окуклился?

– И замолк. А рыжая и говорит – Оди может не усидеть и рвануть раньше. Надо место для перевозки Хвана.

– Не усижу – кивнул я – Рвану раньше. Сегодня.

– Сегодня?! – выпучился старик – Да ты гонишь!

– Пока сижу.

– Я серьезно! Ты весь в ранах! Хван в спячке! Молодняк вами собранный – рядком у стеночки в ауте валяется! Видел бы ты вчера, что Рэк и Каппа вытворяли над ними! Четверо сразу уползли, сломанные лапки баюкая и клянясь, что больше никогда не покинут родных деревень. Двое в медблок с чем-то реально серьезным загремели. Я вот сам видел, а до сих пор понять не могу, как та лысая девка, просто споткнувшись на бегу, сумел себе пузо от пупка до сисек тесаком вспороть! И ведь еще пробежала метров двадцать и только потом упала, но все пыталась ползти… Рэк сразу заявил, что эту сраную тупую кровавую суку автоматом зачисляет в рекруты…

– Будни отбора – я неопределенно повел ложкой, едва не расплескав суп – Это норма, Рокс.

– Может и так. Но… куда тебя несет?! Понимаю, что после прибытия в Кронтаун и выполнения там одного задания, сможешь первый раз увеличить сквад – до тридцати рыл. Но при этом дорогу назад себе отрежешь. В тот же Зомбилэнд уже не вернешься.

– Так вот почему здесь не бывает овеянных славой реально крутых героев…

– Конечно! Тут своя кровавая песочница – а там своя.

– И весело фабрика мяса урчит – задумчиво произнес я, крутя ложкой.

– Стихами заговорил после того, как тебя Мать расчленила?

Коротко рассмеявшись, я пожал плечам:

– А вдруг моя творческая жилка была в родной левой пятке?

– Только и умеешь что битые колотые зубы скалить

беззаботно? Куда говорю вы пойдете? В багги все не влезут. И в прицеп не влезут.

– А и не надо. С какого перепуга мы рекрутское мясо в комфортных условиях катать будем? Я же сказал – прицеп только для полумертвых.

– Макароны с фаршем, политы реально нехилой подливкой – пробубнил ушибленный паренек, удивительно ловко выставляя на стол тарелки. Слишком ловко.

– Ты кем раньше трудился? – спросил я.

– С-спасибо за важный вопрос, командир! Официантом! В таверне Пьяная Хулха! Деревня Отрешеннославье.

– И почему решил стать героем?

– Не героем! Решил стать умелым и серьезным бойцом!

– Почему?

– Потому что Сван отбил у меня Свон, а потом демонстративно трахнул ее на газоне прямо за моим окном!

– И тебя это глубоко задело? Ты решил стать крутым и…

– В жопу Сван и в сраку Свон! Вместе с их лебедиными танцами на освещенным луной мелководье! Я… просто не хочу быть тем, кто жалобно плачет на кровати из-за такой херни! Я вообще не хочу больше жалобно плакать! Я хочу стать крутым мужиком с железобетонной усмешкой!

– Свободен, рекрут.

– Дайте мне ствол, и я принесу вам дымящуюся голову зомби!

– Нахрена?

– Ну… чтобы… доказать… положить на стол…

– Мы тут кушаем, а ты решил дохлую голову нам на стол бросить?

– Иди, сынок – вздохнул Рокс – Иди уже. Принеси нам компотика. И хлебушка к макаронам.

– А разве хлеб с макаронами едят? Это же одно и то же, только первое с дырками и вкусной хрусткой корочкой, а второе длинное…

– Свали уже! – припечатал старпер и охающий парнишка осторожно поплелся к дверям. Не выдержав, Рокс крикнул ему вслед – Не верь тем, кто макарошки без хлеба жрет! Есть в них подлая хитринка!

– Хм… – изрек я, отодвигая пустую тарелку и подвигая солидную порцию макарон, украшенных горкой политого подливкой даже не фарша, а мелкорубленного мяса – Кто готовил?

– Орес.

– Это кто?

– А никто. Древний местный. Героем не стал, из Уголька не

ушел, зато приноровился за малую плату готовить на всех угощения – если сквады празднуют там что-то или угощают кого. Порой и в кафешках подрабатывает. Он с вами пойти хочет. Просит только кормежку. Но ему лет восемьдесят давно как стукнуло! На нем две пары подтяжек и только они, похоже, удерживают его от разваливания на части.

– Ты сегодня прямо бодр… и говорлив…

– Багги! Ты насчет выхода сегодня – серьезно?

– Говори прямо, Рокс.

– Мне бы время до утра хотя бы! Ну встряну я со сломанной техникой на Тропе проехав километров двадцать… что будешь со мной делать?

– До утра – кивнул я, протягивая руку и беря с только что поставленного на стол блюда кусок темного хлеба.

– Чем займешься?

– Система подскажет – буркнул я – Ну и награду за «Синий свет» бы уже получить.

– Ты до сих пор не попросил у Матери заслуженных даров?

– Экх… – скривился я – Как же вас ментально помяло тут всех. Дары. Мать. Заслуженные… Лебединые пляски. Все слишком запутано и слишком высокопарно. Я рад, что игровые вызовы кончились. Одной мутностью меньше.

– Вот тут ты ошибаешься, гоблин – фыркнул старик и впился зубами в кусок хлеба – Офыбаефся!

– Дерьмо – подытожил я, всаживая вилку в макароны и макая хлеб в подливку – Ну и хрен с ним…

* * *

Бонусные награды я затребовал у ближайшего торгмата. Коротко звякнуло, после чего на экране высветилось многообещающее:

«Награды в процессе прибытия. Ожидайте в любом месте».

Такая же надпись появилась перед глазами во внутреннем интерфейсе, но к ней еще дополнительно прилагался убывающий таймер, показывающий, что до момента выдачи награды осталось семь минут сорок восемь секунд.

Порадовавшись, что не придется торчать у торгматов, для приличия все же ознакомился с предлагаемым ассортиментом и не нашел ничего полезного. Отойдя на пару шагов от бетонного куба, принялся приседать, поставив себя цель успеть присесть четыреста раз до прибытия наград.

Не уложился. До завтрака уже нагруженные ноги взвыли и

позорно сдались, а потом прошибло так, будто я пробежал километров десять. Ладно. Я начал прыгать. Просто вверх, из стороны в сторону, вперед и назад. Через пару минут ноги отрубили и эту возможность. Прислонившись к стене, я переждал приступ слабости, утер мокрую харю футболкой и шагнул вперед, прямо под стремительно опускающийся с небо небольшой дрон, натужно тащащий длинный пластиковый контейнер. Клацнули зажимы. Застрекотав, дрон взвился и умчался, оставив контейнер у моих ног. Покосившись на замерших прохожих с крайне заинтересованными лицами, я поддел пальцами скобу и потащил контейнер к бараку, только сейчас сообразив, что мог бы спокойно приседать прямо у входа в отсек – дрон все равно бы доставил ящик ко мне в любой точке.

А если бы я, после заказа награды, прыгнул на ту же самую багги и рванул по Тропе прочь? Дрон рванул бы следом с яростным миганием, требуя забрать награду?

Семь минут и сорок восемь секунд. Вот время, за которое ко мне воздушным путем была доставлена посылка с наградой. Даже если предположить, что контейнер был заранее подготовлен, оставалось только подцепить и потащить – все равно количество минут очень невелико.

Втащив контейнер внутрь, я уселся на первую же лавку, шумно подышал, разминая бедренные мышцы. А затем, наклонившись, щелкнул тремя зажимами и откинул легко поддавшуюся крышку.

Первое что увидел – стальной панцирь. Красивый стальной панцирь вроде моей модели «Пал», только продвинутей, о чем ненавязчиво оповещала налепленная на сталь пластиковая этикетка с пометкой «Пал6». В чем отличие? В первую очередь вес – этот панцирь легче, как я ощутил, едва взяв его в руки. Внутри явно чуть другой рисунок ребер жесткости. Вроде как потолще металл с боков. Нагрудная заглушка для аптечки другой формы, прямо «из сердца» торчит ключ, на нем болтается еще один такой же.

Ладно. Неплохо. Что там ниже?

А черт…

В темпе выбросив из контейнера все пять предметов, я рассмеялся. Ну да. Зачем напрягать машинный разум и выбирать «красочную» награду? Проще взять и запихнуть в контейнер пять одинаковых новеньких кирас модели «Пал6». Так система и поступила.

Выбрав наугад одну из кирас, остальные бросил на кровать, сгреб свое добро и впихнул в контейнер, накинул на плечи рюкзак и вышел из барака, таща за собой пластиковый ящик.

Заметив торопящего куда-то Рэка, крикнул:

– На моей кровати новые кирасы. Четыре штуки.

– Круто! Одна моя?

– Ты, Джоранн, Каппа, Хван.

– Я с Баском говорил.

– Не сдох?

– Жрет и пьет в три горла. Витамины, шиза, жратва, энергетики – ему годится все. Даже искупаться сходил.

– Ясно.

– Не спросишь, что он надумал, командир?

– Не спрошу. Я к Дону Вудро на примерку. Через час жду Джоранн, Каппу, тебя и по два самых не тупых рекрутов из отобранных вами в свои пятерки.

– Собираемся куда?

– Полная экипировка.

– Понял!

Продев в скобу контейнера снятую с рюкзака веревку, я потащил его бетонке.

– Могли бы и колесики сука приделать – зло пыхтел я, налегая всем телом на веревку – Хотя бы квадратные…

* * *

Задание: Патруль.
Важные дополнительные детали: …

…**Награда**: 50 крон.
Внимание! Награда снижена! Статусное несоответствие к местности!

И послали нас в патруль по уже знакомому участку Тропы между Угольком и базой Лео Сквалыги. Можно сказать, что нам дали абы что – лишь бы надоедливые гоблины на время были чем-то заняты.

Я заставил двигаться отряд рядом с тропой, чтобы не привыкали к удобной бетонке.

– Вот теперь понятно почему все герои рано или поздно уходят к Заповедным Землям – пробурчал я, перешагивая через гнилую валежину.

– Пятьдесят крон! – поддержала меня идущая следом Джоранн – Это не деньги! И в Зомбилэнд нас будто нарочно не пускают.

– Да – кивнул я – Будто нарочно…

– А если нас вообще туда больше не пустят?

– Значит не пустят – пожал я плечами – Двигаемся бодрей, гоблины! Бодрей!

После короткого разговора с Доном Вудро и первой предварительной примерки, я экипировался в привычное, подзарядил оружие, почистил дробовик и штурмовую винтовку. С собой брал только то, к чему имелся достаточный запас патронов. И в первый раз игл взял гораздо меньше. К автомату патронов тоже маловато… но оставлять такую мощь я не захотел.

Снарядившись, проверил меню. Интерфейс заданий был пуст. Я демонстративно побродил под полусферой наблюдения, но система осталась глуха и слепа к моему хромающему дефиле. Тогда я попытался втиснуться во входной тамбур Зомбилэнда вместе с втягивающимися туда гоблинами и не обращая внимания на только что вынесенное воющее окровавленное мясо, бьющееся на бетонке.

Номер не прошел – система тут же высветила мне предупреждение и вежливо попросила отступить.

Я в голос рявкнул:

– Дай задание!

И через пару минут появилось вот это убожище…

– Да мы по несколько раз из дробовиков пальнем – и уже по финансам в минус уйдем! – не унималась рыжая – Командир! Позволь скромно и вежливо спросить – нахрена?!

– Статус, дура! – буркнул зло орк – Снимут же ранг!

– Сам внематочно рожденный тупой ублюдок! Я про другое – командир же задание считай насильно выпросил! Толку с этого задания?

– Надо двигаться – ответил я – Надо стрелять. Причем не в стену, а по живым и желательно сопротивляющимся целям. Никакого долгого безделья, гоблины! Стреляйте смело! И чтобы больше не задумывалась сколько стоит один выстрел. Насрать! Есть цель – стреляй!

– Поняла…

– О – обрадовался я, когда за кустами поднялась сгорбленная темная фигура с перекошенной головой – Давай, Джоранн. Дробовик. В башку. Чтоб с салютом тухлым мозгов.

– Легко! – фыркнула рыжая, чуть ускоряясь и уходя в сторону.

– Вот так и обижаются ветераны – огорченно вздохнул Рэк.

– Следующий твой – кивнул я, поняв намек – Потом Каппа. Потом новички. Мясо! Наблюдайте! Учитесь!

Мясо покивало, показывая понятливость и нервно стискивая дробовики. Ну ладно…

Через два еле ковыляющих зомбака, одного оленя и

куропатку выбежавшую на свою беду из зарослей, я понял, что дальше так дело не пойдет – на каждого из зомбаков было потрачено по десять патронов, в оленя всадили чуть меньше, куропатка… там просто воронка, разинутый клюв и жалобная гузка с обломанными перьями.

– Каждому только по одному выстрелу на цель! – повернулся я к новичкам с широкой недоброй усмешкой – Промазали или не остановили – закидываете дробовик за плечо, беретесь за тесак и завершаете дело. По медленным целям стрелять только в упор. Тот, кто вздумает ослушаться меня и выстрелит дважды… не советую. Поняли, мясо?

– Вы же сказали – палите, не считая бабла!

– Я обращался к бойцам. А не к тупому мясу. Разницу уяснил, Стейк?

– Уяснил! Я Роткнар.

– Теперь тебя зовут Стейк, жопа с ушами! – шелестящим голосом заметил подступивший Каппа – Еще раз опозорите меня…

Чернокожий мосластый парень часто покивал, давая понять, что все уяснил. Остальные, чуть с задержкой, тоже закивали. Но я не был удовлетворен. Мне мало. Поэтому добавил:

– Сами посчитайте сколько лишних патронов уже потратили. Вон к нам ползет гнилой безногий пузан. Стейк. Убей его. Ножом. А мы поглядим.

– Ножом? – нервно сглотнул Стейк и глянул на Каппу – Мастер! Это ж охренеть!

– Вперед!

– Ладно! Ты будешь гордиться мной! Слышишь? Будешь гордиться мной! – заорал чернокожий, схватился за нож и странными прыжками бросился к цели, полосуя на ходу воздух – Ты будешь гордиться мной! Эй, гниль! Бойся меня! Че пялишься, мразота?! А?! Крутым себя считаешь?! Удар! Ой! Ой сука! Ой! А-А-А-А! Грызет! Он мне ногу грызет! Мастер! Мастер! А-А-А-А!

Цыкнув зубом, я тяжко вздохнул и пошел дальше, давая возможность побуревшему от стыда Каппе помочь придурку. За моей спиной свистнул меч, раздалось облегченное блеяние, что тут же сменилось протяжным икающими оканьем и звуками ударов.

– Мои получше будут – громко заметил Рэк и заржал в голос, но тут же заткнулся, чуть помолчал и тревожно забубнил, обращаясь к своим подопечным – Не подведите, суки! Мениски из глоток вырву за любой косяк!

– Но ведь мениски не в гл…

– Я вырву! Мениск вместе с мясом, сука, вырву! Думайте, что

делаете! Стреляйте в упор. Дышите ровно! Поняли?

– Да, да…

– Ага.

Еще раз вздохнув, я махнул рукой, давая сигнал перейти на другую сторону Тропу, где виднелись многообещающие рощицы. Тихонько шлендающие по Тропе ездовые гоблины остановили скрипящие повозки с колесами в пару метров в диаметре, приложились к бутылкам с водой, провожая меня внимательными взглядами.

– Че пялитесь? – спросил я, проходя мимо.

– Вы стреляете… мы идем… – пожал плечами седобородой старший, устало вытирая морщинистый лоб грязной тряпкой.

– Хоть кто-то здесь с мозгами – буркнул я, вскидывая дробовик и нацеливая в шевельнувшийся куст, откуда тут же ломанулся голожопый парень путающийся в штанах и жалобно вопящий:

– Мирносрущий я! Мирносрущий!

– Это из наших. Поносит его третий день – пожаловался старший – Зря он лизал покраснелые сиськи той рыжей давалки на пятачке… мы вот не лизали, просто заплатили, дело сделали и все. А он лизал…

Уведя прицел от грязной жопы, я кивнул и спустился с бетонки на травянистую мягкость, цепко выглядывая любое движение и тут же отсеивая непонятные. Движения тут хватало – проснувшаяся после дождя природа радостно ожила. Десятки бабочек, кузнечиков, крупные толстозадые мыши, лисицы, вдалеке поспешно проломился в кусты какой-то зверь покрупнее, в лужах плещутся вкусные лягушки, поспешно уползают толстые змеи с желтыми или красными метками за головами. Ладно. Готов признать – тут старались. Приложили уйму усилий для сохранения и преумножения биологического разнообразия – и для предоставления этому разнообразию комфортной среды обитания.

Если добросов постарались запереть в тесных поселениях, то для зверья и растений предоставили огромные просторы с регулярным поливом и продувкой. Мечта… И судя по вон тому бегущем за испуганной лосихой детенышу звери не стерильны. Природа регулирует себя сама… хоть что-то у них получилось. Но гниль уже расползается… как по головам добросов, так и по стальным опорам этого мира…

В последнее время я слишком много думаю…

Чем больше наркоты – тем больше флешбэков – тем больше рваных воспоминаний – тем больше вопросов – тем больше расспросов и интересов… – тем чаще я включаю голову не для

действий, а размышлений. Подтормаживает ли это меня? Возможно… даже определенно… но ведь всегда можно ускориться?

– Слева, лид!

– Вижу – спокойно ответил я рыжей, отступая и пропуская мимо шустрого дергучего мужика полосующего себя ногтями.

Рухнув, он забился в траве, хлеща себя по телу. Вскочив, замотал головой, замычал и рванул прочь, преодолев Тропу и спустившись в узкую долину тянущуюся к океану.

– Куда смотрим, дебилы? – зло спросил я, нажимая на спуск и простреливая башку беззвучно поднявшемуся из лежки в траве мускулистому высоченному зомбаку – На расчесанную жопу?!

Мне никто не ответил. Старички смущенно пялились в землю и переминались. Каппа гордо вытирал кровь с лезвия меча о рваную рубашку второго обезглавленного зомбака. Кроме меня он единственный, кто не отвлекся на больного почесухой.

– Продолжаем – махнул я рукой и переломил дробовик – Продолжаем…

Патруль мы отходили сполна. Все три часа – на час больше обычного при сниженной-то оплате. Намеки системы настолько громкие, что игнорировать их просто невозможно. Нам будто прямо со стальных небес ревут – валите в Кронтаун, гоблины, здесь вам не место!

Мы и свалим. Завтра же с рассветом, а может и затемно.

– Ладно – улыбнулся я и указал на бесконечную Чистую Тропу – Вдоль рельсов! За мной! Темп рваный. Я ускоряюсь или падаю – пусть даже случайно – вы повторяете. Мясо топает сразу за мной, дробовики в руках не держать! Бывалые замыкают строй и подгоняют отстающих пинками.

На бег я перешел без какого-либо предупреждения и этим подлым поступком сразу завоевал фору в несколько секунд. Сзади послышались злые крики, звуки оплеух, оханье, а затем топот ботинок и сапог по вымытой дождем бетонке. Позволив телу двигаться в свободном ритме, я дал себе хорошенько разогреться, а затем продолжил в своем любимом стиле, сам порой не зная, когда в следующий раз упаду, перекачусь, вскочу или же начну отжиматься, пойду гусиным шагом или двинусь прыжками. Я оставил это на усмотрение чему-то неосознанному в моей голове. А все разумные мудрые мысли просто отключил. В задницу мудрые рассуждения. Только не сегодня…

Остановившись, старательно загоняя в горящие легкие воздух, смаргивая с ресниц едкий соленый пот, я прохрипел, обращаясь к одноглазому:

– Мне чудится?

– Не. Дым. Густющий. Полыхнуло что-то?

– Слишком густой и тонкий – не согласился я – Либо цистерна с топливо рванула и горит, либо сигнал подали… Это ведь оттуда?

– Ага. База Лео Сквалыги. Че делаем?

– Туда! – без раздумий решил я и снова перешел на бег.

Но на этот раз бег был другим – экономный. Дробные мелкие шаги, мягко приземление, старательное поддерживание дыхание и никаких побочных упражнений. На бегу поинтересовался у вырвавшегося вперед орка:

– Когда система о руках и ногах твоих гнилых инфу рассказывала – глаз новый не предложила?

– Предложила.

– Ну и?

– Да мне и так привычно. Вдруг сбоить начнет что? Опять же привыкать надо… нет?

– Глаз в башку впаяй – велел я – Если не сразу привыкнешь – спрячь под повязку глазную.

– Да мне и так…

– Это не предложение, орк. Это приказ. Если в бою единственного глаза лишишься что дальше делать будешь? Жопу в эхолот превратишь?

– Понял. Сегодня же. Ну как вернемся… а вдруг ослепну, командир? Перекоротит нервы в башке и буду как Баск в свое время…

– Глаз впаяй.

– Есть… Что там горит-то так чадно?

– Жопа Лео – ухмыльнулся я – И мне очень интересно кто и за что его жопу поджег.

* * *

Эльфы. Гномы. Грабители. Орава зомби. Что только на ум не приходило во время бега.

И вроде как грабители. Но вот чего я не угадал, так это того, что грабителями окажется банда зверолюдов. Живо вспомнился рассказ Артура, когда мы сначала выскочили на бегущего навстречу мужика с окровавленной башкой и летящего за ним с опущенными рогами гигантского рогатого ушлепка.

– Минос – удивленно сказал я, с уважением глянув на невероятно мускулистую страшную фигуру, а затем прострелив пробежавшему мимо рогачу шею.

Сипло кашлянув, он прыгнул вперед и вбил рога в спину жертвы. Оба упали на землю и затряслись. Через секунду кашляющий кровью бык поднялся, развернулся… и поймал грудью еще три выстрела в упор. Этого хватило, чтобы минос упал и больше не поднялся. Шуметь я не стеснялся – с базы Лео доносилась беспорядочная пальба. Слышались и очереди. В ответ звучали громкие тяжкие удары, выстрелы, яростное мычание и рев.

Как же интересно…

– У него на спине и груди выжженное клеймо! – заметил Каппа.

– Тавро – поправила его рыжая всезнайка – Шлем с длинными прямыми рогами.

Дозарядив патрон, я приказал:

– Джоранн и Рэк со своими – влево. Рэк за старшего. Джоранн – пасть не разевай! Потом выскажешься и мне и ему! Каппа с остальными – за мной. Рэк. Пока я не начну – выжидай. Но если нарветесь – пали не раздумывай. Твоя цель – выйти с кормы к штабному кораблю Лео. Там вроде была лестница деревянная.

– Помню. Понял.

– Выполняй.

Свернув, спустившись в песчаную ложбину заполненную слишком уж рыхлым волнистым песком, принесенным с океана, увязая, я пробежал по дуге, радуясь, что растущие по краям густые кусты прекрасно нас прикрывают. Учитывая волочащихся сзади новиков…

Когда ложбина пошла на подъем, упал на пузо и пополз, волоча себя на локтях и не обращая внимания на продирающую раненые плечи боль. Коротко глянув назад, выругался в голос – фигуристая деваха в старом панцире и темно-синих штанах явно не понимала, что, ползя, нельзя задирать жопу к небу и семенить почти не согнутыми ногами. Да она и грудью не прижималась, явно оберегая себя от грязи. Обернувшийся Каппа дернул ногой, впечатывая ботинок в напряженное женское лицо и велел:

– Соски и пупок в песок, сука! И чтобы за тобой три сплошные линии тянулись!

– Есть! – мигнула та, сплевывая кровь с разбитых губ – Но у меня пупок внутрь, сержант!

В глазах плеснула злость и меня это чуток порадовало – есть все же хоть какой-то потенциал.

– Выпяти! – рыкнул Каппа, неосознанно пытаясь копировать мой голос – Все в землю!

Поняв, что о них позаботятся, сосредоточился на том, что ждало впереди. Ложбина все поднималась, начав извиваться, дно

стало каменистым и острым, я цеплялся наплечниками за старые корни, с треском обрываясь их, тараня мокрым лицо пыльную паутину, с хрустом давя стальной грудью засохшее дерьмо – в том числе и гоблинское, хотя я не особый спец по видам и сортам дерьма. Но очень уж знакомая форма. Похоже, расположенную поблизости ложбину патруль или кто там у Лео, втихаря использовали как нужник. Переползя кучку недавно обблеванных костей, воняющих кислятиной и самогоном, отбросил клыкастый вытянутый череп, подтянулся, и проскользнул в проем между кустами. Тут как мне помнится небольшая плоская возвышенность, что упирается в одну из построек с навесом… это как небольшая центральная площадь базы и… я замер, глянул вверх. Надо мной тяжело тряслись огромные мохнатые шары, подсвеченные сквозь тонкую материю короткой юбки в клетку. Минос, здоровенный красный бык, широко расставив копыта, с силой ударил деревянным колом в землю и заревел во всю звериную глотку:

– Здесь стяг хозяина вонзаю я! Вонзил! Сказал – Аллурда! Лурда!

Развернулось красное знамя со знакомым уже изображением рогатого шлема.

– Аллурда! – сквозь пальбу донеслось с нескольких сторон – Лурда!

– Лурда – согласился я, направляя стволы дробовика между ягодиц красного крикуна и нажимая оба спуска.

Бык остался стоять. Но юбку, немалую часть жопы, заветные бубенцы и наверняка любимый хрен унесло куда-то в небо. На землю обрушился кровавый поток.

– Лурда! – на автомате крикнул красный минос и тут наконец жаркая волна боли дошла до его запертого в чересчур толстом черепе мозга и он куда-то побежал, оставляя за собой широкий кровавый след и смешно подпрыгивая, взбрыкивая разорванной жопой, откуда свисали обрывки кишок.

Потрясенные этим зрелищем участники ненадолго прервали стрельбу и явно пытались понять, что же там такое мудрое пытается начертать потомкам на утоптанной земле жопной кровавой слизью красный забавный минос.

– На камбуз яйца прилетели, кэп! В окно! – изумленно заорали из штабного корабля – И хрен! Прямо на плиту шмякнулись!

– Жарь! – прокричал в ответ знакомый голос – Жарь их сука! Сожрем! Потенци-и-и-ия-я-я!

– Потенция-я-я-я! – отозвались радостно его подручные.

– А-а-а-а! – ответил им пустившийся вприсядку красный

минос, сумевший порадовать нас еще несколько секунд, а затем упавший и замерший перекошенной мордой в землю.

– Кто там яйца в небо швыряет? – снова дал о себе знать Сквалыга и на этот раз в его голосе слышалась надежда.

– Рассоси клубничку, Лео! – крикнул я, направив лицо в землю и чуть в сторону, чтобы не выдать своего местоположения.

– Дружище! Как я рад! Спаси! И с меня еще немало историй! И не только!

Хмыкнув, я дозарядил дробовик и взялся за штурмовую винтовку. Я уже дал сигнал, запустив на площадь танцора, а в небо дымные яйца. Рэк должен сообразить, что…

Треск дробовиков от кормы корабля дал понять, что бойцы правильно все поняли. Поведя стволом, я поймал в прицел спину тоже копытного, но более мелкого рогатого ублюдка и прострелил ему легкие. Хрипло замекав, он совершил поразительный прыжок, преодолев метров десять и рухнув на красного миноса.

– Те твои – сказал я, не оборачиваясь и коротко кивнув на бегущее в нашу сторону уродливое трио.

Серый средний минос – тоже в юбке, вооруженный парой короткий копий и уже замахивающийся. Сильно смахивающий на козла упырок с дробовиком. И насекомовидный призм с дрожащими за спиной крыльями, бегущий с немыслимой скоростью, размахивая как мельницей правой рукой-лезвием. Левая вроде нормальная и сжимает нож.

– Аллурда! Лурда! – завопил кто-то от корабля и это позволило мне обнаружить его.

Гаденыш спрятался в одной из трех деревянных бочек. Подал голос и затих, выжидая и считая себя самым умным.

– Угадаю или нет? – задумался я, простреливая ближайшую ко мне бочку.

– О-О-О-А-А-А-А-А-А! – трубно заревела закачавшаяся бочка, над краем показалась вполне обычная взъерошенная гоблинская голова. Я выстрелил еще раз, и пробитая башка заткнулась, зацепившись подбородком за край бочки и повиснув.

Звено Каппы дало залп. Поймавшее картечь трио рухнуло. Минос бился, козел трясся, а призм резко подскочил и… полетел над самой землей, выставив руку-лезвие как копье.

– Лу-у-у-урд-а-а-а!

Выстрел Каппы развернул уродливую башку расцветшим бутоном, плеснуло серо-белым и полет прервался. Лезвие замерло метрах в двух от нас.

Осмотрев панораму, я встал, сделал шаг, тут же сел и перекатился в кусты. По мне никто не выстрелил. Зато пальба за

кормой усилилась. Встав, я рванул к бочкам, на ходу махнув рукой. Похоже, наши нарвались на основные силы и завязли…

Вправо. Резко влево. Упасть и перекатиться, сшибая какие-то горшки и бутылки. Не останавливаться. Не замирать. Мимо навеса. Пнуть одну из бочек и посильнее, чтобы покатилась, привлекая к себе…

Затрещав, бочка ощетинилась пятком едва заметных игл. Следом в ее боку появился пяток дыр.

– А дерьмо! – раздался раздосадованный голос откуда-то снизу.

Не вижу!

Пробежал пару метров к лежащим между кораблем и навесам тряпкам… и провалился сквозь землю, при падении инстинктивно выпустив короткую очередь. Летящая навстречу пыльная темнота ответила громким мучительным стоном, ботинки ударились в знакомую округлость и я резко ударил ногой, с хрустом ломая висок. Отшвырнув ногой дробовик от дрожащей руки, шагнул вперед, в то время как по склону за мной съезжали и скатывались остальные.

Яма.

Что-то вроде накрытой тентами и обжитой расщелины. Вырезанное в стене спальное место с мертвым стариком. Самодельная тумбочка. Табуретка с вяжущей на спицах бабулей. Убитый мной – он лежал на склоне и выжидал. Отличная позиция. Если бы не бочка…

– Бабушка – Каппа шагнул к старушке, наклонился – Тебя не…

– Вяжу, милок, вяжу – отстраненно кивнула старушка и, приподняв связанную серую какую-то хрень, примерила ее к плечам мечника – Ну вот… еще пара петелек… и будет тебе саван, сучонок! – выронив связанное, она молниеносным движением вбила спицы. Одну в лицо, другую в шею. Первая пробила щеку, прошла сквозь рот и вышла через другую щеку. Вторая скользнула по шейной защите, уйдя в сторону. Яростно ощерившись, бабка ударила еще раз, вбив острие под наплечник и точно угодив по мясной мякоти. Все заняло секунду. Каппа дернул дробовик, но он стоял слишком близко и не смог сразу развернуть стволы.

Зато я успел. Отстрелив бабке башку, я глянул на шипящего от боли азиата, выдирающего из щеки спицу, и тяжело вздохнул:

– Дебил!

– Согласен – сплевывая кровь и красные ошметки разодранной десны, кивнул мечник – Сука…

– И спицы наверняка отравлены – буркнул я, разворачиваясь –

Вперед! Че вы замерли в фыркающем восторге как член, впервые попавший в вагину?! Вперед!

Первым пойдя на штурм противоположного склона, взлетел по вырезанным в земле ступенькам, на миг задержался на уровне земли и выскочил, спеша на не прекращающиеся звуки стрельбы. У нас не так много боеприпасов с собой. Мы выходили на патруль и на небольшую тренировку. Но не были готовы к войне.

Перепрыгнув несколько мохнатых дохляков, едва не споткнулся о хрипящую гусеницу с человеческим лицом плющимся зеленой слизью и десятками изломанных и перебитых картечью ручонок, свисающих с пробитого уродливого тела. Я не тронул. Злой Каппа прострелил гусенице башку несмотря на ее шипящие слова:

– Я славная сладкая де…

– Аптечка сработала! – выдохнул мечник мне в спину – Спицы все же…

– Не время!

– Понял!

Мы успели вовремя. Семь рыл. Я посчитал автоматически. Три гоблина. Четыре зверолюда. И эти куда менее крупны, облачены в экипировку, неплохо вооружены, у ног лежат раздутые рюкзаки, в руках дробовики и винтовки. Они спрятались за наваленным неподалеку от линии прибоя ржавым металлом опутанным тросом и явно готовящимся к отгрузке в морские глубины. Мои засели в жиденьких кустах чуть ниже и изредка били о металл чужого укрытия пулями, вежливо спрашивая разрешения войти. Молодцы. Экономят. Ждут. А эти дебилы, привольно спрятавшись и не забывая поглядывать на нависающий над ними корабль, откуда тоже доносилась редкая стрельба, чувствовали себя очень привольно.

И зря. Я перечеркнул всю тупую компашку несколькими короткими очередями. Добавил пару одиночных, угомоняя самых ретивых и живучих. Еще не все подохли, но их оставил мясу, с намеком зыркнув на Каппу.

– Командир! – рев орка из кустов был окрашен черной завистью – Весело вам, да?!

– Потери?

– Мадонна подохла! Бубсар тяжело ранен и в забытье просит сиську! Джоранн не дает сука такая!

– Рэк ты за мной. Джоранн! Займись подранками! Стейк! Вали к сержанту Джоранн и помогай. Остальные за мной!

По лестнице можно было подняться и бесшумно, но я демонстративно топал ботинками, остальные следовали моем примеру и гудящие ступени громогласно заявляли – на корабль

ломится большой и злой отряд. Это сработало и из ближайшей каюты донеслось нервное:

– Нашим конец!

– Аллурда!

– Заткнись, бычара! Валить надо! Меня потащишь?

– Лурда! Здесь стяг поставлен! Здесь бычья метка землю увлажнила! Здесь наше все! Мы глотки вспорем!

– Заткнись! Слушай у меня же нога!

Дважды выстрелил по шатающейся за иллюминатором огромной бычьей туше, я кивнул Каппе и Рэку, жестом показывая разделится и идти дальше вдоль бортов.

– Мясо спереди. Сквалыге дайте о себе знать! Чтобы не пальнул – добавил я, после чего шагнул в каюту, уже не обращая внимания на раздающиеся команды.

Этот корабль у меня ассоциирован с чем-то сладким и прохладным…

– Не находил тут кофе в банках? – спросил я у полулежащего в углу парня с замотанной от бедра до ступни ногой – М?

Торопливо отпихнув от себя переломленный дробовик и пистолет, он поднял руки в перчатках с обрезанными пальцами, медленно покачал головой:

– Не замечал, брат.

– Какой я тебе брат, гнида? – изумился я, подбирая отброшенное оружие и усаживаясь на спину еще хрипящего бурого миноса – Где вы столько бычья нашли?

– Стадо Аллурда-Лурда… они дают наемников за небольшой процент от добычи. Наемники убивают и таскают добычу. Быки же. Что хошь упрут – охотно поделился информацией парень – Можно руки опустить?

– Нет – отозвался я, краем глаза рассматривая трофейный пистолет – Почему оружие не чищено? Ему же больно. А если бы ты свою жопу неделями не мыл – не чесалось бы?

– А?

– Где обитает то стадо? Не поделишься секретом?

– Я точно не знаю! Мы просто послали весточку через пастушиллу.

– Как-как?

– Пастушилла. Всегда человек. В возрасте.

– Бабка с вязальными спицами? – догадался я.

– Точно! Они бродят по городам, примечают, подсчитывают охрану. А потом приходит стадо с дробовиками…

– Стадо с дробовиками – скривил я губы – Точно подметил.

– Сохранишь мне жизнь, командир?

Не став удивляться его осведомленности – слышал мои

команды за тонкой стеной каюты – я дернул плечом:

– Зачем? Ты отвечаешь в обмен на быструю смерть. С чего я подарю тебе жизнь?

– Да ладно тебе… отдашь меня Матери. Она отправит на эшафот. Перерожусь в призма. Искуплю.

– Как искупишь? Станешь крольчихой и будут тебя трахать на росистой травке?

– К-хм…

– Пастушиллы… а мужики среди них есть?

– Есть. Но по-другому называются.

– Пастухи?

– Пасторы.

– Гениально – восхитился я – И главное так логично… Для чего бабка была здесь?

– О… убили Злобную Спицу?

– Для чего бабка была здесь?

– Каталась на загривке красного миноса. Лечила их, если надо. Приглядывала за точным количеством добычи – чтобы стадо не было обмануто. Свитерки вязала для внучат…

– Внучат?

– Да психанутая она была…

– Что за яд на ее спицах?

– Не знаю. Честно не знаю. Говорю же – мы их наняли. Просто наняли! Даже не я, а босс.

– А кто босс?

– Убили его – тяжело вздохнул парень – Мы как на штурм пошли… бычье чуток налажало… реветь начало, из-под задранных юбок яйцами трясти, хренами восьмерки ритуальные описывать… весь эффект неожиданности в жопу… командира и завалил какой-то горбатый хреносос с ржавой однозарядкой…

– Кто заместитель?

– Вроде как я… но я не рвался! Слушай… отдай меня Матери. Пусть она карает.

– Где вы передали сигнал стаду Аллурда… как его там…

– Аллурда-Лурда. Они сами путаются и поэтому кричат по отдельности… в городишке Заячья Долина. Передали. Потом неделю ждали.

– Неделю?

– Даже дней восемь с небольшим. Потом пришел сигнал, что наемники прибыли и ждут в ельнике. Мы пошли навстречу.

– Сюда намеренно шли?

– Да. Все знают, что Лео Сквалыга богатеет не по дням, а по часам. А охрана так себе.

– Набрали кучу сильного бычья, чтобы вынести все ценное?

– Ты будто сам на том совещании в таверне был… Да. Все так.

– Налететь, уничтожить оборону, забрать все ценности, уйти тем же путем. Потом?

– Поделить все. И разойтись.

– Где может обитать стадо?

– Да говорю же – не знаю! Я бы сказал!

– Быки не сильно вроде умны…

– Ага. Гоуты куда умнее, но зато сварливей и срутся из-за любой мелочи.

– Гоуты?

– На козлов похожи. Они сами просят себя называть фавнами – знать бы еще кто это? Но мы зовем гоутами. Те же миносы изредка велят звать их тавросами. Что за таврос? Хотя того мы так и называли – Таврос Тарас.

– Таврос Тарас?

– Огромный серый бычара с позолоченными рогами. Матерый! На кортах сидел, когда мы договаривались, яйцами ямку долбил, подковку в лапах мял. На нем доспехи! Одет как положено. Умный! Вот он как сказал – зовите меня Тавросом Тарасом – так мы только, так и звали его.

– Он сюда не пошел?

– Нет. Он Злую Спицу на шею красному посадил и в добрый путь нас отправил. Напомнил всем, чтобы не быковали и дело делали. Обещал сладкий отдых всем по возвращению. Козлам хвосты накрутил, чтобы не срались почем зря. Со Злой Спицей особо поговорил. Долго говорил. Бабка кивала и спицами стучала…

– Таврос Тарас – повторил я – Ладно. Быки между собой о доме не говорили?

– Только пещеры какие-то вспоминали и все. Не знаю я где стадо обитает!

– Сколько еще ваших из банды осталось?

– Все пришли сюда…

– Призмы чьи? Гусеница, хмырь с крыльями…

– Наши. В стаде только миносы и гоуты. Но это нам так досталось – мы же хотели кучу добычу таскать, нам бугаи нужны. Но вроде как можно в стаде разных бойцов заказать…

– Ясно – кивнул я, подбирая из лужи крови неухоженный тесак с огромными зубцами на обухе лезвия.

– Слушай… я сам из обычного селения! Парень с обычной судьбой! Просто однажды жизнь свернула чуток не туда, и я оказался на кровавой дорожке… что поделать? Выживал как мог. Но каждому ведь можно дать еще один шанс, так ведь? И вот если

я данным тобой щедро шансом не воспользуюсь…

Брошенный тесак вошел ему в горло, перебил артерию и заставил замолчать. Встав, чуть прихрамывая, я вышел из каюты.

– Корабль наш! – проревел Рэк, появляясь рядом с бортом и устало потягиваясь – Сквалыга жив! Ждет командира с покорно обнаженной жопой!

– Пошел ты! – провопил Сквалыга, вываливаясь из дверного проема.

Держится за бок, на лбу кровавая борозда, на губах усмешка.

– Мой долг тебе растет, герой Оди.

– Ты уже весь мой – поправил я его.

– Я же говорю – покорно обнажай жопу! – заржал Рэк.

– Случайно здесь? – прищурился Лео, сползая по стене – Прогуливался и увидел дым…

– Увидел дым – кивнул я.

– И решил заглянуть на огонек и помочь старому другу?

– Нет. Решил спасти корабль.

– О как…

– Завтра с рассветом…

– Да?

– Ты верхом на Шлюхе должен подойти к платформе Уголька и принять на борт нас с грузом.

– Так…

– После чего нас ждет морской круиз вдоль побережья.

– И далеко?

– Высадишь нас в точке, откуда ближе всего к отходящей от Тропы дороге ведущей в Кронтаун.

– Покидаешь наши края…

– Покидаю – кивнул я и покосился на мелко трясущегося мечника – И нас бы прямо сейчас доставить морем в Уголек.

– Прошу на борт – устало улыбнулся Сквалыга – Мне так хреново, что дышать не могу. Но тебе отказывать не стану. Да и сам подлечусь… Вешка! А черт… Вешка сдох… Треннн!

– Слышал… иду…

– Бойся старушек со спицами, боец – глянул я на Каппу – Бойся…

– Учту, командир. Учту…

– А как же багги Рокса? – шагнула ко мне Джоранн – Это же неплохой шанс раскрутиться!

– Вот ты с ним и отправишься – кивнул я – Вместе с Хваном. Если багги настолько быстра…

– Поняла. Поняла… – закивала рыжая – Поняла… Я потороплю, чтобы прицеп закончили уже к ночи. Потом оборудовать… сколько бойцов ты мне дашь?

– Терр. Рокс. Ты. Хван в отключке. Сегодня подберешь себе пару свежих стейков из стекающегося в город мусора. И будь умна выбирая – чтобы не прострелили тебе башку в дороге.

– Я поняла…

– Командир! Шлюха готова принять нас! – крикнул уже снизу Рэк, таща на себе Каппу – Мечник дрищет!

– Мясо! – рявкнул я – Живо собрать все оружие и рюкзаки! Содрать с трупов экипировку, не забыть про личные вещи! Все тащить на палубу! У вас три минуты и время пошло! Джоранн. Помоги им.

– Да, командир.

Рыжая умотала на предельной скорости, я же предпочел спуститься не спеша – лестница скользкая от крови, а недавно пришитые ноги уже устало подрагивают.

– Командир! – снова ожил Рэк – А сегодня вечером…

– Отдыхаем достойно. Как и положено героям – усмехнулся я.

– Буха-а-а-а-е-е-е-ем! – обрадованный Рэк затряс азиата как куклу – Буха-а-а-а-е-е-ем!

Глава пятая

– Ты ведь не вернешься? – спросила прижавшаяся к моему плечу сигаретная крошка, прячась под объединяющим нас черным зонтом.

Снова дождь. Капли тарабанят по бетонке, показывая на внешне столь ровной поверхности каждую впадинку, каждую трещинку, заполняя их блестящей водой. Всегда и у всего есть изъян. Слабое место. Ткни вон в ту трещину острием ножа, чуть надави и солидный кусок прочного бетона отлетит, открывая дыру в броне…

– Вряд ли – сказал я, не глядя на нее.

Я смотрел только на шатающийся корабельный трап, по которому согнувшиеся работяги затаскивали ящики и тюки, не обращая внимания на холодный дождь и раскаты искусственного грома.

– Я думала, между нами, что-то было… что-то особенное… искра…

По-прежнему не глядя на нее, я произнес:

– Мы отправляемся в самое пекло. Раз между нами особая искра… поехали вместе со мной, крошка. Я научу тебя убивать и покажу как умереть так, чтобы забрать с собой как можно больше гребаных ублюдков.

Раскат грома оглушил, яркая вспышка молнии ослепила на пару секунд. Когда я вновь обрел зрение, она уже исчезла, унеся с собой тепло своего плеча.

– Все готово, лид!

– Подняться на борт! – скомандовал я, делая первый шаг к трапу и не оглядываясь, чтобы не видеть стоящих под навесом молчаливых провожающих.

И хотелось им подниматься так рано? Время четыре утра. Кассандра с несколькими из своих бойцов, Рокс, Терр, Джоранн и немало кто еще из смутно знакомых вроде Эйжопа и Жабы. Кого-то из них я еще увижу. С кем-то расстаемся навсегда. Есть сожаления по этому поводу, гоблин? Никаких. Ну и отлично.

Прогремевший под ботинками трап остался позади. Мимо меня торопливо пробежали задержавшиеся.

– Капитан! – крикнул стоящий у перил матрос – Последний вошел в Шлюху! Девушке понравилось!

– Убрать трап! Отдать концы! – провопил сверху Сквалыга – Оди?

Я махнул рукой, подтверждая. У трапа завозились двое.

– Стойте! Стойте, суки!

Сквозь темень и дождь проломилась шатающаяся скособоченная фигура. Тяжело дыша, прижимая к животу руки, перекошенный Баск, с трудом выдерживая тяжесть тощего рюкзака и подаренного мной дробовика, поднялся на палубу и рухнул в изнеможении на колено:

– Я с тобой, командир!

Выдержав короткую паузу, я спросил, глядя на его залитое водой лицо:

– Уверен?

– Да!

– С возвращением, боец – буркнул я и пошел в отведенную для меня каюту – Тебе покажут гамак.

– Понял! Спасибо, командир! Спасибо!

– Малый вперед!

С шумом трап поднялся на палубу, вздрогнувший корабль чуть накренился и начал отходить от бетонного края.

– Средний вперед!

– Ба-а-а-аск! – разъяренный и перепуганный одновременно крик донесся издалека, но быстро приближался – БА-А-А-АСК! БА-А-АСК!

На покинутый нами причал выскочила маленькая мокрая фигурка и замерла рядом с брошенным раскрытым зонтом.

– Баск! БАСК! Ответь! Лопнуть и сдохнуть! Чтоб ты сдох, придурок! Баск! Куда ты?! Баск!

Видимо зомби забыл попрощаться…

– Дурак! Кретин! Придурок! Куда ты лезешь?! Кассандра же дала нам шикарный шанс! Куда ты лезешь?! Он убьет тебя! Убьет! БАСК! Вернись!

– Полный вперед!

Покачиваясь на рассветных волнах, Шлюха быстро уходила от Зомбилэнда. Еще минута и с удаляющегося берега уже не доносилось ни звука…

* * *

– Ей так будет лучше! – уже, наверное, в десятый раз повторил Баск, дохлой рыбой лежа на мешках и с хрипом вгоняя в себя воздух – Безопасней с этой… с бабочками… Кассандрой.

– Ага – зевнул я, глядя на бегающих по пляжу странных бескрылых птиц с короткими, но очень крепкими когтистыми лапами. Птицы с легкостью переворачивали достаточно тяжелые камни, пробивали панцири мелких крабов, дробили найденные раковины моллюсков, выковыривая вкусное мясо, не брезговали и

дохлой рыбой или побуревшими нитями водорослей. Удивительная всеядность. Но что еще удивительней, так это их поведение при виде мусора.

Они только что разбили клювами выброшенную одним из матросов бутылку. Я хотел окрикнуть придурка и сделать ему предложение убрать мусор, но птицы опередили меня. Загалдев, они окружили бутылку, десятком ударов разбили ее, раздробили осколки, а затем, позабыв про крабов и водоросли, принялись таскать осколки стекла к большому стальному ящику выше по берегу, лежащему на боку под небольшой полусферой наблюдения. Перетаскав битое стекло, птицы подобрали с песка несколько оставшихся после перетаскивания груза обрывков, отнесли их к тому же ящику и выбросили.

– Ей так будет лучше – повторил Баск.

– Ага – кивнул я и зашагал к полусфере.

Присев у ящика, я чуть подался в сторону, чтобы пропустить воняющую падалью бескрылую птицу, несущую в клюве какую-то пластиковую загогулину. Ударив загогулиной о края ящика, сбив налипший песок, птица разинула клюв и выронила принесенное на стекло, после чего неторопливо отдалилась и занялась поеданием чего-то давно стухшего. Заглянув в мусорку – а что еще это могло быть? – я увидел там человеческие кости. Покрытый царапинами и сколами красно-белый свежий череп лежал глазницами вверх, задумчиво пялясь в никуда.

– А потом мы с ней встретимся в Кронтауне. Ведь Кассандра туда собирается – я сам слышал. Йорка придет с ней, и мы поговорим…

– Ты задрал – оповестил я притащившегося за мной дохляка – Ткнуть тебя в рану гнойную пальцем?

– Не надо! – дернулся зомби – Слушай… я дерьмово себя чувствую!

– Я же тебя спрашивал – ты уверен?

– Да! Нет! Не знаю! Вернее – я знаю, что поступил правильно! Надоело убегать и прятаться! В этом дерьмовом мире не уберечься от беды – она нас даже на острове сыроедов достала! Ну придут гномы – что я смогу сделать? Улыбнуться им и попросить не делать моей девушке слишком больно, когда будут отрезать ей руку по плечо?!

– Почему не отрубили эту руку нахрен? – поинтересовался я.

– В смысле? Буквально?

– Ага. Глупо таскать с собой золотой слиток и надеяться, что он не привлечет жадного внимания. Вы же не настолько тупые.

– У ней заскок! У Йорки. Не хочет отдавать! И она постоянно ее гладит! Если честно – это одна из причин почему я свалил на

время. Представляешь, просыпаюсь я ночью – а Йорка что-то бормочет и о свою расписную руку щекой трется как кошка! Меня аж мороз по коже…

– Это интересно – признал я – Жаль, что ты не сказал раньше.

– А что бы ты сделал?

Улыбнувшись вместо ответа, я хлопнул охнувшего Баска по плечу и велел:

– Сбегай вон до того куста и обратно, зомби.

– Да я на ногах еле…

– Давай! Разгони кровь!

– Понял! – Баск дернулся в указанном направлении, но я успел его перехватить за плечо и велеть:

– Замри.

– Так мне бежать или…

– Заткнись. Эй! Всем замереть! За пушки не хвататься!

Проскользнув в широкую щель между камнями, на пляж спустилась огромная рысь. Высотой в холке примерно мне по грудь. Поседевшая шкура изборождена шрамами, во многих местах проплешины, но голова поднята высоко, внимательные глаза спокойно взирают на мир и не замечают таких мелких ничтожеств как мы.

– Не дергаться! – повторил я приказ и покосился на полусферу наблюдения.

Рысь мяукнула. Затем еще раз. Снующие по пляжу птицы как по команде развернулись и рванули к рыси. А та, выгнувшись в спине, несколько раз кашлянула, содрогнулась и… выблевала на песок целую слизистую кучу чего-то жеванного. Фыркнув, скребанув песок лапой, рысь развернулась и ушла, одарив меня напоследок взглядом умных глаз. В левом глазу что-то едва заметно мигало фиолетовым. Одним прыжком оказавшись за камнями и вне поля нашего зрения, рысь исчезла. Еще через минуту исчезла куча блевотины – ее расклевали тревожно галдящие птицы, после чего птахи опустились на песок и блаженно замерли, переваривая угощение.

– Ну ни хрена себе – выдавил Баск.

– Ты видел, лид?! – заорал Рэк – Ну ни хера себе!

– Это что-то и для чего-то – заметил я и ткнул баска пальцем в живот – Беги до кустов, боец.

– У-У-У-У-У!

– Живо!

– Командир!

– Да?

– Ей ведь там на самом деле будет…

– БЕГИ, ГОБЛИН! Пока не пропнул!

Скособоченный Баск стиснул челюсти, хоть в чем-то став похожим на себя прежнего, и попытался перейти на бег. Не вышло, но он все же продвигался, загребая ногами песок и распугивая отупелых от рвотной жрачки птах.

– Что рысь вам дала, мусорщики? – поинтересовался я – Что-то от несварения? При такой-то пище…

Рыба, моллюски, человечина, водоросли и даже медузы. Они жрали все на своем участке берега. Метрах в двухстах дальше суетилась еще одна всеядная птичья стая, пытаясь справиться с выброшенной на берег дохлой морской черепахой. Или почти дохлой – вроде она еще ворочала рваными ластами, пытаясь отбиться от беспощадных утилизаторов, погружающих в ее плоть длинные крепкие клювы.

– Все сгружено, лид – доложил Каппа.

Кивнув, я махнул Сквалыге:

– Можешь отваливать.

– И даже не обнимемся на прощание? – с деланным огорчением вздохнул стоящий на палубе старый торгаш и тут же заулыбался – Желаю удачи, герой! Всем вам желаю удачи! Уважайте Мать, чтите ее законы, верьте в свою звезду и не забывайте промывать пузо самогоном – чтобы кишки здоровыми были. Бойтесь баб – от баб все беды, а любить можно и без них! Не пейте много воды – от нее толстеют и дуреют. Лучше средство от похмелья – черные пиявки с рисовых полей. Побродите босиком по рисовым полям, давая пиявкам отсосать дурную кровь, затем сделайте пару больших глотков настоянного на горькой полыни и тростниковом сахаре самогона – и похмелье как рукой снимет! Как отрастить пышную V-образную брутальную поросль на груди? Вам понадобится один живой черный цыпленок, шесть ложек красного меда, смешанного с дробленным копытом белой о…

– Вали! – рявкнул я и под хохот и прощания Шлюха начала отваливать от берега, возвращаясь к более глубоким водам.

– Удачи! Удачи вам! Сдохните красиво! Пошел бы с вами… но не хочу! Удачи!

Уже не обращая внимания на несущий чушь и трупы океан, оглядел занятый нами участок берега и недовольно скривился. Убожество.

Вместе с последними вчера выбранными новобранцами нас тут восемнадцать. Но отрядом это не назвать. Вокруг аккуратно расставленного и разложенного груза слонялось жирное зевающее мясо, недовольно скребя под косо сидящими панцирями, то и дело снимая шлемы, забрала у всех подняты, ремни снаряжения частично расстегнуты, оружие висит за

плечами, а кто-то уже и уселся, вытянув копыта с таким блаженством, словно проделал весь путь от Уголька пехом.

– Жопы поднять! – рыкнул я и злобно глянул на ветеранов – Какого хера мясо бродит и лениво попердывает? Отмечаете какой праздник? Поделить всех на двойки! Распределить груз! Оставить четверку на страже, остальным – начать таскать ящики и тюки вверх по берегу. Занять вон ту высоту – я ткнул пальцем в вершину самого высокого в окрестностях холма, откуда точно будет видна Тропа, что должна проходить неподалеку.

Ткнув пальцем в Стейка и бронзовокожую коротко стриженную девку с внушительными бицепсами, я поманил их за собой и перешел на бег, поднимаясь по становящемуся все круче склону. На бегу крикнул:

– Придете на вершине первыми – с меня бонус. Но если попробуете обогнать и не сможете…

Топот за спиной стал громче, ноги забухали чаще. Усмехнувшись, я сохранил прежний темп, зная, что подъемы все обманчивы. Вершина всегда кажется ближе, чем она есть. Сначала меня пугливо обогнал Стейк. Следом за ним на обгон пошла тяжело дышащая деваха, неумело пытающаяся скрыть радость.

Когда я, поочередно обогнав каждого, вырвавшись вперед и успев усесться на один из вросших в землю камней, занялся созерцанием, появились сипящие новобранцы.

– Бегом спуститься вниз, бегом подняться. Следом по двести отжиманий каждому. Выполнять.

С хриплыми стонами и проклятьями двойка развернулась и побежала обратно к берегу.

Я продолжил разглядывать местность, медленно скользя взглядом по широкой бетонке Тропы. Мы уже бывали здесь – когда медленно кочевали вместе с бродосами, этими вечными путешественниками-вергами Чистой Тропы. За мной, на юге, океан, едва виднеется вдали небольшой вытянутый островок. Там край мира. На западе – родная деревня Джоранн, за ней, еще через несколько секторов, отделенных скалистыми грядами друг от друга, находятся земли под властью Плюса. На востоке Зомбилэнд – и нам потребовалось немного большим суток, чтобы добраться сюда. А на север от нас, где-то за теми рощами, холмами и долинами, находится наш следующий пункт назначения – Кронтаун.

И если верить всем местным сплетням, слухам, песням, пьяным частушкам и хриплым шепоткам, чем дальше от Тропы и чем ближе к Кронтауну и Землям Завета, тем выше уровень опасности. Там выживают только герои. И получается, что Кронтаун заселен лишь героями всех рангов и мастей? Не верю.

Поэтому вчера вечером, перед тем как уединиться с ласковой сигаретной крошкой, пыхая сигарой, я задал немало вопросов и получил немало ответов.

Кронтаун – защищенная зона. Причем защита там куда мощнее, чем в том же Угольке, где снабженные оружием полусферы наблюдения давно стали привычной деталью пейзажа. Пятна «сумрака» в Угольке остались только по одной причине – полусферы расставлены так, чтобы просматривать и защищать город от угрозы извне. В Кронтауне вроде так же, но все гораздо серьезней – и не без причины. А еще тот город защищен какой-то необычной крепостной стеной. Точнее о стене знал старикан, но сегодня он мучился несварением желудка и отправился выпить своего любимого лекарства – прохладной океанской воды смешанной с самогоном один к одному. После лекарства ему так похорошело, что он заснул мертвым сном. Но это мелочи. Что происходит в Кронтауне и что он собой представляет я увижу и сам. Но ведь сначала до него надо добраться.

Дорога к городу героев вела. Бетонная двухполосная дорога в неплохом состоянии. В начале и у самого города дорогу патрулировали. В середине – как бы в ничейной зоне, не относящейся ни к Тропе, ни к Кронтауну, имелось несколько придорожных каких-то мелких поселений и вроде как тамошним жителям регулярно давали задание на патрулирование, но опять же вроде как от этого только хуже бывало. Жадная неумелая деревенщина с дробовиками… когда это приводило к чему-то хорошему? Пропадали гоблины с концами. И пойди угадай, зверье их сожрало, призмы на лоскутки порвало или тамошние жителями дубинами в землю вколотили. Поэтому все без исключения советовали задержаться на перекрестке – на учетверенном по размерам пятачке безопасности, где потихоньку скапливались как дерьмо у засора одиночки и небольшие группы, чтобы затем, объединившись и превысив критическую массу, «сорваться по трубе» и отправиться в путь. Такие крупные соединения как правило доходили – если не возникало междоусобных раздоров приводящих к бодрящей перестрелке и рваным окровавленным жопам разбросанным по обочинам.

Ясно…

– Ясно – повторил я, хлопая себя ладонью по карману с жалкими остатками веселых таблеток.

Делиться я ни с кем не собирался. И сам пока заглатывать не буду. Поэтому карман с таблетками я зашил. Ненавижу терять самоконтроль.

Что я ненавижу?

Терять самоконтроль.

Почему?

Потому что ненавижу. До дикой дрожи. До невероятной боли в хребте – чего стоит тот случай, когда я ощутил во рту горечь наркоты, а сам даже не мог вспомнить как у меня под языком оказалась таблетка… и меня скручивал болевой спазм, сердце начинало колотиться, зубы скрипеть, а рука тянулась к дробовику, чтобы снести кому-нибудь башку.

От дробовика, кстати, я пока не избавился, само собой, он так и висит у меня под левой рукой на специально удлиненном ремне, но стрелять я продолжу игстрелом и винтовкой, к которой сумел разжиться патронами – Сквалыга помог.

– Ясно – вздохнул я, поднимаясь с камня и глядя на первый поднявшийся на вершину ящик.

Дождавшись, когда три гоблина, хватающих воздух запаленными ртами, опустят ящик на землю, я приказал:

– Теперь несите его обратно. Потом сразу сюда.

– Что?! – выпучилась на меня потная девка со шрамом поперек переносицы и жестоко деформированном носом – Зачем?! Ай!

От моего удара в бедро, ее закрутило, взмахнув руками, она врезалась плечом в землю, ударилась виском. Скрючилась, яростно зашипела. Я одобрительно усмехнулся я, повысив голос, чтобы слышали и остальные кто успел подняться на вершину, сказал:

– Я говорю – вы делаете. Не обсуждаете, не уточняете, не предлагаете, не выдвигаете тупых здравых идей и не выносите на общее обсуждение сраных потенциально интересных идей. Вы просто молча выполняете мой приказ. Сейчас – и передайте это всем – начинается первое мое личное и посвященное вам полевое учение. Когда оно закончится, мы направимся к Тропе, где находится пятачок безопасности. Там, проблевавшись и придя в себя, вы сможете решить, что делать дальше – продолжать с нами или валить нахер! А теперь – вниз с гребанным ящиком! Все ящики вниз! И тот тюк тоже! Эй! Лысый!

– Да?!

– Те двое справятся с ящиком сами. А ты беги за этой кривоносой сукой и на каждом десятом шагу отвешивай ей пинка, громко крича:

– Приказ – это приказ! Приказ – это приказ!

– Да я поняла! – вспыхнула отдышавшаяся деваха.

– И добавляй – и насрать что ты поняла! Приказ – это приказ!

– Понял?

– Да, лид! Спасибо за доверие!

– Вперед!

– Приказ – это приказ! И насрать что ты поняла!

Все потащились вниз. А я опять принялся задумчиво созерцать окрестности, наслаждаясь по-настоящему девственной природной красотой. Здесь красиво… но пора и мне начать отжиматься и приседать…

* * *

То грязное стонущее месиво, что едва доползло до первого газового костерка и с чавканьем и утробными всхлипами опустилось на мягкую травку, трудно было как-то словесно обозначить.

Но уже лучше, чем просто толпа, праздно вывалившаяся с корабля на берег.

Глянув на сидящих у выбранного мной костерка пятерых крепких на вид гоблинов, я коротко велел:

– Уйдите.

Когда через полминуты костерок и поляна стали полностью нашими, я повернулся к орку:

– Рэк. Отбери троих из тех, кто еще стоит на лапах. Начинайте готовить жратву. Больше мяса и макарон. И побыстрее.

– Понял, командир.

– Каппа. Заставь каждого вычистить снаряжение и оружие до блеска. Затем всем мыться в речушке, что мы форсировали. Мыться всем! Даже тем, кого я заставил речушку переползать.

– Понял.

– И приглядывайте за мной – добавил я, поворачиваясь к другим костеркам, навстречу десяткам направленных на нас взглядов – Пройдусь… перекинусь парой добрых слов с ожидающими попутной погоды…

– Командир!

Я глянул на привставшего Баска. Тот, сдерживая стоны, прохрипел:

– А мне ничего не поручишь?

– Нет – качнул я головой и отвернулся – Не поручу.

Зомби уткнулся головой в песок и затих. А я неспешно пошел по большому кругу, беззастенчиво разглядывая собравшихся здесь путников, рассевшихся вокруг пяти идущих дугой вокруг пятачка безопасности костерков. На платформе пятачка шесть торговых автоматов, дальше тянется Тропа, от которой отходит двухполосная бетонка разделенная линией одиночной железной дороги.

У каждого костерка по пять-восемь различной небритости и

ухоженности рыл. Кто-то спит, кто-то пялится, кто-то лениво помешает в котелке щепочкой, кто-то с интересом разглядывает вытащенную из носа здоровенную соплю. У одного из костерков, под косовато натянутыми тентами, лежат прикрытые рваными одеялами больные или раненые. Судя по валяющимся рядом пробитым и рваным частям снаряжения – скорее последнее.

Едва я миновал «больничный» костерок, произошло нечто интересное – нежданное системное сообщение.

> **Задание: Отдых и ожидание.**
>
> **Описание**: не покидать узловую зону безопасности № 217А следующие 120 минут.
>
> **Место выполнения**: Узловая зона безопасности № 217А.
>
> **До завершения задания: 00:01:59:57, 00:01:59:56**
>
> **Награда**: 100 крон.
>
> **Внимание! Отказ от задания влечет штрафные санкции!**
>
> Штраф за невыполнение\отказ от задания: понижение статуса героя.

– Твой крут и пряник задолбал, железяка! – буркнул я, вперившись нескрываемо злым взглядом в бесстрастные визоры нависающей над нами полусферы безопасности – Совсем охренела?! Просто попросить нельзя что ли?!

– Не гневи Мать подобной наглостью! – порывисто вскочил с земли лежавший у ближайшего ко мне костерка крепкий парень в шортах и просторной серой футболке – Как смеешь ты?!

– Отвали, гоблин! – еще злее процедил я, чувствуя, как изнутри поднимается беспричинно сильная волна гнева.

Это уже ничем иным как ломкой не назвать. Организм требует мемваса. Пусть уколы системы стабилизировали гоблина-наркомана Оди, но все равно моему телу и разуму хочется продолжать кушать вкусные конфетки.

– Я научу тебя манерам!

От сильного умелого удара левой я уклонился, позволив кулаку пройти в паре сантиметров от моего лица. Чуть отшагнув, коротко и сильно ударил его в открытую подмышку. Отшагнул еще и неспешно пошел дальше, успокоительно маша уже летящим на шум Каппе и Рэка. Это их почему-то не остановило, и я добавил:

– Успокойтесь, гоблины.

– Я спокоен! – рявкнул Рэк, награждая упавшего на колени скрюченного парня пинком в лицо.

– И холоден – добавил Каппа, пиная уже по рукам,

прикрывшим разбитое лицо.

Высказавшись, бойцы ушли, злобно зыркая на свидетелей происшествия. Я же, с шумным вздохом повернулся и мне в грудь уперлись желтые лазерные лучи. Такого же цвета лучи потянулись к каждому из участников происшествия. Секунда… другая… и лучи погасли. Системная полусфера снова погрузилась в равнодушное наблюдение.

Ну да… а что тут докладывать? Мы не в сумраке, все было видно. И главное – кто нанес первый удар.

Оценив количество тех, кто подорвался на помощь парню – нулевое – я с новым интересом вернулся, присел рядом с молча ворочающимся в песке бедолагой и сказал:

– Я Оди. Герой второго ранга. Набираю жилистых, смелых и не слишком тупых гоблинов в свой отряд. Мы идем в Кронтаун.

– Оди – убрав покрасневшие от удара руки от разбитого лица, парень сплюнул красным и глянул на меня совсем иначе – Герой сука Оди. Легенда Зомбилэнда. Синий свет…

– Верно.

– Я к тебе! Сколько надо платить? У меня плохо с кронами… зато есть свое снаряжение! Пусть там больше кожи, чем металла и у меня старый не модернизованный игстрел, но я уже герой первого ранга! Я хочу научиться как можно большему! Стать реально крутым бойцом! И очистить эти земли от дерьма!

– Выполняй приказы и будь готов умереть. Это вся плата – улыбнулся я, поднимаясь – Поднимай жопу, перетаскивай пожитки к нашему костерку. Там представься.

– Я Гвидо! Чту Мать! О… прости что перебил… но Мать я чту! Очень чту! Потому и… порывистый я…

– Но мать я чту, боюсь отца, мой брат наркот, сестра давалка…

– Что?!

– Не обращай внимания – усмехнулся я и продолжил – У костерка представься. У Рэка – сержанта, что дал тебе поцеловать свой ботинок – попроси занять тебя ровно на час чем-нибудь максимально интенсивным.

– Ваш костер тот, от которого куда-то плетутся те шестеро?

– Ага – кивнул я, глянув коротко на сгорбленные спины шестерых уже бывших моих бойцов, что, еле переставляя ноги, бездумно шагали по Чистой Тропе в сторону Зомбилэнда, торопясь убраться от нас подальше.

– Кто они?

– Никчемная пена. Отстой.

– Я не такой!

– Увидим.

Я успел сделать не больше десяти шагов, как ко мне шагнула пара зверолюдов. Он и она. В одинаковых грамотных цветах одежды, подобранных под их тигровый меховой окрас. Одежды минимум. Считай тонкие полоски и треугольники, чтобы прикрыть самое интимное. За плечами у каждого покачивается по копью. Его рост за две метра, перевитое мышцами тело нервно подергивается, кошачьи глаза пытаются прожечь мое лиц, белоснежные клыки выпирают из-под почти черных тонких губ. Она стройней и меньше, гораздо светлее, но выглядит столь же опасно.

– Ты герой Оди. Тот, кто разнес Зомбилэнд…

– Верно – кивнул я, спокойно разглядывая гигантских кошек, что только что доказали наличие прекрасного слуха. Ну или умение читать по губам.

– Ты идешь в Кронтаун?

– Верно.

– И ведешь набор в свой отряд.

– Верно.

– Оплата?

– Щедрая.

– Планы?

– Превратить эти жирные куски никчемного мяса в жилистых злобных ублюдков и ввязаться в самую жаркую заварушку из возможных.

– Оружие и снаряжение? Медицина?

– Все за счет отряда. Мы заботимся о своих.

Кошки переглянулись, и она впервые подала голос – мягкий, мурчащий и пугающий одновременно:

– Возьмешь нас? Мы вместе.

– Может и возьму – кивнул я – Статус?

– Были героями первого ранга. Крутились по ту сторону Тропы в составе отряда Летучая Бэтти. Не сошлись характерами с остальными… мирно разошлись… Потеряли статус. Ждем.

– В чем проблема характеров?

– Половина мужиков мечтала трахнуть меня – улыбнулась тигрица – Плюс, раз мы быстрее и сильнее, нас постоянно пихали в самый жар. Мы вечно в боевой разведке. А они сами подходили позднее… задолбало зализывать раны и глядеть на их целехонькие розовенькие личики… при дележе добычи или получении наград тоже возникали проблемы. Снаряжение и оружие было не нашим. Мы его вернули и ушли. Разошлись в селении, может поэтому и не получили по выстрелу между лопаток.

– Ясно. Что еще? Вижу по лицам, что не договариваете.

– Мое поведение – вздохнула тигрица – Иногда я думаю…

– Это лечится – пожал я плечами.

– Да нет… иногда я глубоко задумываюсь и при этом, сама не осознавая, гляжу на чье-нибудь лицо, сжимая и разжимая пальцы – девушка показала, как из ее пальцев показываются острые длинные когти – Поэтому остальные думали, что я собираюсь освежевать им лица. Но это не так! Я стабильна! Если я гляжу с таким видом, будто собираюсь срезать тебе лицо… не надо меня бояться!

– Ага – кивнул я – Вы приняты. Проверим вас. Еще… через день-два сюда прибудет красивая рыжая девка по имени Джоранн. И вот если она будет задумчиво смотреть на ваши лица… бойтесь ее… прямо бойтесь…

– У-угу – задумчиво протянул тигр – Та-а-а-к… ты умеешь удивить, герой Оди. Я Тигр. Она Тиграла.

– Тигр и Тиграла. Свежее мясо – еще раз кивнул я – Собирайтесь и давайте к нашей стоянке. Представьтесь вон тому громиле или тому мечнику, что смотрят на нас сейчас.

– Они под тобой и над нами?

– Верно.

– А есть шанс зверолюду подняться в твоем отряде? – лениво поинтересовался Тигр – Или только людям дано стать десятником или там звеньевым?

– В моем отряде нет людей, Тигр – уже на ходу ответил я – Есть мясо, есть бойцы. И мне плевать как ты выглядишь.

– Спасибо!

На этот раз мне удалось дойти до последнего костерка, что заинтересовал меня своей основательностью. Все пространство вокруг него и над ним занято круговым высоким тентом. Так же по кругу выложена камнями оградка, внутрь перенесена и утрамбована почва. В землю вкопаны скамейки, поставлены столы. Над газовым костерком установлен здоровенный котел, рядом стоит несколько самодельных шкафов заставленных горшками, тарелками и кружками. Впритык к большому котлу втиснута кастрюля прикрытая крышкой – сразу незамеченная из-за своих мелких размеров. Из кастрюли черпают кипяток и разливают по кружкам. В воздухе витает аромат кофе и мясной похлебки.

Ну надо же…

Не обращая внимания на посетителей и демонстративно сложивших лапы на груди трех громил охранников, я дошел до ближайшего свободного стола и уселся. Ко мне тут же подлетела улыбчивая зверодевка с пушистыми длинными ушками, в белоснежном фартуке поверх узкого топика и коротеньких

облегающих шортиков.

– Добро пожаловать, ня-я-я! Что будете заказывать?

– А что есть?

– Мясной суп с грибами. Кофе или травяной настой. В кофе можем добавить молока или сливок. Есть сахар. Сливки вкус-с-сные! – девушка закатила огромные глаза и глубоко вздохнула, от чего ее грудь так заколыхалась, что сидящий за соседним столом парень вдруг покраснел, заерзал и осторожно скосил глаза под столешницу. Здоровался с проснувшимся дружком и мысленно просил его не буянить?

– Два кофе. Двойную порцию супа.

– Хлеб? Сухари? Если господин голоден, ня-я, мы найдем свежее вареное мясо. С хлебушком и солью очень вкусно, ня-я!

– Пойдет. Тоже двойную порцию.

– Что-нибудь выпить? Самогончик трех видов, вишневая наливка, кофейный ликер…

– Нет.

– С вас двадцать две кроны, господин. Спасибо за щедрый заказ, ня-я! Отпить с улыбкой из вашей кружки?

– Не вздумай.

– Ага…

Получив деньги, официантка удалилась, передала все широченной могучей бабе у костерка, после чего уселась рядом и принялась ждать, поглядывая по сторонам и осторожно лакая белые сливки из блюдца. То, как она это делала, заставило и без того красного парня аж побуреть. Да и остальные мужики не остались равнодушны.

– С прибытием, воин! – рядом со столом остановилась тощая бабенка с настолько испитым изможденным лицом, что было невозможно определить ее возраст – Плесни красавице!

Я покрутил головой по сторонам, высматривая красавицу. Скривившись, бабенка потерла здоровенный синяк на всю левую сторону лица и уже не пытаясь придать хриплому голосу кокетливых интонаций, попросила напрямую:

– Налей мне хотя бы грамм сто, а? Плохо мне…

Глянув на ее неестественно скрюченную и поджатую к туловищу правую руку, на то рванье, что было на ней, я подумал… и кивнул, приглашающе указав на место напротив меня:

– Садись, убогая.

– Спасибо! Я только грамм сто. Не больше!

– Да хоть двести. Жрать будешь?

– А что взамен?

– Разговор.

– Буду! Супа бы похлебать… а то кишки уже ссохлись… помру я скоро видать.

– Двести самогона и еще тарелку супа – крикнул я закончившей наслаждаться сливками официантке и перевел взгляд на шагнувшего ко мне громилу – Нет.

– Да я прогнать надоеду хотел, господин клиент.

– Не надо. Она мой гость.

– Как скажете.

Кивнув, вышибала удалился, съежившаяся пьянчуга расслабилась, а я посмотрел наверх. И на стальных перекладинах над собой увидел длинное существо, что больше всего напоминало огромную ящерицу, но раньше явно было человеком. Длинный хвост оплетает перекладину, плоская голова опущена вниз, на меня смотрит один внимательный не моргающий глаз уродливого чешуйчатого призма, вторая глазница перечеркнута шрамом. Из одежды только короткие шорты. Увидев, что его заметили, ящерица поползла прочь, умудрившись проделать это бесшумно. До меня донесся только шелестящий голос, произнесший несколько едва разборчивых слов:

– Я просто приглядываю…

– Охранник Ворас – вздохнула испитая бабенка – Злой очень… бьет меня иногда, прогоняет… хахаль хозяйки.

Покосившись на глыбу хозяйки заведения, занятую пластанием здоровенного куска мяса на деревянной доске, я молча кивнул, принимая ненужную мне информацию. На стол с легким стуком встал исцарапанный пластиковый стакан самогона. Все двести самогона в одной посудине – видать знали безымянную пьянчугу хорошо. И не ошиблись – с бульканьем, самогон мгновенно исчез в сипящей глотке. Минуту еще она сидела прямо, а затем медленно опустилась лицом на стол и затихла напротив меня.

– Убрать? – повернулся опять ко мне охранник.

– Да не – повел я шеей – Мне плевать.

По ближайшему ко мне столбу спустился Ворас, плюхнулся на пол и, уже совсем не грациозно, переваливаясь на коротеньких кривых лапах, приблизился ко мне, вежливо подождал, пока передо мной не разместят доску с нарезанным мясом и только после этого спросил:

– Присоединюсь?

Я молча кивнул, и ящерица взобралась на скамью, с трудом выпрямила длинное тело, плюхнула переднюю часть на стол. Наши головы оказались на одном уровне и я, отправляя в рот первый кусок теплого и правильно посоленного мяса, без стеснения разглядывал уродца.

Вблизи он был еще страшнее. Плеч считай нет, огромные ключицы торчат дугами, кожа покрыта плотной чешуей.

– Как я тебе?

– Мне плевать – повторил я правдивую универсальную фразу.

– Тут только что шептали, что ты тот самый…

– Это кто? – удивленно приподнял я бровь, старательно прожевывая вкуснятину.

– Оди… какой-то там вроде бы сыроед, что приплыл на трахнутых тунцах прямо в Зомбилэнд, поимел там всех, кого можно было поиметь, разнес зомбогвардию в неприступном больничном корпусе, выполнил задание «Синий свет». И за пару дней стал героем второго ранга…

– Я Оди. Давно про меня тут говорят?

– Третий день. И все по нарастающей – каждый новый прибывающий с той стороны добавляет все больше деталей.

– Ты стал лучше выговаривать фразы – заметил я.

– Сидя жопой вниз, а головой вверх, говорить почему-то легче.

– Ясно. Ты ведь был раньше в Зомбилэнде, да?

– Так заметно?

– Ага.

– Был. Почти стал героем.

– Но?

– Синий свет.

– И?

– Мы не пошли.

– Ясно.

– Осуждаешь? Ты вот пошел и порвал. А мы обосрались и разбежались.

– Все хотят жить.

– А ты не хочешь?

– А я и живу – усмехнулся я – На полную катушку. Ты меня не понял, ящер Ворас. Я говорю, что все хотят жить, но по-настоящему жить боятся.

– Может ты и прав. В любом случае – рад знакомству.

Я без колебаний пожал жесткую короткую лапу и вернулся к еде. Чуть помедлив, Ворас тихо прошипел:

– Как я понял вы движетесь в Кронтаун.

– Ты понял правильно.

– Это давно уже сумрачный путь и малыми группами по нему не ходят. Каким бы крутым жопокромсателем ты не был… дождись, когда вас тут соберется под сто вооруженных рыл и только тогда двигайтесь дальше.

– Почему?

– Последние отряды числом меньше пятидесяти рыл не дошли. Исчезли где-то между поселением Медвежье Поле и участком дороги Зооприволье.

– Это еще что за хрень?

– Медвежье поле? Пасека там. А еще свиньи, овцы, коровы и курицы. Мы оттуда мясо получаем.

– Я про Зооприволье.

– Сам я там не был. Но как объясняли, раньше там было что-то вроде крутейшего зоопарка, где звери жили не в тесных клетках, а почти на воле, обретаясь в огромных загонах. Почти все загоны вдоль дороги с обеих сторон – типа медленно едешь и смотришь как бегемоты жирафов бегемотят, а лев макаку натягивает на гордый прайд и все такое.

– Сафари?

– А?

– Просто в голову пришло.

– Не знаю про сафари, но зверей там давно нет, все заброшено, а часть пути проходит через стеклянный тоннель в горе и за тем стеклом раньше рыбы всякие плавали. Но все высохло, а вместо рыб только их скелеты на пыльном стекле. Хотел бы я это увидеть…

– И давно такая беда?

– Ты не про рыбу?

– И не про зверей. Как давно начали исчезать большие группы?

– Вот тут ты прав, герой – большие группы. До этого пропадали тупые смельчаки, что решали пройти всю дорогу впятером там или вдесятером. Даже десять вооруженных огнестрелом и умеющих им пользоваться рыл… не каждый рискнет на таких напасть. Пусть далеко не все из идущих по тому пути со статусом героев, но метко стрелять может и простой охотник вдруг захотевший приключений…

– Ага – кивнул я.

– Но где-то месяц назад разом пропала группа сначала в пятнадцать, а следом еще одна в двадцать геройских или просто смелых жоп.

– Их тела?

– Не знаю. Может нашли, но до нас весточка не дошла. Через неделю еще две группы в никуда – примерно такой же численности. Отсюда мы их сытыми проводили, а до Кронтауна они не дошли.

– Откуда знаете? Есть связь?

– Система выдает задание на поиск. К примеру, ушли соколики в сумрак. В Медвежье Поле полусфера есть. Там они

прошли. Да еще и с заданием обычно – патруль дороги и все такое. Еще одна уцелевшая полусфера находится за Зоопривольем.

– И там они не появляются?

– Точно. И в Кронтауне потом не появляются. И вообще, похоже, на глаза системе так больше и не появляются.

– И она подает в розыск?

– Точно. Выдает двойное задание тем, кто отсюда идет тем же путем. А те уже нам пересказывают.

– Последняя группа, что отсюда уходила… дошла?

– Дошли. Это мы точно знаем.

– Откуда?

– Не скажу – ящер попытался усмехнуться, но вышло у него хреново – Без обид.

– Не проблема. Но инфа точная?

– Точная. Дошли.

– И сколько их было?

– Семьдесят шесть рыл.

– Сколько было в последней пропавшей группе?

– Пятьдесят два рыла.

– Интересно – подытожил я, отодвигая опустевшую доску – Охренеть как интересно.

– Не благодари. Помог из уважения.

– И не собирался.

– Все же правду о тебе говорят – ублюдок ты бессердечный – ящер попытался усмехнуться еще раз и на этот раз получилось получше – Но я желаю вам удачи! Ты зажег синий свет. Это как поднять поминальный тост за всех, кто погиб, пытаясь сделать то же самое. И за тех, кто струсил и не попытался… Желаю вам не сдохнуть.

Мы обменялись еще одним рукопожатием, после чего он шустро уполз, скрывшись под стоящим в центре столом. Толстуха хозяйка взвизгнула, схватилась за подол платья, шлепнула по полу полотенцем и вернулась к работе. Как сука романтично…

Пододвинув к себе солидных размеров тазик именуемый тарелкой с двойной порцией, приступил к густому супу, изредка прихлебывая сладкий кофе и поглядывая по сторонам в поисках интересного. Поняв, что не вижу ничего кроме редких заинтересованных взглядов, в особенности исходящих от небольшой группки тощих загорелых гоблинов в жалких обносках, недовольно рыкнул:

– Крайний отсюда костерок. Невысокий мечник со стальной физиономией. Или одноглазый громкий громила. Найдите любого. Поговорите.

– Хорошо! – обрадованно вякнула крохотных габаритов девушка, с выбритым затылком и вытатуированными на плечах волчьими мордами – Мы сброд! Но мы пригодимся!

– С ними! – буркнул я и тощие гоблины поспешили по указанным координатам, опасливо огибая прочие газовые костерки, окруженные раздраженными от слишком долгого ожидания загорающими.

Настолько раздраженными, что стали нетерпеливыми и вот уже трое небрежно шагают от костерка с самым большим разношерстно вооруженным отрядом. У них даже флаг свой есть – выцветшая на солнце зеленая тряпка с грубо намалеванной сторожевой полусферой. Почти уверен, что у них есть название и в этом названии фигурирует…

– Мы Егери Матери! Нас много, мы притянули к себе еще чуток слабаков, заодно обговорили ситуацию с соседями по стоянке. Возьмем и вас на буксир. Пойдете за нашими жопами в теплом и пахучем ветерке безопасности. Можешь не благодарить. Ты вроде как командир тех пыльных. Поднимай их и готовься. Выступаем через час. Как понял?

– Пошел нахер – вежливо ответил я.

– Че?! – дернулся вперед стоящий за правым плечом командира долговязый и тощий гоблин в слишком большом для него стальном панцире – Ты на кого щас тявкалку вонючую открыл, пес? Тебе жизнь прямо щас спасают, а ты и не ценишь, ублюдок? Имя?!

Глянув сначала на каланчу, затем на чернобородого командира и потом уже на выглядящего самым подтянутым и явно недовольным рыжеволосого крепыша, поинтересовался именно у него:

– Как ты терпишь этих кретинов? Сместил бы их. Навел бы порядок.

– Вот ты и нарвался, придурок. Еще встретимся в сумраке! – подытожил долговязый после чего хлопнул по плечу командира, косо глянул на рыжего, обиженно развернулся и широким шагом двинулся прочь.

Он прошел метров пять, прежде чем понял, что за ним никто и не идет. Что никто даже не повернулся. И что все вокруг удивленно пялятся на его сольное клоунское выступление. Не скрывая издевательского смешка, я глянул на опозоренного командира и зачерпнул еще вкусного супа.

– Да вы чего?! – удивленно кашлянул долговязый, с крайней неохотой возвращаясь – Я же высказал свое мнение…

– Меня давно достало твое сраное никчемное мнение, Петрос – тихо и внешне спокойно произнес чернобородый командир –

Если ты еще раз попытаешься что-то решить за меня… я отрежу тебе яйца и ими же заткну твою чересчур болтливую пасть. Ты меня понял?!

– Эти же слышат тебя, командир! – зашипел Петрос, злобно озираясь – Ради всех стараюсь! Он же нас оскорбил! А ты меня при сброде полощешь… че пялишься, сука одноглазая? – рыкнул он на осмелившегося хихикнуть явно местного доходягу тащащего охапку тростника – Почуял себя волком, жабенок тухлый?

На его плечо упала темная бугристая лапа, его рывком развернули и долговязый отшатнулся, когда вплотную к его харе приблизилось лицо Рэка:

– Ты кого сукой назвал, хреносос длинный? – лениво осведомился Рэк.

– Э… да я не тебя! Не тебя, волчара! Ты такой же как я – крутой просоленный крендель! Я про ту шавку горбатую…

– А?! – скривил харю Рэк – Че ты там воняешь, длинный?

– Я высокий!

– Уверен? Хочешь докажу обратное, сученок? Я тебя разложу как шлюху и вдумчиво измерю прямо щас!

Я тихо фыркнул и хлебнул еще супа. Рэк врал. У него было два глаза. Просто новый ярко-голубой глаз он прятал под кожаной повязкой, став от этого в два раза страшнее на харю и в столько же раз брутальнее.

– Оставь его, незнакомец – тяжело вздохнул чернобородый, поворачиваясь к Рэку – Он накосячил. Признаю. Но я его командир. Так что спрос с меня.

– Я и с тебя спрошу – пообещал орк.

Мимо него прошел Каппа, тут же круто свернув и начав обходить намечающееся место схватки по кругу, заходя за спины троицы.

– Это дерьмо не стоит развивать! – впервые подал голос рыжий – Реально не стоит! Тут ведь нет отморозков, верно? Все спокойные, грамотные и выдержанные люди, стремящиеся любую проблему решить цивилизованно… Предлагаю закрыть тему!

– Ладно – вздохнул я, кивая и косясь на вроде бы чуть шевельнувшуюся полусферу – Рэк, Каппа. Ко мне. А еще ты – я ткнул пальцем в чернобородого, а затем перевел его на рыжего – И ты… цивилизованный. А ты – мой палец уставился на долговязого – Пшел нахрен.

– Да кто ты чтобы мне указывать!

– Петрос! – рявкнул командир – Я тебе укажу щас! Возвращайся к нашим! Когда я вернусь, не дай Мать я услышу, что ты там тявкал про эту проблем с нашими бойцами, подбивая

их на какую-нибудь очередную херню! Пошел!

Зыркнув по сторонам, Петрос повернул и медленно пошел прочь, явно изнывая от рвущей его на части злобы.

Подойдя, чернобородый уселся за стол напротив. Рядом со мной плюхнулись мои бойцы, пахнущие пыльной землей, потом, кровью и железом – словом всем тем, чем должны пахнуть бойцы перед вечерней помывкой. Этим же пах и я, только от меня еще вдобавок перло запахом выходящих с потом лекарств. От усевшихся напротив пахло васильковым мылом, а снаряжение выглядело не свежевычищенным, а просто никогда особо не пачкавшимся.

– Начал я крутовато – буркнул чернобородый – Моя ошибка. Признаю. Ты оказался крепким орешком. Но сейчас мы можем поговорить на равных. И прийти к…

– Твой подчиненный обращается с тобой как с послушной шлюхой – усмехнулся я, отодвигая пустую тарелку – И он только что проделал это с тобой на глазах у всех. И после этого он ушел на своих двоих, у него целы все зубы, а из жопы не торчит рукоять его же ножа. Ах да – и я его яйца все еще у него между ног, а не в наглой пасти. И ты предлагаешь мне говорить с тобой на равных, дешевка?

Рыжий дернулся, командир успел его остановить, поймав за руку. Но… мог бы и не спешить. Было ясно, что рыжий был со мной полностью согласен и не собирался доводить замах до реального удара.

– Выбирай слова – попросил чернобородый – Я Келлий.

– Не буду выбирать – покачал я головой – Если ты дешевка – я тебе так и скажу. А ты дешевка. И хреновый командир. Знаешь, что происходит, когда в отряде нет жесткой дисциплины, когда подчиненные смеют оспаривать приказы командира?

– Что?

– Такой отряд гибнет – улыбнулся я – Мой отряд на двинется следом за вами по направлению к Кронтауну.

– Эй… пусть я дешевка – хотя это не так! – но ведь я не предлагаю идти перед нами и принимать на себя удар! Я предлагаю идти ЗА нами. Сегодня мы уже сгоняли всем отрядом на десяток километров по дороге – выполняли задание патруля. Само собой, никого и ничего не встретили, но чуток крон заработали. Дорога чиста! Я подниму остальных, мы дойдем сегодня до Медвежьего Поля, а там заночуем у таких же точно костерков. С утречка двинемся дальше, действуя осторожно и умно. Если вдруг что – дружно дадим отпор. Как тебе план?

– Тупее не слышал – чистосердечно признался я.

– Хочешь казаться самым умным?

– Ну нахер. Я гоблин простой. И не слишком умный. Но в какой раз я натыкаюсь у таких долбанов как ты на шаблонное поведение… и шаблонные планы. Ты собираешься действовать точно так, как действовали до тебя остальные отряды. И вся разница – в численности. Пятьдесят рыл – не прошли. Нас будет чуть больше, но до ста не дотянет. Так что шансы пройти и не нарваться на стопроцентно наблюдающего за определенным участком дороги врага… зависят только от того, кем он нас посчитает. Сколько здесь реально хорошо вооруженных героев? Сколько из них вооружены дальнобоем? Каковы шансы, что засевший где-то там на своей территории неизвестный нам враг не обладает хотя бы одной, а может и больше снайперскими винтовками и что ему помешает определить лидеров и первым делом ликвидировать их? А ты предлагаешь двигаться веселым маршем по дороге? Я вообще не могу понять какого хрена вы прицепились к этой сраной дороге! Почему никто не идет параллельно ей? Или скажем вообще через дикие дебри? Трудно сориентироваться где Кронтаун? Заблудиться боитесь?

– Сдохнуть боимся – проворчал рыжий – Призмы, зверолюды, беглые преступники, больное зверье, гребаные наемники бычьего стада… их стало слишком много!

– А на дороге их нет?

– Куда меньше. Мать посылает голубей смерти два раза в сутки. Это для начала.

– Это еще что?

– Дроны – прошелестел с потолка вернувшийся ящер, держащий в одной лапе кружку с кофе и посасывающий его через изогнутую трубку.

– У тебя трусы сдвинулись – заметил рыжий – Вижу твои яйца.

– Так целуй скорей раз видишь! – заметил чуть невнятно Ворас – Мне жопу спустить чуть ниже? Но не сосать! Щекотно…

– Да я не…

– Ну раз туда смотришь – значит хотел поцеловать? Зачем еще на чужие яйца пялиться?

– Потом что они свисают сука над моим лицом! – взорвался рыжий, заорав во весь голос – Прямо над моим сука лицом! И твой хер тоже! И если с него на меня что-то капнет – я начну стрелять! Потому что я брезгливый! И чистоплотный! И сука брезгливый!

– Ой… кофе капнуло… или не кофе…

– Сука! – рыжий поспешно отскочил.

– Боевые дроны? – уточнил я.

– И да и нет. Два небольших беспилотника, что проходят на

малой высоте. Несут вооружение. Если они засекают спятившее зверье – валят его. Кажется мелочью, но ты хоть раз видел несущегося на крейсерской скорости спятившего медведя гризли? А он может и в зарослях сидеть. Хер ты его увидишь, пока он лапой не махнет, лицо тебе сдирая и на затылок натягивая.

– Я понял тебя. А остальных? Призмов, разбойников… их разве там мало? Какая разница, где бродить – в чаще глухой или около дороги.

– Преступников, что еще не очистили свое имя, хватает. И Мать их не трогает. Как не трогает и больных гнилью или чесоткой. – кивнул Келлий и покосился на продолжающего стоять в стороне рыжего – Твентор! Хватит уже! Уймись!

– Я брезгливый в этом плане, командир! Очень! Ты же в курсе!

– Девчонка! – с презрением буркнул висящий под потолком ящер – Спорим ты свой хер палочкой держишь, когда ссышь?

– Да пошел ты!

– А если я тебе своим большим хером по лицу шмякну – ты сдохнешь или отключишься? – поинтересовался ковыряющийся в зубах Рэк, не отрывая жадного взгляда от ушастой официантки продолжающей лакать сливки – Хотя я бы лучше хер засунул… и не в тебя…

– И ты тоже нахер!

– Так какой толк с этих голубей? – удивился я и буркнул орку с мечником – Один из вас пусть валит к остальным! Живо!

– Играем? Камень, нож, сосок? – предложил Рэк – Два из трех?

Мечник кивнул и снял с пояса нож.

– Толк есть – продолжил Келлий и помахал официантке – Кофе! Много! Позвольте угостить?

Выдержав паузу, я кивнул. Почесывающий грудь и шипящий от боли Каппа с грустью побрел к нашим. Улыбающийся во всю пасть Рэк, выглядел полностью довольным.

– Голуби приносят весть – пояснил чернобородый – О том, как много тварей у дороги. А голуби Матери зоркие – видят и сквозь землю.

– Бред – поморщился я – Спрятаться всегда можно. От любого взгляда.

– Да – кивнул Келлий – Верно. Но это хоть что-то!

– Хоть что-то от ноля – ноль. Дай мне лопату и чуток времени – и я заныкаюсь так, что хрен меня кто увидит. А дроны не могут барражировать над дорогой вечно.

– Но толпу не закопаешь!

– Нас же закопали – широко улыбнулся я и ткнул пальцем в

тент, над которым висели облака прикрывающие стальное небо – Мы по твоему где?

– К-хм… кто знает где мы? В раю? Но не осознаем?

– Тупую мысленную глубину оставь себе – поморщился я – Вернемся к гиблой дороге. И к редким зорким голубям. И ты ошибаешься, Келлий. Гоблины ходят этой дорогой по другой причине. Голуби, отстрел спятившего зверья – все это херня.

– О как ты круто завернул… ты здесь раньше хоть раз бывал?

– Как-то раз мимо проезжал – усмехнулся я – А нахрена мне здесь бывать? Одного взгляда достаточно, чтобы понять – тут перекресток с гарантированной безопасностью, торгматами, сытной кормежкой и местами для готовки жрачки, если не хочешь тратиться на покупку уже готового.

– И как это к дороге-то относится?

– А ты не догоняешь? Здесь собирается стадо – на этот раз моя усмешка была шире – Овечка за овечкой, барашек за барашком, кроликом за кроликом, ну может с редким вкраплением настоящих волков. Раньше было достаточно собрать стадо в десять-пятнадцать голов, чтобы без проблем пройти по дороге до Кронтауна. Тем более есть безопасная ночевка в Медвежьем поле. Даже десять кретинов, имя при себе хотя бы пару дробовиков и пяток копий, смогут отбиться и от медведя гризли. Ну… если все разом не побегут. Теперь, когда опасностей стало больше и даже пятьдесят вялых рыл не гарантируют безопасность… подросло и стадо. Вы рассуждаете как тупые овцы. Раз пять овечек сжевал кто-то злой – мы пошлем десять! И десять пропало? Ну так соберем аж двадцать овец! И вот дошли до сотни… ну пусть до семидесяти с чем-то – это ваш текущий типа безопасный лимит. Хотя численность особо не решает – я уверен, что в той толпе в семьдесят рыл, что дошла без проблем, волков было больше чем овец. И умный злой волк, что засел на дорожке, понял это. И не стал атаковать.

– Хм… – Келлий уставился в стол, гипнотизируя взглядом дымящуюся кружку кофе, что ушастая официантка только что поставила, умудрившись при этом вильнуть попкой и избежать жадной лапы орка – Еще что скажешь?

– Ага. Если хочешь.

– Хочу.

– Тогда оставишь официантке особо щедрые чаевые. Я про кроны, а не твою кривую улыбку.

– Очень смешно… договорились.

Варан под потолком забулькал в кружке, не особо стараясь унять смех. Не обращая внимания на ящера с юмором, я продолжил:

– Почему овцы не ищут обходных путей? Потому что даже пусть более безопасный дикий лес их пугает куда сильнее пусть гиблой, но такой открытой и прямой дороги. А ведь она еще и удобная – куда легче шагать по бетонке, чем продираться через буреломы, пробираться оврагами и перетягивать жопу через замшелые бревна. Плюс эти сраные голуби – и да, я понимаю, что система хочет как лучше, но результат обратный – эти сраные голуби дарят чувство ложной безопасности. Ой мама поглядела – и вроде как можно спешить по дорожке! Собери двадцать – всего двадцать! – псов и волков, отойди дальше по Тропе километров на пятнадцать хотя бы в любую сторону, определись с направлением и топай. И доберетесь до Кронтауна целыми. Но… овцы так не думают. Овцы вообще не любят думать. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что у овец одна линейная судьба – сперва их трахают и они рожают детишек на мясо, затем их стригут, а потом и убивают. Вот поэтому овцы и идут по гиблой дорожке.

– Да ты прямо…

– А еще ты тут что-то визжал про то, что твой отряд больше, круче и что у вас члены длиннее. Не охренел ли ты, Келлий?

– Эй! Ты че так вдруг быковать? – лицо чернобородого напряглось, он стрельнул глазами по сторонам. Осторожность, ответная агрессия, легкий испуг. Хотя испуга достаточно много. Он уже понял, что захоти я – убью и без огнестрела. Понял, что он мне не ровня.

– У тебя член моего длиннее? – вопросил Рэк, наклонившись через стол – А ну доставай… глянем что там мелкая тварь живет в твоем густом… и почти пустом лесу…

– Успокойтесь! – попросил рыжий – И объясните. Командир не лгал!

– Либо тупой, либо лживый – не согласился я – Проходя мимо я глянул на ваш костерок. И сразу заметил не меньше пятнадцати грустных и не слишком крутых рыл держащихся особняком. Признавайся, Келлий – это балласт, который тоже хочет в Кронтаун? Обычные добросы, что убили пару зомбаков и решили стать героями. Но поняли, что не осилят дорогу и заплатили крутому командиру с такой густой и женственной черной бородой… Так или нет?

– Ну…

– Мы взяли кое-кого под свое крыло – снова вмешался рыжий – Чтобы не подохли они! Ну да – заплатили они чуток. Кто чем смог, мы цену и не ломили. Говорю же – ради помощи.

– Ага – кивнул я – Ради помощи. Точно. Впустили в свою

стайку стадо пугливых овечек, чем раздули свою численность и стали внешне походить на большой отряд суровых ветеранов. Но если стадо овец начинает жить со стаей волков…

– То что? – глянул на меня Келлий.

– Сам додумай – поощряюще улыбнулся я и поднялся – Если ты еще раз обманешь меня, Келлий… я убью тебя. Обещаю.

– Охренеть…

– Мужик! – одобрительно донеслось сверху – Келлий… ты глазами так не сверкай. Ты просто не в курсе – это Оди. Тот самый Оди.

– Зомбилэнд? – дернулся чернобородый и тоже поднялся – Ох ты… слушай…

– Я за свою славу не держусь – покачал я головой – И с помощью нее дорогу в жизни себе не прокладываю. Разойдемся миром, Келлий?

– Конечно! Я и не собирался…

– Когда я говорю разойдемся, то имею ввиду – не вздумай идти за нами следом, когда мы двинемся по дороге на Кронтаун – улыбнулся я.

– Да почему?! Ну преувеличил я чуток, хотя понять не могу, как ты заметил – ты же мимо за секунду прошел! Но сути это не меняет – мы можем друг другу помочь!

– Помочь? Вооруженное пугливое стадо у меня за затылком? Чтобы в случае чего я получил залп картечи от перепуганного крестьянина, услышавшего как в траве басовито пискнула срущая мышка? Ты лучше подумай о том, как бы самому не сдохнуть от дружеского огня.

– Но я видел, как к твоему костру уже потопало весело несколько рыл! Тигры! Их же ты взял.

– Не в попутчики. А в стаю котятами. И пойдут они там, где я скажу. Но не будут дышать мне испуганно в спину, неумело наводя стволы в любую сторону кроме нужной. Твою мать! Это же основы, Келлий! Самые мать их основы! Нельзя никогда не работавшим вместе отрядам, да еще и с зелеными новичками в составе и с разными командирами, входить на вражескую территорию. Это смерть всем кроме врагов! Повторю – не лезь ко мне, Келлий! Не подстраивайся к моей жопе. Не забегай вперед. Не иди параллельно. У тебя своя дорога – у меня своя.

– Ты не можешь запретить мне идти этой дорогой! Идти, когда я сам того захочу!

– Не могу – кивнул я – Тут ты прав.

Закончив на этом обед и разговор, я пошел к занятому нами костру, по пути проверив таймер. А время летит – до истечения заданного срока осталось меньше часа. Проходя мимо

нависающей полусферы, я остановился, заглянул во всевидящие поблескивающие визоры и с тяжелым вздохом спросил вполголоса:

– Признайся, умная железяка. Ты сейчас ведешь приготовления, но, раз в прошлом уже было такое пару раз, и ты меня знаешь в этом плане как гоблина положительного… опять что-то делать с очередной железной головой гидры?

Ответа я не дождался и потопал дальше, ощущая приятную тяжесть в наполненном хорошей едой желудке. От макарон со страусятиной пожалуй воздержусь.

– Полусфера, командир? – хрипящим шепотом спросил все слышавший Рэк, успевший показать средний палец мрачно наблюдающему за нами рыжему.

– А что еще? – развел я руками – Половина дороги в сумраке. Гибнут гоблины. Все плохо. И тут к перекрестку подваливают уже знакомые и такие успешные выходцы из жопы мира. Это же прямо судьба… Ты видел в интерфейсе?

– Таймер тикает – кивнул Рэк – Хм… а Джоранн это тоже видит? И Хван? Они ведь далеко.

– Потом и спросим.

– Ну да. Кстати, тот рыжий на нашу рыжую похож – такие же типа умные. А зачем нас ждать заставили? Она тащит полусферу сюда?

– Вряд ли – покачал я головой – Нахрена? Куда проще подвести все к Медвежьему Полю. Будь то новая полусфера или запчасти.

– А может просто надо заново подключить и всего делов?

– Тут твари поумнее чем тролли из Стылой Клоаки – хмыкнул я – Эти либо спрячут, либо раздолбают.

– Я бы тоже не оставил лежать целехонькой – согласился Рэк – А чего тогда мы здесь?

– Скоро и уз…

Тихий стрекот моторов заставил меня прерваться и задрать голову вверх.

– Голуби материнские! – обрадованно завопили от одного из газовых костерков – Вот это да! Не время же! Внеочередные! Мать любит нас! Любит!

Два небольших поблескивающих дрона прошли над нами в сторону океана, развернулись и рванули обратно тем же путем – но теперь двигаясь чуть в стороне, явно проверяя еще не охваченную полосу. Система сканирует всю дорогу на предмет опасностей. И делает это, как только что выяснилось, вне обычного расписания.

Едва дроны умчались, перед глазами появилось сообщение о

еще одном внеочередном событие – задание «Ожидание» завершилось.

Награда: 100 крон.

Но этим система не удовольствовалась.

Задание: Патруль.

Описание: в течении следующих 60 минут приступить к патрулированию дороги Мирная ЗОО12 от узловой зоны безопасности № 217А до поселения Медвежье Поле.

Место выполнения: Узловая зона безопасности № 217А.

Награда: 800 крон.

Внимание! Отказ от задания влечет штрафные санкции!

Штраф за невыполнение\отказ от задания: понижение статуса героя.

Система гнала нас к Медвежьему Полю, предварительно заботливо проверив этот участок пути – нет ли спятившего мишки?

Я зло стиснул зубы, глядя на кнут и пряник. Железяка ничему не учится. Хотя так может с гоблинами и надо?

Но я ошибся.

Награда: 100 крон.

Внимание! Особая предварительная доверительная информация!

Соблюдение секретности!

Задание: Установка и подключение новой МСОНФ № 111-ОО. (Дополнительно) (Важно).

Описание: в процессе…

Место выполнения: дорога Мирная ЗОО12, участок ЗООприволье № 2.

Время выполнения: без ограничений.

Награда: 1200 крон.

Дополнительно: боевое воздушное патрулирование и оповещение, поддержка миссии боевыми беспилотными дронами

– Давай, Рэк – буркнул я – Дайте бойцам пожрать, пусть еще полчаса полежат с вытянутыми лапами, затем каждому влить в

пасть по литру воды с шизой и энергетиками. И выступаем.

– Тут есть медблок.

– Дельно. Всех туда поочередно. И пусть все просят вколоть что-нибудь особое.

– Так ведь они не в скваде.

– Не в скваде – кивнул я – Но система все видит, орк. В этом сука и беда. Увидела она кучу гоблинов и нас среди них… и решила, что у нее появился новый крепкий боевой отряд, который срочно надо бросить на выполнение особо важного задания… Так что пусть просят смело хорошие уколы и не забывают говорить, что они рекруты в скваде командира Оди.

– Понял. Еще что?

– Нет.

– А эти не потянутся за нами? – орк махнул башкой в сторону костерка Келлия.

– Само собой – усмехнулся я – И не только они. В этом и была суть, орк. Нас все слышали. Кто-то сделал вывод. И обязательно попытается нас догнать и влиться, так сказать, в ряды…

– А мы?

– А мы посмотрим кто там и в каком качестве хочет влиться… мясо, Рэк, нам нужно крепкое и настолько жилистое мясо, чтобы нами поперхнулась любая мясорубка. И мяса нам нужно побольше.

– Может уже сегодня придется нам и затыкать мясорубку…

– Нет – уверенно ответил я – До Медвежьего Поля можно булки сильно не стискивать. Сегодня ночуем там. А вот завтра уже может и услышим скрип ржавой мясорубки…

– Ты такой умный стал, лид… может таблетку скушаешь? Для здоровья психического…

– Может и скушаю – улыбнулся я, проводя пальцами по зашитому карману – Может и скушаю…

Глава шестая

Я все же удержался и не принял таблетку.

Но, когда мы добрались до Медвежьего Поля и с вершины небольшого холма я увидел как само поселение, так и его население, то невольно проверил зашит ли все еще заветный кармашек. Убедившись в надежности швов, понял, что это не наркотический бред. Все на самом деле. Изумленные лица стоящих рядом гоблинов это подтверждали. И им было чему удивляться.

Для начала – частокол.

Он окружал собой все поселение, что представляло собой около десятка вместительных двухэтажных бревенчатых домов с крышами крытыми покрашенным под солому металлом. Причем покрашенным так искусно, что первые пару минут я так и думал – пожелтелая солома. Но нет. Прочный металл, что становилось ясно, когда замечал швы. Стоило это понять и тут же стали видны сколы на «бревнах» – бетонная крашеная имитация. Но вот частокол… он заставил меня потратить на него следующие две минуты.

Поставленные вертикально заостренные бревна были так идеально прилажены друг к другу, что между ними попросту не было щелей. Одна сплошная стена, а не частокол. Видны потемневшие следы стесов, с каждого бревна снята кора. И на этой стене вырезаны огромные медведи в различных позах. Медведь сидит, спит, куда-то идет. Над невысокими и настежь открытыми воротами вырезана огромная медвежья морда. Частокол был настолько высоким, что поселение было видно лишь частично, но и не требовалось заглядывать внутрь, чтобы увидеть жителей. Благодаря им я и понял, что частокол, в отличие от домов, выстроен из настоящих бревен. Одно бревно из частокола отличалось своей свежестью, рядом валялся видимо совсем уж сгнивший собрат. Рядом с блестящим белой древесиной бревном стоял мужик и обдавал его струей из ранцевового распрыскивателя. Так вот… этот опрыскиватель смотрелся на широченной спине мужика примерно так же, как смотрелся бы школьный ранец между лопаток взрослого медведя гризли. При этом рост мужика был средним вроде как. Еще добавить к этому одежду из шкур, длинную бурую бороду, гриву нечесаных волос, огромные волосатые лапы, солидных размеров сапоги… и получится нечто похожее на обзаведшегося разумом и чуток побрившегося жопу и пузо медведя. И ладно бы один был таким – все они мало чем отличались друг от друга. Там у

частокола бродило-ходило-ковырялось-в-земле-носу-заднице не меньше шестерых. И все медведеподобные…

– Вот тут мы и будем ночевать – заметил я и начал спускаться, широко шагая по старой бетонке.

– Кто спал на моей кроватке? – тонко пропищал кто-то из свежего мяса за моей спиной – Кто ел из моей тарелочки? Давайте найдем и жестоко убьем наглого ублюдка…

– Остановить бред, сержант Каппа – велел я.

– Есть!

– Ай мля! Ой ё! Да мне просто вспомнилось! Сам не знаю откуда! Ай! Сержант Каппа! Я понял!

Миновав табличку с надписью «Помним о карантине! Гостевые дома будут рады принять вас, добрые путники», я шагал навстречу явившемуся из прошлого средневековому поселению Медвежье Поле, над которым торчало два высоких столба с двумя грибами сторожевых полусфер с чашеобразными решетчатыми хреновинами заполненными ветками и фигурами аистов. Как же это мило… мне живо вспомнился «родной» островной этнос с его Доброй скалой. Может и тут этнос? Хотя что-то в моей напряженно гудящей голове никак не может найтись хоть что-то касательно медведеподобных мужиков, чей вес стопроцентно выше отметки в полтора центнера. Ну вон та девушка чуть полегче будет – в ней самое большее сто десять-сто пятнадцать кило. И ведь жирных тут нет. Животы не торчат, а вот плечища и ручища внушают… как и тот факт, что замеченная мной девушка подобрала треть разломанного подгнившего бревна, положила его на девичье плечико и спокойно зашагала куда-то по своим женским делам, гордо выдвинув вперед внушительную челюсть. Может после однажды встреченных нами миролюбивых великанов-дэвов эти медведи и не столь внушительны, но вот если судить по донельзя мрачным лицам здешних… добротой и терпением тут и не пахнет.

– Этих мы тоже злить будем, лид? – все так же неумелым шепотом осведомился Рэк.

– А че?

– Да нет – покачал головой орк, затягивая потуже подчелюстной ремешок шлема и опуская прозрачное забрало – Так просто…

В ворота мы вошли беспрепятственно. Звероподобный строитель почесал спину обухом здоровенного топора, покосился на прислоненную к частоколу толстую дубину, но так ничего и не сказав, отвернулся и продолжил скрести по дереву. Проходя мимо одной из створок, глянул на ее внутреннюю часть и увидел окрашенный под дерево стальной каркас с приваренными к нем

толстыми петлями. Логично. Створки из обрезков бревен не могут быть легкими.

Три гостевых дома стояли особняком у самых ворот. Над входами небольшие полусферы, бетонные дорожки чисто выметены, на буйно заросших газонах сотни цветов, на бетонных бревнах стен уже не вырезаны, а нарисованы бурые и черные медведи.

А вон шагает ностальгия – два мужика и одна деваха все в тех же шкурах, но поверх них знакомые длинные кольчуги. Верги. Здешние стражи правопорядка. Деваха, кстати, та, что недавно бревнышко таскала – успела утащить неподъемную ношу, накинуть кольчужку, закинуть за плечо игстрел, повесить на пояс топор, взять в руки обрез. У мужиков вооружение такое же. А в окнах второго этажа стоящего напротив жилого дома мелькнуло пару силуэтов, опустилась на подоконника винтовка.

– Добро пожаловать, гости дорогие – скорее прорычал, чем сказал старший из вергов, глядя на нас сквозь космы начесанных на бородатое лицо волос – Ведите себя хорошо, мелкие. И проблем не будет. Ты ведь не хочешь проблем?

Обращался верг ко мне, безошибочно определив главного.

– Да мне плевать – пожал я плечами, глядя, как усталые бойцы, подгоняемые ветеранами, втекают в двери двух гостевых домов.

Словно не услышав меня, верг продолжил рычать:

– Оставайтесь рядом с гостевыми домами. Не слоняйтесь рядом с нашими домами – не любим. Коли бы на Матери повеленье путников привечать – за ворота бы вы не вошли. А так пока терпим. Если скучно или хочется горячей еды – вон там трактир Медвежья Колода.

– Всегда так сурово гостей встречаете? – с интересом спросил я, глядя на окно, за которым стоял ожидающий развития событий стрелок.

– Всегда – кивнул верг – Мимо ведь кто идет? Непоседы чванливые! Или калеки унылые! Туда – в Кронтаун – идут борзые, оружием увешанные, каждый пятый уже героем стал. Как они ведут себя в чужом доме? Верно – нагло! Баб наших хают, зверухами или мохнатыми называя, в трактире буянят, в чужие дома заглядывают, трахаются, где не попадя, а слово им скажи мягкое – за оружие хватаются. Это герои. А обратно к океану бредут калеки – у кого тело, а у кого разум изувечен. От этих тоже добра не жди – особливо если медовухи переберут. Потому всех приходящих мы пускаем, но с душевной теплотой боле не встречаем. А главный наш давно уже Мать молит, чтобы она гостевые дома нам отдала, а для таких как вы – дорожного

мутного люда – другие б построила за воротами.

– Откровенно – признал я.

– Ну да. А чего душой кривить? И ведь раньше госте были чаще, но не такими толпами. Сейчас же их наваливает столько… Так что скажешь? Будут твои медвежата после медовухи трактирной буянить?

– Мои бойцы в трактир не пойдут – ответил я – Те, кто заглянут – не мои.

– А твоих сколько?

– Сам считай. Они уже в бараках гостевых.

– А те, что по дороге пылят? – медведь уставился в ворота, за которыми с холма медленно спускался другой отряд.

– Не мои – качнул я головой и устало потянулся, глядя на закатное стальное небо – Услуга за услугу, верг. Мои дома сидят и твоих не задирают. Проблем не создают. Еды закажем с доставкой, так что вы еще и заработаете. Более того – если кто из вон тех чужих подходящих начнет буянить, мы, трезвые и спокойные, поможем их угомонить. И сделаем это быстро. Обещаю.

– А в ответ?

– Там что-то происходит – я махнул рукой в сторону лежащей за поселением дороги – Гибнут целые толпы. А вы живете по соседству, верно? Должны же что-то знать?

Разом помрачнев, верг тяжело вздохнул, поморщился, переглянулся с остальными и признал:

– Что-то происходит. Нехорошее… И что?

– Дайте мне собеседника. Самого знающего на эту тему. И я не стану искать его сам, бродя по вашему селению и трахаясь, где не попадя.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю – улыбнулся я.

– Как звать тебя, мелкий?

– Оди.

– Вот как. Уже слышал это имя. Я Грыз – кивнул верг, забрасывая винтовку за плечо. Повернувшись к остальным из своих, он рыкнул что-то совсем уж неразборчивые и они разошлись. Старший верг еще рявкнул и от ближайшего к нам дома с тяжелым гулом покатился здоровенный металлический шар размером с мяч. Наклонившись, верг позволил ему накатиться на подставленную ладонь и, перебрасывая шар из лапы в лапу, сказал:

– Люблю шарики погладить порой. Успокаивает.

– Я даже стебаться не хочу – признался я, как завороженный глядя на то, как стальной шар прыгает из ладони в ладонь,

перекатывается по руками от плеча до кончиков пальцев и все это безостановочно и прямо на ходу, пока мы неспешно шагали к воротам. Не удержавшись, я попросил – Дай попробуй.

– Лови.

Поймал…

Нет, так-то без проблем поймал. Удержал. Но весу в «шарике» за тридцать кило. Никакой ручки для удержания, просто небрежно отлитый стальной шар размером чуть ли не с мою голову. Я могу его нести, могу опускать и поднимать, но вот так вот перекидывать из лапы в лапу и перекатывать по рукам. Нет… не смогу…

– Охренеть – с уважением кивнул, глядя на раздутые от мышц волосатые предплечья Грыза – Давно шары катаешь?

– Сколько себя знаю. Чем еще заняться с устатку? – пожал плечами верг и, приняв у меня обратно шар, без замаха швырнул его куда-то идущему по своим делам другому мужику. Тот, шутя поймав, перекатил с руки на руку, подбросил в воздух, словил одной ладонью и швырнул обратно.

– Ну да… логично… как устал – берись за стальной шар и катай… – хмыкнул я.

– Дай и я, лид! – торопился Рэк – Че мы хуже, что ли? Кинь шарик, волосатый!

– На…

– О-о-о… – скрючившийся Рэк медленно выпрямился, с трудом улыбаясь и держа шар у живота – Да ерунда… – выдавил он и повернулся к чистящему ботиночку у стеночки бойцу – Лови, Пумф!

– Сержант не надо! Не надо, сержант! Это же… О-О-О-О-О! – вбитый лопатками в стену рекрут медленно сполз на бетон и затих. Звенящий шар прокатился до сапога укоризненного качающего головой верга.

– Вы чем тут все занимаетесь? – поинтересовался, оглядывая поселение и его звероподобных жителей и заодно зло мотая головой Рэку, чтобы подобрал ушибленного и прекратил страдать херней.

– Сейчас лесом и зверьем. Делаем все, что Мать велит. Убираем больные деревья, растаскиваем буреломы, прочищаем русла овражных ручьев, ломаем порой бобровые плотины. А раньше… раньше мы вроде как служили в Зооприволье – верг глянул на одну из медвежьих голов на бетонной стене гостевого дома – Его символом были медведи. А мы следили за зверьем. Потому и называемся мы Смотрителями. Хотя давно уже обычные лесники. Ну еще свиней выращиваем, коров, кур, коз. Мясо и яйца на продажу. Подумываем пару прудов выкопать – когда на то

соизволение Матери получим. М-да… а ты стало быть тот самый Оди.

– И ты уже наслышан?

– О чем?

– О Зомбилэнде, синем свете и…

– Не – качнул косматой головой Грыз и с хеканьем забросил стальной шар в небо, после чего опустил лицо и спокойно продолжил – Я старший верг. И правая рука Главного Смотрителя.

– Угу – с тем же спокойствием кивнул я, шагая рядом и не смотря в небо, куда усвистел тяжеленный шар.

Не смотри в небо, гоблин. Не смотри… а я еще и шлем снял…

– И что?

– А то, что ему да мне несколько часов назад весточка от Матери вдруг пришла. Идет мол сюда большой отряд. Предоставить им гостевые дома – а если дома заняты, то выпнуть всех нахер. У все их прибывающих уровень терпимости обычный, а вот у их командир Эрыквана, он же Оди, текущий уровень терпимости равен тройке. Хоп! – чуть подавшись вперед, Грыз поймал шар, перебросил с руки на руку и назидательно заметил – Тот мужик что хотя бы двухпудовкой в горячую картошку не играет по утрам – не мужик. Я так мыслю.

– Ну тогда я не мужик – усмехнулся я – И мужики тогда в этом мире редкость.

– Но у нас грубая сила в почете. Что за мужик, если быка не повалит и медведя не переборет? Ну и бабы наши нам под стать.

– Что за уровень терпимости?

– А то, что, если из твоих бойцов кто кобениться начнет – я ему башку откручу. А если ты начнешь столы в трактире опрокидывать, ссать в углах или кому морду бить – мы будем терпеть. Потому как Мать так велела.

– Могла и не стараться – заметил я и проводил взглядом снова усвистевший в небо шар – Что еще велела?

– Нет. Но и так ясно что гость ты важный. На моей памяти такое в третий раз. А я тут пятый десяток живу.

– Ты выглядишь гораздо моложе – удивленно заметил я, окинув взглядом могучего мужика без малейших признаков седины.

– Мать любит нас – пожал плечищами Грыз и, поймав шар, опять принялся перебрасывать его из руки в руку – Так в чем дело, герой Оди?

– Мой отряд выбран для установки новой полусферы на одном из участков Зооприволья – ответил я, проверяя интерфейс.

Задание патруля выполнено. И тут же начато новое задание

«Ожидание» с таймером на шесть часов. Система вроде и привечает, вроде и доверяет… но про наручники и кандалы не забывает.

– Полусферу новую установить? – скрытое бородой и космами волос лицо Грыза вроде как посветлело – Это дело нужное. Дело доброе. И ты видать не слизь подколодная, не жаба жопой давленная, а как есть человек, раз Мать тебе доверяет.

– Чем дальше от океана – тем чуднее гоблины – заметил я – Так как насчет рассказа о здешних мрачных чудесах, старший верг Грыз?

– Хреновые тут чудеса – светозарный лик старшего стражника опять помрачнел, шар гулко ударил о землю, утонув в ней едва ли не полностью – Чудеса настолько дерьмовые, что даже нас зацепили. Пропала тройка вергов. Мать нас в беде не оставила и аж четырех новых смотрителей уже родила – задохликов безбородых. Мужик без бороды! Тьфу! Это ж как баба без… ну да не будем о них. Но эти новенькие! Эх! Еще и стриженные коротко… ну ничего. Приведем их в порядок, откормим, оденем как положено, научим шары оглаживать, чтобы силушка набиралась.

– Шары гладить – святое дело – кивнул я – Ты чего виляешь, верг? Говори напрямую.

– Не сбежишь?

– Нет – спокойно ответил я – Ну?

– Тварь какая-то в Зооприволье завелась – тяжело вздохнул верг. Присев на корточки, он принялся окапывать загнанный в землю шар, но перед этим мрачно пробурчал – Демон.

– Демон? – со смешком повторил я – Да ладно? Ну еще тролль там… ладно… но тут вон как…

– Смешно тебе?

– Смешно.

– А мне нихрена не смешно! Эта тварь троих моих людей убила и уволокла! Только клочья одежды и пятна крови остались! И следы такие страхолюдные, что и не поймешь!

– Так… давай-ка подробней, страж.

– Жертву он требует! И пока жертву не получит – не уберется туда, откуда явился! – прорычал выпрямившийся Грыз, изо всех сил сдавливая перепачканный в грязи шар – Вот тебе подробности! А жертвы ему не видать! Почему? Потому как того, чего он требует, в наших краях давно уже не водилось!

– Это чего же?

– Тварь требует ребенка! Вот чего! Да даже будь у кого ребенок – кто бы отдал?! Но все одно – нету. Потому и тварь эта здесь навеки теперь. И ведь день ото дня демон адский силушку

набирает… уже земля исполосованная от него страдает! А что дальше будет?

– У меня голова заболела – признался я, массируя виски – Слушай, верг Грыз…

– Да?

– Давай ты возьмешь пару бутылок медовухи, прихватишь с собой помощника, и мы с тобой прогуляемся. Я тоже бойца прихвачу.

– Куда собрался?

– А туда. Где демона следы, где земля плачет и где пятна крови и рваная одежда.

– Так дожди прошли, зверье подожрало…

– Что-то да осталось – не согласился я.

– Это верно – кивнул верг – Будь по-твоему. Через десять минут выходим.

– Жду – кивнул я и, когда Грыз размашисто зашагал к домам, перед тем как мне самому отправиться к своим и отдать необходимые инструкции, поднял лицо к установленной на столбе полусфере – Ты ведь слышала? Это не побег. А разведка. Так что не надо врубать сирен, лишать статуса или стрелять в спину. А то ведь только-только интересно стало…

* * *

– Вот это след упырка? – глянул я на бесформенную яму заполненную грязной водой – И это?

– Оно самое. И то самое – подтвердил Грыз и провел ладонью от пупка до шеи, затем по горлу, по подбородку снизу и шумно подул, сдувая с ладони нечто невидимое – Не оскорбляй его, герой.

– А что?

– Услышит. Ты уйдешь, а нам здесь жить.

Рассмеявшись, я покрутил головой и присел у череды луж. Небольшой лужок, расположенный между двумя невысокими, но крутыми холмами, был перечеркнут цепочкой великанских глубоких следов. Вездесущая вода заполнила следы до краев, нанесла сюда грязь, но эти жалкие попытки вряд ли бы увенчались успехом, если бы не десяток параллельно идущих глубоких бород изуродовавших следы. По сути, я стоял посреди бесформенного грязевого месива утопая по щиколотку.

– Что за борозды?

– Мы так думаем – руки.

– Руки?

– Это демон – шумно вздохнул Грыз и, тяжело шагая, заторопился по травянистому склону на вершину холма, откуда открывался вид получше.

– Не понял логики.

– Мы так думаем – у него, как у некоторых особо сильно наказанных Матерью призмов, очень длинные когтистые лапы. Когда не может нести их на весу, изнемогая от усталости, тварь опускает лапы на землю и тащит их за собой. Попутно рвет почву, срывает с места кустарники, оставляет ужасные раны на деревьях.

– Ты раньше осматривал эти следы?

– Нет. К чему? Все видно издалека.

– А другие стражи?

– Я не позволил. Находясь слишком близко… можно допустить скверну и гниль в свое сердце.

– Угу… а когда он порвал ваших?

– Я лично собрал скорбные останки, погрузил их на ручную тележку и увез. После этого женщины два дня окуривали меня очищающими благовониями. Я вдыхал острый дым и молился Матери. Взамен она даровала мне видение своей ослепляющей доброй улыбки. Знамение, что указывало на то, что во мне нет скверны…

– Дым вдыхал, говоришь? – осведомился сидящий на исполосованном бревне ухмыляющийся Рэк, что выиграл очередной раунд в игре с Каппой, после чего шипящий как стая злобный змей мечник опять остался с новобранцами и внезапно решил устроить им ночную тренировку – Ты смотри с этим осторожней, медведь. А то увидишь не только улыбку… чем дышал, кстати? И где собрать?

– От него пахнет вербеной – мурлыкающим голосом сообщила поднявшаяся на вершину холма грациозная тигрица – Еще потом и… легким страхом.

Полосатых разведчиков я решил взять с собой в последний момент. Снаряжать их времени не было, поэтому ограничился тем, что выдал каждому по стальному панцирю, дробовику и тесаку. От стандартных шлемов – на округлую и бокоухую гоблинскую голову – они отказались. С радостью избавились от копий и с готовностью отправились со мной в рейд.

– Тигр? – спросил я.

– Тут – рычаще донеслось из кустарника неподалеку – Проверяю след.

– Ага – лениво кивнул я и выпрямился, глянул на молчащего Грыза – Признавайся, медведь со стальными шариками… если бы не прямой приказ системы, то ты бы сюда…

– Не пошел бы – не стал спорить Грыз, мрачно посмотрев на

сопровождающего его младшего стража – Это демон! Бессмертная тварь приносящая скверну и гниль в светлый мир! Что мы можем ей противопоставить? Разве только принести требуемую им жертву…

– Ну да – хмыкнул я – Все проще, да? Отдал ненужного ребенка кровожадной твари – и мир спасен. Лучший путь для героя.

– Это не так! Но… скольких уже убила тварь?

– И ты веришь, что отдав ей ребенка, уймешь ее жажду крови? Бред! Тупой сука бред! Грыз! Опомнись! Что за демон вообще? Откуда взялось это название? Откуда бы он мог явиться?

– Оттуда – Грыз уверенно указал под ноги – Из мрачных глубин подземной бездны.

Рэк в голос захохотал, едва не упав с бревна.

– Нет – качнул я головой – Тут ты ошибся, старший верг.

– Там есть мрачная и страшная жизнь заполненная болью, страданиями и яростями! – рыкающий голос Грыза стал гораздо громче – Если ты не веришь – это не значит…

– Верю – поднял я ладони – Даже больше – я знаю. Там есть жизнь, верг. Там полно страданий, боли и ярости. Но обитают там не твои мифические демоны. Там в узких и влажных стальных кишках-коридорах живут обычные подземные гоблины, что таскают в помятых ведрах серую слизь, чистят древние механизмы, убивают плуксов, сражаются с троллями и боятся небесных пауков, что живут под пятками миролюбивых и никому ненужных великанов-дэвов. Еще там встречаются особо жестоко наказанные системой призмой – что-то вроде слизистых взрывающихся бананов и плотоядных сплющенных тварей стелющихся по стенам и потолку. Там же живут в тепле и уюте сраные ублюдочные гномы. Вот тот подземный мир, что я знаю. Мир, что я видел. Мир, в котором я жил. Может прямо под нами все чуть иначе… но демонов там нет. А худшая и опаснейшая из известных мне тварей – человек.

– Как ты?

– Я гоблин.

– О чем ты вообще говоришь? – очнулся шатнувшийся Грыз, на чьем бородатом лице прочно поселилось изумление – Ты жил там? Плуксы? Серая слизь? Гоблины?

– Гоблины – повторил я, в свою очередь поднимаясь на холм – Ты зря не осмотрел следы вблизи. Ты зря не вел хотя бы сраный журнал наблюдений с отметками о том когда, где и насколько появлялся этот большой тяжелый упырок.

– Это демон… если он почует проявленный к нему интерес…

– Ну да. Почует, огорчится этому и поселит в твоем сердце

глубокую печаль, а в жопе острую боль. И два эти чувства будут взаимосвязаны… да?

– Мне надо помолчать и пошвырять шар… мне надо привести мысли в порядок…

– Нет уж, верг – не согласился я – Шары будешь мять потом. А сейчас мне нужны сведения. Только факты! Вопрос первый – с чего решили, что это демон?

– Его видели – проворчал верг – Много кто видел! И бежали в страхе прочь! А в их сердцах появилось столько ледяного ужаса, что им понадобилось немало подогретой пряной медовухи, чтобы…

– Точнее! Больше деталей. Только факты!

– Ну…

Спустя пару минут достаточно внятного пересказа известных ему сведений, я понял, что демон все же существует. Его видело немало никак не связанных между собой гоблинов, что рискнули путешествовать по Большаку, как его называли здешние, решив, что все россказни про поселившуюся у дороги тварь не больше чем злая сказка.

Недоверчивым дебилам повезло. Они выжили – благодаря своей тихости и прыткости. Правда, некоторые все же были настигнуты и познали ужасную смерть. Выжившим удалось увидеть преследователя – и именно это зрелище сподвигло их на неумеренное потребление подогретой медовухи.

Их преследовала огромная рогатая тварь, что была несколько неуклюжей, но при этом с легкостью отбрасывала со своего пути валуны, вырывало и швыряло деревья. Валуны, кстати, тоже швыряла – и довольно метко. Один из трясущихся окровавленных гоблинов видел, как в шаге от него бегущего рядом визжащего приятеля накрыло каменюгой, из-под которой брызнула красная жопная закваска…

Как выглядел демон?

Больше четырех метров роста. На этом сходились все. Округлое пузатое туловище. Ноги тумбы. Длинные ручищи. Здоровенная голова увенчанная парой очень длинных рогов. Иногда, если дело происходило ночью, между этими рогами плясала огненная страшная дуга, освещая все вокруг инфернальным красным светом.

В демона стреляли. И не раз. Из разного оружия. В том числе в него высадили несколько магазинов из штурмовой винтовки. Демону было плевать. Того стрелка он догнал и расплющил ударом копыта.

Копыта?

Тут сведения неточные, но вроде как у демона красные

копыта. Со следами сходится – выбитые им ямы округлой формы.

Такая вот страшная тварь поселившаяся в округе.

Переварив услышанное, я задал следующий вопрос:

– Причем здесь ребенок?

– Он его требует! – с еще большей мрачностью и обреченностью заметил Грыз – Порой даже в преследовании он требует отдать ему ребенка. Я вот что подумал… а может он ищет особого ребенка? Ну… такого, кто может спасти наш мир? Ребенка Матери? Демоны прознали, что Мать отправила в наш мир Спасителя и тут же послали своего лучшего воина, чтобы он не допустил…

– Где-то я уже это слышал – хмыкнул я, глядя на свисающий с груди Грыза мощный бинокль – Подари гоблину бинокль, верг.

– Это ценная вещь!

– Уровень терпимости – напомнил я – Вдруг я тот, кто должен найти и защитить ребенка-спасителя? Бинокль мне бы не помешал…

– Возьми! – содрав с шеи ремень, верг всучил мне бинокль – Я вижу, что ты смеешься. Но… все это может оказаться истинной правдой и тебе предназначено спасти его… ведь не зря же Мать послала сюда именно тебя?

– Тьфу! – буркнул я, рассматривая нежданный подарок – Бред! Грыз! Это бред! Предположим, что здесь поселился какой-нибудь минос переросток в стальной броне. Запросто! Само собой его размеры преувеличили. Но чтобы он таскал за собой слишком тяжелые когтистые лапы? Чушь! Тигр! Что со следами борозд?

– Они доходят до заброшенной узкой бетонки и там исчезают, командир – вынырнувший из кустарников полосатый зверолюд с яркой окраской развел лапами – След не потерян, ясно что они пошли дальше.

– Они – кивнул я – Тоже понял?

– Само собой. Земля исполосована, чтобы скрыть другие следы. Первыми шагали обычные бойцы, за ними следом пер этот переросток, таща за собой что-то с не шибко длинными шипами и метелками, раздирая, подметая землю и скрывая следы. На бетонке этого делать не надо, но как раз там и отпечатались те следы, которые пытались скрыть. Они же с грязи на вымытый бетон выперли. Идиоты.

– И это следы?

– Ботинки, сапоги, лапы, копыта. Отряд рыл в тридцать. Люди, призмы, зверолюды. И этот огромный ублюдок.

– Дорога ведет туда – указала тигрица в сторону далекого Зооприволья – Они дошли досюда, развернулись и потопали обратно. Непонятно почему…

– Голуби – сказал я, глядя на фальшивое синее небо – Они знают расписание дронов системы. Тренировались? Отрабатывали что-то вроде рейд-броска на Медвежье поле? Причем действовали так, чтобы оставаться в сумраке.

– Направление подходит – кивнул вступивший в разговор Рэк – Отсюда до поселения километров шесть. Не больше. Но… раз там обычный огромный минос и куча ушлепков поменьше… что они так скрываются от системы? И на кой хер им ребенок?

– Скрываются от системы, чтобы она не поняла, что готовится нападение на Медвежье Поле – ответил я – Системе может и плевать, если сдохнут бородатые медведи с железными шарами, но вот на собственные глаза ей не плевать. Если нападающие уронят столбы с полусферами – еще немалая часть Большака погрузится в вечный сумрак. Хм… может они и демоны, Грыз. Может ты и угадал – они ведь воюют против системы, стараясь расширить свою темную территорию. Темную территорию… звучит то как…

– Сумрачные земли? – предложила тигрица – Дикие земли?

– Территория Мрака! – бухнул Рэк – И гоблины восставшие против света… У-у-у-уу…

– Где-то я уже это слышал – повторил я, прикладывая к глазам бинокль.

– Нападение демонов на Медвежье Поле? – ожил Грыз – Мать! Допустить нельзя!

– Они уволокли тела твоих бойцов? – уточнил я, оглядывая местность.

– Да. Утащили почти все. Неужто тела им нужны чтобы…

– Жрать – кивнул я – Сочная медвежатина ничем не хуже жирной свининки. Их много. И жратвы нужно много. Зверье так быстро не плодится, торгматов там нет, поставок тоже. Но вкусные свинки регулярно ходят по дороге… а неподалеку пасутся коровьи стада, жужжат пчелки над пасеками, кудахчут куры… В общем все как всегда – банально. Очередная разбойничья шайка обзаведшаяся некастрированным бычком-переростком. Одного не могу понять – причем тут ребенок?

– Я уже выдвинул свою версию – заметил опять оживший Грыз.

– Задвинь ее обратно – посоветовал я – Ладно. Первую разведку считаю завершенной. Возвращаемся обратно. Тигры – пробегитесь к западу, а затем к востоку на километр от той заброшенной бетонки. Если эти ушлепки уже не первый раз репетируют марш-бросок к Медвежьему Полю – я хочу это знать. Не нарывайтесь. При любой опасности – уходить без боя. Но если что – патронов не жалеть, снаряжение не беречь.

– Принято. И спасибо! – полосатые умчались а я, повесив на грудь бинокль и врезав по потянувшейся жадно лапе орка, скомандовал, отдирая нитки с кармана – Теперь самое главное – открываем медовуху!

– Открываем! – кивнул Рэк – Боевая ситуация требует!

– Так что теперь? – глянул на меня сумрачно старший верг Грыз, зубами сдирая с бутылки крышку.

– А теперь, как всегда. Какие варианты у подневольных гоблинов системы? – ответил я и делал небольшой пробный глоток – Дождемся посылку и будем делать дело.

– Мать любит тебя, Оди! А мы уважаем!

– Подаришь железный шар?

– Это уже святое… нет! Но угощу ужином в трактире. Ты пробовал хоть раз чечевичную похлебку заправленную салом? Мы зовем ее Сладкой Перди. Кто не пробовал – настоящей еды не едал… А как насчет яичницы заправленной салом и политой перченым медом? М-м-м-м-м-м… мы называем ее Шепотливой Сьюзи. Но больше всего посоветую отведать гороховой каши заправленной луком и шкварками, политой соусом из сливок, масла и диких трав. Вот это настоящая еда для настоящего мужика! Помял шары – и за ложку! И жизнь покажется истинным раем… так что?

– Вот прямо убедил – признался я, делая еще один глоток, чтобы смыть с языка знакомую горечь – Пошли! А как вы называете гороховую кашу? У нее есть имя?

– О! Да еще какое! Это ведь еда настоящая, громкая! Поэтому мы зовем ее…

Бросив последний взгляд на темнеющий лес за холмами, скрывающий территорию заброшенного Зооприволья, я начал спускаться с холма вслед за жонглирующим стальным шаром медведем-вергом.

Глава седьмая

– А с нами не пошли – заметил Рэк, пытаясь придать морде безмятежный вид, но явно сильно страдая.

А нехрен было столько жрать. Я сам позволил себе чуток лишнего, попробовав каждое из упомянутых старшим вергом блюд, особенно отдав должное Сладкой Перди, добавив к ней десяток глотков медовухи с интересным названием Пчелкина Матка. Накрытые прямо у гостевых домов столы ломились от невиданной и одуряюще пахнущей еды. Но я удержался. А когда увидел, что идет повальное обжирание, жестко пресек, велев убирать остатки трапезы. Тех остатков было столько, что еще весь Уголек хватит накормить.

Почему я вспомнил Уголек? Я удивленно покрутил головой, понимая, что вспомнил без всякой причины, а может даже и с легкой ностальгией. Мне настолько проник в душу этот казарменный городок приткнувшийся у стены вонючего Зомбилэнда?

Кажется, мне нельзя нигде оставаться дольше чем на сутки – становлюсь слишком мягким.

Будь злее, гоблин! Будь злее! А если начинаешь размякать – вспомни про номер на груди и червей ползающих в залитых дерьмов стальных тупиках.

Рэк…

Пережрал.

Пузо оттопырилось настолько, что он еле напялил на себя панцирь, но это только усугубило ситуацию. Поймав мой взгляд, вперевалку шагающий орк состроил страдальческую морду, намекающе постучал по сдавливающему его панцирю.

Я тихо сказал:

– Какой ты нахер сержант, орк? Где сраный пример для только брошенного на жаровню мяса?

– Понял, лид. Понял… не знаю, что на меня нашло… ох сука… понял… но что делать?

– Если идется – иди. Не идется – блюй. Ты же не овца, ты волк.

– А волки блют?

– Волки блюют. Знаешь когда ты взвоешь, Рэк?

– А? В смысле?

– Когда я назначу Каппу твоим командиром – недобро улыбнулся я – А следом подниму в иерархии того же тигра, что сейчас рвет в разведке полосатую жопу, в то время как ты плетешься какого-то хера рядом со мной и жалуешься на

слишком полный желудок. Но добьет тебя то, что однажды я поставлю звеньевым ту мурчащую тигрицу, что тоже сейчас рвет бока и жопу о колючки, ползая в пыли и нюхая кучки плесневелого дерьма, чтобы отряд не нарвался на засаду. Ты понял меня, орк?

– Я… я блевать. И жопу рвать…

– Стой.

– Да?

– В остальном ты был очень неплох – вынужденно признал я, вспомнив ту адскую тренировку, что вернувшийся вместе со мной орк устроил новичкам перед ужином – Ничего не могу хренового сказать. Но помни – ты должен быть выше на голову тех, кто пришел в отряд после тебя! Они должны задирать голову в небо и там, над облаками, видеть твои по-отечески заботливо покачивающиеся сержантские шипастые яйца округлой кубической формы. Понял меня? Еще чуть лучше, орк.

– Еще чуть лучше! Я усек! Но в разведке мне за тиграми пока не угнаться…

– Они хороши – признал я и это – Кошки на то и кошки.

– Я бы погладил ту киску… но боюсь пальцы вместе с жопой откусит…

– Проследи, чтобы те, кто плетется за телегой, толкали лучше – велел я – Когда проблюешься…

– Ага!

Вскоре, украсив природу удобрениями, рыкающий и глотающий воду орк уже был позади отряда, щедро раздавая люлей охающему мясу, что еще не восстановилось после вчерашнего.

Вчера действительно было неплохо… не прямо ад, если честно, но было неплохо.

Когда мы вернулись, я уселся проверять оружие и переваривать увиденное и услышанное. А мои ветераны взялись за новичков, выведя их за ворота и для начала уложив в широкую сточную канаву, что тянулась вдоль частокола с медведями. Что-то крича про то, что он научит их плавать в желобах с дерьмом, Рэк плюхнулся туда и сам, на самом деле показав не на словах, а на деле. Они проползли канаву несколько раз, таща на себя все снаряжение и оружие. Вытащив их, он проверил у каждого оружие. Тех, у кого оружие оказалось забито грязью он пихнул в канаву еще раз, а остальных заставил стрелять. После, помня мои требования, Рэк показал всем как быстро привести себя в порядок, как спешно почистить оружие, как держать его так, чтобы оно не окуналось в грязь и не скребло по земле при любом передвижении. Затем они поменялись с Каппой. Мечник плюхнул

своих в канаву, а Рэк повел новичков на пробежку вокруг поселения, заставляя их падать, вставать, снова падать, перекатываться, ползти, идти гусиными шагом. И он делал все вместе с ними. Повторял каждое движение. Поощрял одобрительным рыком тех, кто держался, злобно орал на тех, кто сдавался, не забывая угощать их пинками. Потом стрельбы. Еще два круга. Снова стрельбы. Финальная спешная очистка всего снаряжения, тщательная помывка, осмотр своих и чужих тел, затем поголовный медблок и только затем их допустили к уже накрытым столам. Вот тогда дорвавшийся до вкуснятины и медовухи Рэк чуть сорвался. Но это еще ладно. Озверевшее от голода и перегрузок тело требовало своего. Жрать! Я как гоблин это чувство понимаю и одобряю.

После ужина был отбой. Жесткий отбой. Никакого общения. Всем спать. Это я приказал отдельно и очень жестким голосом, озвучив лично. Наемники мы или нет, служим за деньги или славу – плевать. Дисциплина будет армейская. И мне насрать. Мне вняли. И отрубились.

Я сам спал всего три часа. Дождался посылку. Получил задание. Ознакомился. Растолкал сержантов и велел трубить подъем. Следом была разминка – рекруты после вчерашнего окостенели настолько, что многие и ходить не могли. И вот после разминки был столь же обильный завтрак. И Рэк снова сорвался, набив себя как поросенка перед тем, как сунуть в духовку – даже яблоко из пасти торчало. Оно уже не лезло в переполненную утробу, но сержант упорно держал его в пасти, старательно посасывая.

Посасывающий сержант…

Оглянувшись на удивительную повозку, я убедился, что драгоценный груз по-прежнему с нами и продолжил сканировать местность, по несколько раз вглядываясь в каждый холмик, в каждое пятно пожухлой травы, в каждую лужу с потревоженной ряской.

Повозка примечательная. Стальной контейнер высотой в два, шириной в три и длиной в три метра. К нему приварены железные оси. На оси насажены стальные колеса высотой в мой рост. Спереди крепкие и длинные оглобли. Сзади дугообразная толстая полоса – удобно толкать. Лошадей или машины не предлагалось. Но и так все ясно – впрягайтесь, гоблины! Время бурлачества вернулось…

Контейнер плотно закрыт. Никаких замков, защелок. Нет и сенсора – что логично. Будет тупо, если мы дотащим нужную посылку до места, но окажется, что электроника сдохла и мы не сможем вскрыть долбаный ящик. Поэтому мне вручили… гаечный

сука ключ. А крышка контейнера была затянута на хренову тучу гаек. И ведь я даже возразить ничего не могу – логично. Никакое зверье вскрыть не сможет. И не каждый разумный справится – гайки нестандартные, почти круглые, такие еще попробуй защеми. Но если я потеряю ключ… поэтому мудрая система присобачила к ключу цепь. И вот я гоблин несу на шее дополнительную тяжесть – ключ покачивается под панцирем на груди, ударяясь о прилепленную аптечку.

Хочешь смейся, хочешь плачь…

Шагнув чуть в сторону, я мягко взялся за винтовку, начал было поднимать… и опустил, опознав спешащую нам навстречу парочку.

Тигры вернулись. И тащат добычу – насаженного на палочку гоблина… гоблин жив и тихонько повизгивает, бессильно помахивая головой.

Охренеть…

Хорошо хоть не за «вертел» тащат – за руки и ноги. А длиннющая палка так и торчит, входя где-то в районе жопы, а выходя из плеча. Тигры сперли чей-то ужин прямо с костра?

Притащившие гоблина разведчики радостно улыбались, сознавая насколько нелепой и гротескной выглядит их находка. Достаточно бережно опустив «гостинец» на бетон, они устало то ли уселись, то ли улеглись рядом в позах невозможных при нормальном телосложении. Кошка так ляжет. Гоблин – нет. Ну или надо охренеть каким гибким. Отметив в голове и их гибкость и то, что они дышат слишком тяжело, я тоже присел, задумчиво глядя на стонущего в бетон гоблина.

Толстая сучковатая ветвь на самом деле вошла в не в задницу, а в левый бок, после чего пронзила все тело под небольшим углом и вышла из правого плеча. По идее этот сучковатый кол – даже если забыть про остальные внутренние органы – должен был пронзить и сердце. Но гоблин почему-то продолжал жить вопреки всему. Но это ненадолго – мелкая периодическая дрожь, побелевшая кожа, частое неглубокое дыхание, стекающая из уголка рта почти черная кровь… ему осталось мучаться совсем чуток.

– Уже… – выдохнул гоблин – Уже не больно… уже тепло…

– Кто так с тобой? – поинтересовался я, глядя на запекшуюся и забитую землей входную рану. Кол залепило как пластырем. Но внутреннее кровотечение это остановить не могло.

Гоблин меня не слышал. Трясясь, он бубнил, с каждой секундой говоря все быстрее:

– Мы пошли далеко от дороги. Далеко! А затем Боблс говорит – давай посмотрим клетки… ну давай… краем сука глаза…

прокрались… а там… там быки и козлы в боулинг живыми кричащими шарами играют… так кричали… мы видели! ВИДЕЛИ! Огромный бык… бросил связанную на песок… воткнул ей пальцы в глаза… другой рукой начал резать ей шею… сзади… она так кричала… так кричала… а он медленно дорезал, а потом швырнул! А там столбики из голов пробитых арматурой… как кегли! Кегли! Он попал и все кричат стра-а-ай-йк! Стра-а-а-ай-йк! Но не страйк! Бык чуток промазал. Один столбик устоял… всего один… и он ревет – мне нужен еще один визгливый шар! Тащите кучерявого! И к нему – к огромному миносу… подтащили его одного… и ему пальцы в глаза. Хлюп! И шар насажен… осталось отрезать лишнее и можно бросать… я… я… я не выдержал и побежал… нас заметили… но я бегаю быстро. Я бегун! Я бежал километры! А потом вижу – шумит и бурлит! Вот лазейка! И я прыгнул… затем огонь внутри… боль внутри… боль! Я виноват. Виноват. Прости меня, Боблс! Прости! Тебя поймали! Я видел. Тебя поймали… Выбей страйк, Боблс! Выбей страйк, дружище! Ты заслужил страйк! Ты победитель!

Выложившись в этом крике, гоблин с тупым стуком врезал головой о бетон, скрипнул зубами и затих.

– Ладно – кивнул я задумчиво и поднял глаза на отдышавшихся тигров – А теперь вы.

Разведя лапами, тигр заговорил:

– Нашли его у берега. Там узкая, но с сильным течением река. Небольшой водопад выше по течению метрах в четырехстах. Сперва думали, что это труп. А он как шевельнется. Мы глянули, оценили. И решили отломать вместе с веткой сосновой. Это же сосна? Пахнет хвоей и говном…

– Ясно – произнес я, поднимаясь – Хвоя, боулинг и говно… Спасаясь от погони прыгнул в водопад…

– И сам себя насадил на кол – продолжил за меня Каппа и медленно кивнул – Так и должен умирать предатель. Он искупил. Но лучше бы кол вошел в задницу и вышел через рот. Это было бы истинным искуплением.

– Продолжаем – махнул я рукой и удивленно глянул на сгрудившихся бойцов, не могущих отвести взгляда от насаженного на кол придурка – Чего встали?! Все по своим местам! И вперед!

Через полминуты отряд продолжил движение, фланговые звенья снова отошли на пару десятков метров, тигры же легко запрыгнули на двигающуюся повозку, усевшись рядом с возлегающим Баском, чья болезнь снова свалила его с лап. Поймав мой взгляд, он зашевелился, начал сползать с повозки, но я коротко рявкнул, и он затих, прижавшись щекой к металлу и

слепо смотря в пространство. Но лежащий рядом дробовик он держал цепко. И пусть оставался вялым, всего равно выглядел уже не настолько дохлым.

Мы двигались по бетонке, обеспечив себя разведкой и флангами прикрытия. За тылом приглядывала намеренно отставшая тройка бойцов набранных нами еще в Угольке. Те, кто пережил первую «давилку», с каждым днем становились сильнее и злее. Но я на них особо не полагался, заставляя одного из сержантов брать с собой пару рекрутов и с ними отбегать метров на шестьсот, чтобы осмотреться и убедиться в том, что за нами не топают потихоньку прячущиеся в складках местности злыдни.

Складки местности… странноватое выражение, что как нельзя точно подходило к окружающей нас панораме. Эти природные красоты намеренно расположены так, чтобы окружающее пространство казалось безграничным. Перепады высот, рощицы там и сям, озерца, без нужды петляющие старые русла ручьев, каменные осыпи, что едва сдерживались хвойными деревьями. Шумящий водопад в стороне от дороги. Вроде мелочи. Но это приводило к тому, что взгляд безостановочно метался от одного нового объекта к другому, а млеющий от удовольствия первобытный мозг чувствовал себя на седьмом небе и требовал шагать и шагать дальше, чтобы доза удовольствия никогда не кончалась. Думаю, что в старые «начальные» времена та же самая Тропа Здоровья была очень популярна среди здешнего люда. Возможно многие двигались по ней постоянно, раз и навсегда завязнув в закольцованном бытии вечного путешественника. А вот эти боковые тропки и дорожки, что подобно спицам громадного упавшего колеса, ведут от «обода» Тропы к некоторым достопримечательностям и селениям, только добавляют реалистичности этому миру и позволяют комфортно добраться до самых интересных его частей.

Во всяком случае так планировалось. Вот только что-то очень сильно пошло не так.

Как результат – разбитые памятники, заброшенные музеи, разрушенные зоопарки, спятившее зверье, воющие в лесах изуродованные машинным правосудием призмы и робкие блеющие гоблины, что давно уже превратились в домоседов и предпочитают носа из родных селений не казать.

Зверье…

Вон оно валяется меховыми кучами вдоль дороги.

Крупный волк с длинной воспаленной раной во весь правый вздутый бок, его голова пробита парой игл. Еще один волчара лежит чуть в стороне, уткнув исполосованную рубцами морду в песок. Их уработали проносящиеся над нашими головами

«голуби», что несут мертвый покой и посмертную радость вышедшим к дороге больным зверушкам. Без веского повода система не может пристрелить разумного, но вот зверей мочит с бесстрастной готовностью. Белку-то нахрена? Откинув ботинком лежащего на бетонке поседевшего и странновато раздутого зверька с облезлым хвостом, я пошел дальше, медленно осматривая черного медведя лежащего рядом с объеденным трупом гоблина.

Дроны проносились над нами чуть чаще, чем один раз в час. Это показывало, насколько сильно система заинтересована в починке полусфер и искоренению сумрака на пути, ведущем от Тропы к Кронтауну. Задумчиво поглядев на раскрашенное синим стальное небо, откуда было бы так удобно наблюдать за происходящим на грешной земле – так удобно и так по божественному – я оглянулся на допотопную повозку со стальным системным глазом и тяжело вздохнул. Логика… никакой сука логики… или она есть, но я ее пока не осознал.

Еще через полчаса ко мне подбежал покрытый пылью Каппа, жестом погнавший сопровождавших его бойцов вперед. Мечник доложил:

– Идут в паре километров за нами. Идут очень медленно.

– Чернобородый?

– Его отряд – кивнул азиат и на пару секунд приложился к фляге – И к нему прибилось еще немало… всяких… есть и несколько телег с ящиками.

– Хорошо – кивнул я – Бери с собой четверых посвежее, прихватите чего пожрать и топайте на тот взгорок. Наблюдайте. Когда между нами останется километр – сообщите.

– Понял, командир – без нужды поправив висящий на стальной груди бинокль – выпросил у меня на время – Каппа чуть выпятил нижнюю губу, глянул на Рэка и отправился выполнять задание.

Усмехнувшись, я жестом подозвал орка и велел:

– Привал. Прямо щас. В темпе проверять копыта и все трущиеся места, осматривать снарягу и оружие.

– Так ведь даже не прошли толком… – удивился орк.

– Знаю – кивнул я – Но дальше пойдем дебрями. Предупреди всех – никакой пальбы из огнестрела пока я не разрешу. Ты в ответе.

– Понял. Уходим с бетонки?

– Ага. Тигров ко мне.

– Ща!

Когда бесшумно подбежали еще более пропыленные хищники, я в нескольких словах описал то, что хочу проделать,

после чего отправил их отдыхать.

Сам же, взобравшись на повозку и усевшись рядом с дремлющим Баском, вцепился зубами в белковый батончик, с небольшой высоты оглядывая рассевшееся и разлегшееся мясо. И я уже видел из кого в будущем может выйти толк, а кто, скорей всего, не переживет первый же бой. Я видел и тех, с кем в будущем возникнут проблемы – если не принять жестких мер прямо сейчас. Это видно по их взглядам, по их позам, по тому, как они оценивающе поглядывают на всех, кого считают слабее себя. Но я вижу и то, что расхаживающий среди бойцов Рэк тоже многое замечает и не скупится на тычки ботинком, на злые окрики и поторапливания. Не забывает он и про себя, мерно жуя и делая глотки из бутылки с чем-то красным.

– Километр! – предупреждение Каппы донеслось минут через двадцать.

Двадцать минут на километр?

Очень медленный темп продвижения.

– Подъем! – велю я и спрыгиваю с повозки – Тигры! Мне нужен маршрут! Рэк! За полосатыми марш!

– Есть!

– Есть!

– Да, лид!

Уже через несколько минут – медленно! – отряд поднялся, развернулся и двинулся прочь от бетонки, шагая по зеленому узкому лугу, зажатому между двумя рощами. С одной стороны шумят березы, с другой лесок потемнее и посерее. Повсюду высокие кусты и обилием синих и красных ягоды – настолько крупных и сочных, что сразу напрашивается вывод о одомашненных или даже выведенных лабораторно культурах. В дальнем от нас ягоднике блаженствовал крупный бурый медведь, набивая мохнатое пузо сладким угощением. На нас он не обратил никакого внимания – идут и идут себе мимо тощие гоблины, невкусно пахнущие потом и железом. Щебечущие птицы, стрекочущие и пиликающие насекомые, влажная духота, яркий солнечный свет – все это навевало сонный лад. Но я расслабиться себе не позволил и не пропустил появления в «темном» лесу еще более темного высокого силуэта. Зверь. Большой могучий зверь, вставший за стволом старого дерева и внимательно смотрящий на проходящий отряд. Солнечный луч пробился сквозь лиственную крышу и высветил рыжий с черными подпалинами мех, обрубок уха на мощной полускрытой деревом голове. Успел я заметить и мигающий под основанием уха голубой огонек. За нами наблюдал еще один зверь-хранитель напичканный электроникой и несомненно имеющий важную цель. Рощица осталась позади.

Еще через минуту ведущие нас тигры круто свернули, и мы последовали за ними, на этот раз спускаясь в широкий неглубокий овраг. На его заросшем каменистом дне шумел ручей, но ни тигров, ни меня это не смущало. И повозка, с ее высоченными колесами, с легкостью преодолела столь мелкие препятствия. Прогрохотав, сдирая с камней зеленую корку лишайника, мы пошли на штурм склона. Я продолжил сидеть на повозке, держа под рукой игстрел и придерживая ногой проснувшегося Баска, вцепившегося в край контейнера. Залегшего под упавшим на склон еще живым дубом зомбака я увидел сразу. И тут же всадил ему в башку две иглы, утопив по одной в каждом глазе. Огорченной слепотой зомби подпрыгнул… и угодил под удара топора одного из рекрутов, лишившись головы. Переведя оружие, я наугад прошелся иглами по густой зеленой стене очередного ягодника, чем спровоцировал очередную тварь показаться и угодить под чуток трясущиеся злобные тесаки. Глянув на мелко нарубленный булькающий мясной салат – на зомбака пришлось ударов двести – я поморщился и зло глянул на хватающих ртами воздух придурков. Двое зажимали раны на руках. Третий тупо смотрел на правую ладонь лишившуюся трех пальцев.

– Культы и жопы пеленать на ходу! – буркнул я и Каппа тут же наградил лишившегося пальцев гоблина пинком в поясницу, возвращая его к реальности.

Убедившись, что отряд снова двигается, я добавил:

– Головы зомбаков отхерачить и передать Баску – пусть развешивает.

Войдя в лесок, мы спустились с очередного склона, обогнули пару потрескавшихся глыб и принялись за очередной подъем. Охающие и пыхтящие гоблины изо всех сил толкали повозку, упираясь в нее плечами, руками и даже лбами. Когда кто-то из толкающих или тянущих вдруг решал чуток передохнуть, он тут же натыкался на мной мрачный взгляд и мигом возвращался к делу. Взобравшись на вершину поросшего лесом холма, мы прошли еще метров двадцать и здесь я объявил привал. Обрадованные гоблины повалились на мягкую травку. Кто-то потянулся к незнакомым лично мне лиловым ягодами и на его пальцы тут же опустился мой ботинок. Вдавливая хрустящие пальцы в землю, я произнес в искаженное испуганное лицо:

– Ягоды могут вызвать гребаный ураганный понос. Он обессилит тебя, сделает мертвым никчемным грузом с мокрыми склизкими штанами, и я перережу тебе глотку, чтобы ты не тормозил нас. Так что? Хочешь скушать ягодку, мясо? Давай. Кушай…

– В жопу ягодки, лид!

– То есть все же хочешь?

– Нет! Во вражескую жопу весь сука этот куст!

– Вот теперь правильно мыслишь боец – удовлетворенно кивнул я, убирая ботинок – Пусть они жрут странные ягодки. А мы потом будем жевать наши протеиновые батончики и стрелять по их воспаленным поносным жопам. Да?

– Отныне это моя мечта, лид! Покажите мне воспаленную жопу! Дайте цель!

– Хорошо… – усмехнулся я и требовательно зашевелил пальцами в воздухе.

Шевелить пришлось секунд двадцать, прежде чем донельзя грустный Каппа вернул мне бинокль и занялся протиркой пыльного снаружи и мокрого изнутри забрала шлема. Едва он приступил – тут же схватились за шлемы и «его» бойцы. Хорошо. Такие рефлексы я одобряю.

Дав тиграм отдохнуть, я, шагая к выбранному камню, приткнувшемуся к старой согнутой березе, я на ходу отдал пару приказов и от отряда выдвинулось три пары дозорных, что залегли на трех разных склонах облюбованного нами холма.

Этот холм я заметил еще с дороги. К нему и приказал вести нас таким путем, что он даже издалека казался очень сложным. Потому мы и ныряли в овраги, потому и штурмовали склоны, оставляя видимый даже с дороги след.

Усевшись на камень, я открыл флягу, прижался спиной к теплому шероховатому стволу, сдул с коры любопытно шевелящегося длинными усами и шипастыми жвалами жукам, сделав пару медовой воды, приложил к глазам бинокль, смакуя растекающуюся по языку чуть горьковатую сладость. Умеют же сделать напиток – не хмельной, не приторный, но при этом бодрящий и питающий.

Ну и что у нас на дороге?

А на дороге у нас веселое зрелище – злобный чернобородый командир пинающий распластанного болтуна, а рыжий пытается его унять.

Келлий месит Петроса. А отряд стоит и смотрит. У многих ухмылки на лицах. У многих безразличие. Но все чаще бинокль выхватывает на их лицах тревожное испуганное ожидание чего-то пока непонятного, но наверняка плохого.

Еще бы. Ведь они думали, что шагают за щитом. Что их бесплатное прикрытие – мы – возьмет на себя первый вражеский удар. А это, в свою очередь, позволило бы им издалека трезво оценить ситуацию и принять верное решение.

Развернуться и уйти к Медвежьему Полю – в безопасность.

Дождаться финала чужой драки и либо продолжить идти за теми из нас, кто выжил и победил.

Дождаться финала и добить обескровленного противника, небрежно шагая по нашим трупам.

Так и так – они в выгоде.

Так и так их шкуры целы.

А тут бах… и гребаный ушлепок Оди вдруг их поимел, круто свернув с бетонки и по непролазным с виду дебрям уйдя непонятно куда. Природа поглотила нас… и Петрос, что наверняка не удержался от очередного язвительного замечания в адрес недальновидного командира, сейчас принимал боками тяжелые удары и уже не шевелился, ерзая ободранным лбом по дороге. Кинувшийся рыжий уперся плечом в живот командира, оттеснил его, перехватил ствол дробовика – интересного дробовика, необычного – что-то закричал в перекошенный яростью светозарный командирский лик.

Секунда… другая…

Сплюнув, Келлий отошел, содрал с пояса флягу и надолго присосался к ней. Оторвавшись, поморщился, выдохнул, сделал еще пару глотков. Нихрена себе… судя по роже он сосал из фляги самогон. И высосал разом грамм триста – это на разгоряченный то долгой ходьбой и буцканьем Петроса организм.

Как хорошо… люблю, когда дебилы в трудной ситуации прикладываются к бутылке горячительного ради успокоения.

Это всегда облегчает мне дело…

Давай, Келлий, давай… у тебя снова три варианта развития событий.

Вернуться обратно в Медвежье Поле, а оттуда к перекрестку и терпеливо ждать сбора толпы.

Свернуть с дороги и пойти по оставленным нами следам. Но с твоими взятыми на буксир повозками… с теми пузатыми и явно не героями, сопровождающими… с теми испуганными девками сидящих на повозках и нервно разглаживающими складки на длинных юбках…

Еще ты можешь сделать самое-самое тупое, но при этом самое очевидное и одновременно ожидаемое мной…

Зло топнув, Келлий еще злее заорал и резко махнул рукой, указывая направление. Рыжий мудрец попытался возразить, но его тут же послали куда подальше, затем командирская рука резко хлопнула по висящему на боку дробовику.

Ну да… посыл понятен – если еще хоть одна гребаная сука вздумает оспаривать мои приказы, вздумает возражать, то я…

Вот только не время и не место сейчас насаждать авторитет, Келлий. Если не уверен – прислушался бы. Но гонор и злоба

гонят тебя вперед.

Гонят по дороге – именно на нее и махнул тупой командир.

Повозки шатнулись, дебилы шагнули, лежащий Петрос шевельнул жопой. Их геройский отряд продолжил движение по гиблому большаку, направляясь точно к заброшенному Зоопривольо.

Я зло оскалился. Ну да… все как и ожидалось…

Повернув голову, я наткнулся взглядом на лежащих бок о бок тигров, смотрящих на меня с терпением хищников или даже падальщиков.

– Идем рядом с ними. Параллельно тропе. Не знаю насчет них, но нас точно не должна заметить ни одна падла. Выдвигайтесь вперед и смотрите в оба. Возьмите бинокль. Подмечайте каждую мелочь. Ведите нас тихо и скрытно. И если кто встретится…

Тигрица молча провела когтем себе по горлу и зверолюди бесшумно поднялись.

– Ты очень злой – улыбнулась мне Тиграла – И безжалостный.

– Знаю – вернул я улыбку.

– И тебе плевать на людей.

– Знаю.

– Это хорошо – подытожил Тигр, принимая от меня бинокль – Это хорошо…

Через мгновение они будто растворились в густой колючей траве, оставив на зеленых колючках пару рыжих шерстинок. Медленно шевелил лапами раздавленный давешний жук, смыкая и размыкая не спасшие его грозные жвала. Из щелей в хитине медленно вытекала зеленоватая слизь, обломанные усы шевелились все медленнее. Подоспевшие к концу агонии красные огромные муравьи деловито собирали жучиные кровь и кишки, уносили отломленные лапы. Поглазев на раздавленного тигриной лапой жука, я бросил взгляд на медленно шагающий по дороге чужой отряд и поднялся. Надо торопиться…

* * *

На отряд чернобородого Келлия напали в полдень.

О нападении я узнал минут за десять до того, как оно случилось.

Мне даже бинокль не понадобился. Стоя на одной из нижних ветвей вековой сосны, не обращая внимания на тигров и Рэка занявших другие ветви, я видел как медленно и неумело смыкались смертельные клещи вокруг ни о чем не

подозревающих придурков весело шагающих по дороге прямо к смерти.

Келлий не забыл выдвинуть вперед и в стороны разведчиков.

Первой погибла левая двойка, что лишилась голов и части потрохов едва только зашла за массивный булдыган. Их прикончил всего один призм с правой рукой-лезвием и левой в виде клешни.

Следующей умерла правая двойка. Их убил громадный минос. Деталей я не видел – слишком далеко. Даже в бинокль не все разглядишь. Но его доспехи и мелькнувшие в зарослях рога прояснили личность убийцы. Как и способ – когда минос неумело крался от места убийства, в его руке покачивался тяжелый тесак. В другой руке бычара держал наткнутую глазами на пальцы отрубленную голову.

Передняя тройка наткнулась на обычных гоблинов, вооруженных дробовиками. И здесь случилось немыслимое – разведчики, гипнотизируя перепуганными взглядами прижатые к их переносицам стволы, послушно громко проблеяли родному отряду что-то вроде «Все в порядке», махнув над кустами дрожащими ручонками. У них был шанс предупредить шагающий следом за ними отряд. Но они этого не сделали, понадеявшись непонятно на что. Их убрали умело и быстро – вроде как обычными свиноколами. Ну как умело… рты им все же пришлось затыкать ладонями и один из разведчиков успел перед смертью погрызть лапу убийцы.

Я наблюдал, считая, запоминая, предполагая, шаря взглядом по не подающим признакам жизни дебрям, непрестанно строя и расширяя схему касающуюся здешних хозяев.

Тем временем, лишившийся глаз и ушей, но не подозревающий об этом отряд дебилов бодро промаршировал еще метров пятьдесят, поравнявшись с нами – последние километры мы шли с опережением вдоль дороги.

Ушедшие вперед тигры первыми принесли вести о затаившихся впереди гоблинах, что явно замыслили что-то недоброе. Причем разбойники затаились грамотно. Очень грамотно скрылись под покрывалами из листьев и веток, забились меж камней. Причем сделали они это вроде как даже с излишней тщательностью и вообще без нужды – их позицию нельзя было увидеть с дороги. Но они спрятались, они не курили, не готовили пищу, не пели, не наигрывали и не насвистывали губами или жопами мелодии, они не шумели. А это уже дисциплина. Причем явно вбитая многими сильными ударами так крепко, что гоблины и пошевелиться лишний раз боялись. В общем, спрятались они так хорошо, что даже лесные хищники

тигры могли вляпаться, если бы не повозки – вот где был прокол в маскировке. Несколько пустых вместительных телег были спрятаны очень надежно. Более того – они стояли в специально подготовленном вроде как загоне, что сразу бросилось тиграм в глаза. Были посажены – не воткнуты обрубками в землю, а посажены и политы – густые взрослые кусты, причем в несколько рядов, что вкупе с деревьями образовало этакий загон. Выезд из загона – на противоположной от дороги стороне. Внутри четыре деревянные повозки с крепкими большими колесами. Укрытие идеально в плане визуальной маскировки – хрен увидишь. Но вот запах… повозки смердели мясом и дерьмом. Свежатина, тухлятина – все перемешалось. Дерево пытались отмыть и даже отскрести – тигры успели неплохо разглядеть повозки и затем уже обнаружили местонахождение разбойничков – но все равно повозки воняли. Это позволило мне понять главное – вот место удара. Мы приблизились к точке, где обычно пропадают идущие в город гоблины. Здесь их убивают или пленяют, грузят тела и их добро на повозки, которые уже доставляют в основной лагерь.

Где находится их главный лагерь я тоже догадывался – пронзенный от жопы до шеи гоблин ведь блеял что-то про клетки и боулинг. Есть хоть какие-то ориентиры. Есть и четкая цель – я знаю, где находится место, куда следует доставить новую полусферу. Вот только соваться туда рановато – сначала надо основательно обескровить тех, кто считает себя хозяевами этого места.

Увидев, как вокруг все еще ни о чем не подозревающего отряда смыкаются клещи, я мельком оценил атакующих и спрыгнул на пружинящуюся подушку из хвои и мелких веток. С недовольным писком прыгнула в сторону белка дожевывающая крупного красного кузнечика. Рядом со мной приземлились тигры, упал Рэк, вырос как гриб Каппа. Не обращая внимания на то, как умело тигры перетягивали мое внимание на себя, заставляя считаться со своим присутствием и нервируя тем самым ветеранов и зля набранных еще в Угольке бойцов, я быстро и четко перечислил то, что желалось мне в текущий момент.

Как оказалось желалось мне прямо немалого. Каппа, взяв десятерых, побежал между деревьев вниз, догоняя рванувших выполнять мокрое задание тигров. Рэк занялся остальными, стронув с места повозку. Взбодренный энергетиком Баск уселся, закрепил себя ремнями и положил на колени дробовик. Убедившись, что в целом все по плану, я побежал, уходя чуть в сторону и прокладывая себе новый маршрут, ведущий к той же точке, куда стремились тигры. Меня гнал азарт – кто успеет первым? Кто лучше? Я? Или измененные зверолюди?

Я опередил Тигра на пару секунд, первым пролетев мимо мирно ссущего разбойника с задранным к небу блаженствующим лицом, на бегу глубоко полоснув его ножом по горлу. Он тихо закричал, зажимая перехваченную артерию, но его крик мне и был нужен – с травы подскочило еще два сони, выдавая свое положение. Ударив по еще одной глотке, я… остановился, глядя, как недовольные своим опозданием тигры расправляются с притаившимися обозничками. Когда подоспел Каппа все уже было кончено, землю обильно удобрила пролитая кровь, местность украсилась трупами.

Как раз в этот момент раздался первый залп, а затем от скрытой деревьями дороги понеслись испуганные крики, заглушаемые новыми выстрелами и звериным воем.

В земле у моих ног откинулся небольшой люк, из дыры выглянул сонный дедок, зевнувший и с завистью заметивший:

– Сучки визжат. Трахать их будут…

– Наверное – согласился я, мягко перерезая дедушке горло, столь же мягко надавливая на его лысую макушку, впихивая брызжущего кровью ушлепка обратно в неглубокую узкую яму, ставшую его могилой.

Прикрыв люк над бьющимся в агонии дедком, я махнул рукой:

– Дальше. Глубже. Больнее.

– Хороший девиз – согласилась усмехнувшаяся тигрица, жадно нюхающая воздух – Тот призм?

– Тот призм – кивнул я, бросив взгляд на подходящий основной отряд и опять бросившись бежать.

Когда я уже смогу ничего не делать?

Шастаю тут по лесам в поисках огромных кузнечиков – прямо как давешняя белка…

Ломанные шастанья – а в лесу попробуй иначе – кривой удачи вывели меня прямо на вражеского призма, который, надо отдать ему должное, услышал мое приближение и был настороже. Вылетев на крохотную поляну с разложенными трупами разведчиков, я круто затормозил в полутора метрах от выставленной вперед клешни.

– Ну здравствуй, мягкий – издевательски прострекотал призм, явно приняв меня за убежавшего с дороги труса. Тут он заметил за моей спиной пару прикладов и стрекотать перестал, делая резкий замах лезвием.

Отпрыгнув, я молча рванул прочь. И получил в спину новое издевательское и обрадованное одновременно:

– А ты все же мяг…

Коротко глянув через плечо, убедился, что напрыгнувшие

сзади тигры не зря мясо ели, успев не только перерезать кузнечику глотку, но и оторвать ему клешню. Брызжа зеленоватой кровью, хрипя, кузнечик завертелся смертоносной юлой, срезая высокую траву, кусты и перерубая тонкие деревца. Налетев на камень он наконец-то остановился. Дальше я уже не глядел, сосредоточившись на выполнении плана.

Двоих гоблинов, что тащили куда-то безвольно волочащуюся девку, я встретил метрах в двухстах от последней остановки. Встретил… и опять пробежал мимо, вызвав изумленные недоуменные вскрики. И эти тупорылые поступили так же, увидев пробегающего мимо вооруженного незнакомца – бросили девку, схватились за оружие, развернулись ко мне и… умерли, когда их настигли урчащие огромные кошки.

– Ой мама… – причитала бьющаяся в траве полуразделетая девка – Ой сука мама… домой хочу! Домой!

Всем было плевать на причитания поздновато опомнившейся деревенщины, только сейчас понявшей, что большой мир жесток, похотлив и ему плевать на красоту и глубину твоей души. Мы оставили ее среди трупов.

Еще тройку возжаждавших женской плоти мы обнаружили среди зарослей. Эти уже успели дорваться до самого вкусного и были так поглощены, что нас увидела только их жертва. Ее мы тоже оставили в тех же кустах, не обращая внимания на ее чуть разочарованное «спасибо» полетевшее нам вслед.

Я знал, что так и будет. Я знал, что есть несколько типов подобных ублюдков. Первый тип больше всего жаждет женской плоти – ну или мужской. Первым делом хватает объект желания и тащит в кусты или же раскладывает прямо на дороге. Второй тип ублюдков ориентирован на добычу – кроны, оружие, снаряжение, личные вещи. Это их интересует. Это они хватают в первую очередь. Пока первые лапают в кустах нежную молодую плоть, эти хитрованы режут морщинистые шеи старух, срывают украшения, рубят пальцы с перстнями. Третий тип думает только о кровопролитии. Этим не нужен секс, не нужно бабло, они во время налета пытаются унять жажду крови, пластая и пластая тесаками уже мертвое мясо.

Четвертый тип… те, кто воспринимает это как работу. Для них нет разницы. Работа и работа. Резать глотки или окучивать капусту – для них все одно. Более того, эти ребятки, отмывшись от крови, попав в городской трактир, не борзеют, не строят из себя крутых, скромно сидя в темном уголку, тихонько потягивая пивко и исправно оплачивая счета. Они заплатят сполна и в борделе. Если их пьяных будет отчитывать деревенский верг, они, с уважением сняв шапки, будто покорно кивать и извиняться, но

за ножи не схватятся. А потом вернутся в леса и снова начнут равнодушно убивать, в свободное время мечтая о отпуске и холодном пивке.

И последний… тот, кто во главе. Тот, кто послал разбойников в очередной рядовой налет за боеприпасами и свининой. Тот, кто все организовал – включая загоны для мясных повозок и укрытия для личного состава банды. Этот тот, кто хочет здесь вечного сумрака – вот его главная цель. Ведь именно в сумраке он может увеличивать свою армию и расширять свою территорию. И этот «кто-то» не может не торопиться – он знает, что однажды система не выдержит и пошлет сюда боевой отряд настоящих героев – оттуда, с Кронтауна. Вернее, система уже это сделала и послала сюда меня, решив положиться на однажды уже оправдавшего ее доверие подземного гоблина Оди. И столь предусмотрительный хозяйственный главарь не мог этого не ожидать. Поэтому я и не тороплюсь к его давно обжитым территориям – к Зооприволью. Сначала надо пройтись по краешку.

Проблема в том, что кое-что не вязалось с последним типом – с главарем.

Где он?

Тот огромный минос, что втыкает пальцы в глаза визжащих от боли и ужаса жертв?

Не верю. Не верю и все тут. Главарь должен быть другим. Должен быть иным. Кем-то столь же страшным, но при этом кем-то поумнее. Минос в вызывающе красных доспехах… нет. Не он.

Как не верю и в то, что это следы миноса я видел на той лесной прогалине. Нет. Там прошагал кто-то покрупнее и потяжелее.

И причем здесь требование отдать ребенка? Хотя это может быть всего лишь легендой. Послышалось что-то одному из чудом спасшихся гоблинов, он добавил еще от себя и вот результат – демон ходит по лесам и требует отдать ему ребенка, чтобы принести его в жертву… гребаный бред.

Ладно… можно не гадать – скоро у нас появится хотя бы парочка говорливых разбойничков, что с великой радостью расскажут мне все их секреты и подробно опишут каждую деталь внешности главаря, включая точное количество родинок на всех частях его тела. Они у меня хором и на все голоса споют про своего главаря и…

Тяжелый удар из-за пригорка чуть замедлил меня и заставил удивленно взглянуть в ту сторону – я не смог определить природу звука. Следующий звук – такой же тяжелый удар о землю – меня притормозил куда сильнее. А третий звук заставил меня остановиться и круто развернуться к новой опасности. Из-за

пригорка донесся резонирующий грозный рев, затем земля снова дрогнула у меня под ногами.

– Ладно – кивнул я, снимая с плеча винтовку – Хрен с ним… убедили… это кто-то прямо большой.

– МАЛЬЧИК! ГДЕ МАЛЬЧИК? ОТДАЙТЕ МНЕ МАЛЬЧИКА! Я НАЙДУ ЕГО! НАЙДУ-У-У-У-У-У! – хриплые крики переросли в еще более злобный рев, земля задрожала сильнее и чаще.

– Тигры в шоке! – сообщила мне остановившаяся тигрица, стряхивая с когтистых пальцев кровь – Это нахрен кто?!

– Посмотрим – ответил я, снова переходя на бег – Посмотрим…

– Один бесхвостый убежал. Шустрый! Как раз туда и рванул – сообщил догнавший нас Тигр.

– Кто-то злой – добавил пристроившийся с другой стороны Каппа, с трудом скрывая рвущееся наружу возбуждение – Кто-то грозный!

Обернувшись, мечник велел топающим следом гоблинам:

– Не отставать в беге к смерти!

Ему надо поработать над мотивационными девизами…

Мы уже оббегали пригорок, когда оттуда донесся еще один яростный рев:

– ТЫ СМЕЕШЬ БЕЖАТЬ?!

В ответ послышалось скулящее:

– Великий и грозный! Нас атаковали с фланга…

– ЗНАЮ! ПОЭТОМУ Я ПРИШЕЛ! УБЕГАЕШЬ?! ТВАРЬ!

– Нет! Я…

– УМРИ, ТРУС!

Шлепок.

Над кронами деревьев, беспорядочно крутясь, пролетело нечто, шлепнувшееся спиной на острый расщепленный пень и затихшее. Глянув на уцелевшее лицо, Тигр сообщил, перепрыгивая подохшего:

– Тот бесхвостый что утек.

– А теперь растекся – с горловым смешком добавила тигрица, намекая на вытекшее из разорванного чудовищным по силе ударом гоблинского пуза дерьмо.

– Стоп! – приказал я, останавливаясь у очередной поросшей молодым кустарником каменной гряды, идущей вдоль русла неглубокого ручья – Залечь!

Забегать за пригорок я не собирался. Зачем, если, судя по становящемуся все тяжелее топоту, противник сам направлялся прямиком к нам и явно не боялся шуметь…

Упав, я чуть поерзал, выбирая место поудобней и в итоге угнездился на песчаном ложе меж двух камней. Остальные с

шумом попадали рядом, щелкая и звеня оружием.

– Пока я не выстрелю – не дергаться! – приказал я, произнеся это почему-то не в голос, а свистящим шепотом.

Может и на меня как-то действуют эти бухающие удары чьих-то ну запредельно тяжелых… демонических мать его копыт?

– Все же демон? – едва слышно поинтересовался Каппа – Выпущен или бежал из Дзигоку… из ада? Демоны любят мясо. Много мяса… и те вонючие повозки…

– Прекратить бред, сержант – усмехнулся я, припадая к прикладу винтовки – Это не демон.

– РЕБЕНОК! Я НАЙДУ ЕГО! ОБЯЗАТЕЛЬНО НАЙДУ! – проревела шагающая громадина, что была уже совсем рядом и тут же, тем же голосом, но с совсем иной интонацией, добавила – А ДЕРЬМО! ЗАДРАЛА ЭТА ХРЕНЬ!

Еще один бухающий шаг, с хрустом раздались в стороны березы, взлетела в воздух старая листва, в воду ручья с шумом опустилась огромная четырхпалая белая лапа монстра. Или не лапа, а нога? У белых гиппопотамов ходящих не на четырех, а на двух… ногах? Лапах? Хрен с ним. Пусть будет нога.

Стоя на кромке каменистого берега, у ручья высился огромный стальной гиппопотам. Четыре метра в высоту, два с половиной в ширину, с огромным прозрачным выпуклым пузом, внутри которого сидел прекрасно различимый и крайне злой на вид мелкий гоблин. Вот он передернул плечами, злобно зыркнул по сторонам, пользуясь всеми преимуществами прекрасного обзора. Повел руками… и огромный стальной гиппо тоже шевельнул лапами-манипуляторами, водя из стороны в сторону как-то прилаженными к ними двумя штурмовыми винтовками. Одна магазинная. В другую входит длинная патронная лента, свисающая вниз, а затем уходящая за стальную задницу. За плечами гиппо что-то вроде проволочной корзины в которой стоят еще два гоблина. У одного в руках автомат, другой держит винтовку с оптическим прицелом.

– Твою мать – прошептал я изумленно – Это экзоскелет! Странный сука экзоскелет…

Более чем странный. На белой груди отчетливо видна яркая разноцветная надпись «Хранитель ЗооПриволья». Декоративная улыбчивая голова с разинутой пастью, выпячен розовый стальной язык. За головой сидящего в защитном прозрачном пузыре – исклеванном белыми знакомыми отметками – зажглась зеленая лампочка и из пасти хрипло зазвучал динамик:

– ДЕТИШКИ! ВРЕМЯ ИГРАТЬ В ВЕСЕЛЫЕ ПРЯТКИ! ДОБРЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ГИППОНЯМЧИК КЕША БУДЕТ ВАС ИСКАТЬ! – заткнувшись, гиппо сделал новый шаг вперед, пересекая ручей,

крохотный гоблин внутри злобно прошипел и экзоскелет многократно усилил его слова – ГРЕБАНАЯ ХРЕНЬ! КОГДА ЖЕ Я СМОГУ ЕЕ ВЫРУБИТЬ!

– Да норм, босс! – прокричал сверху гоблин с автоматом – Твоей харизме только на пользу!

– ЗАТКНИСЬ, МРЕЗ!

– Да, босс!

– Я ЛЮБЛЮ И ЗАЩИЩАЮ ДЕТЕЙ! ВСЕ ДЕТИ МИРА – ПОД МОЕЙ ЗАЩИТОЙ! ПРИРОДА РУЛИТ!

– Босс! – встревоженно подскочил хрен с винтовкой, смотрящий в нашу сторону – Там!

Я вжал спусковой крючок и глазастый хмырь, что уже целился в нас, пользуясь высотой позиции, поперхнулся пулей. Запрокинув пробитую башку, он выронил оружие и рухнул на дно проволочной корзины.

Выстрел.

Второй гоблин упал поверх первого, автомат остался болтаться на краю, за что-то зацепившись ремнем.

– АХ ТЫ СУКА! – взревел белый гиппо, вскидывая манипуляторы и наводя оружие на нас – СОСИТЕ МОИ ПУЛИ, УШЛЕПКИ!

– Лежа-а-ать! – крикнул я, зарываясь в песок – Вот сука!

Пронзительный треск. Воздух над нами вспороли пули, защелкали о камни, выбивая белую пыль, взрывая песок. Лежащий неподалеку гоблин подскочил, закрывая голову руками рванул прочь и тут же упал, исклеванный пулями, что нашли слабые места в экипировке.

– Я ВАС ВСЕХ ПОИМЕЮ! ВО ВСЕ ЩЕЛИ! – проорал крохотный гоблин и динамик тут же услужливо добавил – УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ! НЕ ЗАБЫВАЕМ, ЧТО ВОЛЬЕР ПРИРОДНОГО ЗАЩИТНИКА ГИППОНЯМЧИКА КЕШИ РАБОТАЕТ ТОЛЬКО ДО ПЯТИ ВЕЧЕРА. НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ! ДЕТИ! А ТЕПЕРЬ ДРУЖНО СКАЖЕМ НАШИМ ПАПАМ И МАМАМ НА ПРОЩАНИЕ… СУ-У-У-У-УК-И-И-И-И-ИИ!

– Убью! – вскочил еще один воспитанник Каппы, вскидывая дробовик – Я…

Несколько раз дернувшись, он рухнул на камни, с хрипом пустил изо рта и пробитой шеи кровавые ручьи. Чертыхаясь, извиваясь в чересчур узкой каменной щели, я выудил из кармана разгрузки зажигательные и перезарядил. Стрелять в прозрачный бронеколпак особого смысла нет. Ждать, когда у дебила закончатся патроны – это дело, но…

– Босс! Босс! – из подлеска за спиной переставшего палить главаря выскочило полдесятка вооруженных ушлепка, что тут же

принялись палить в наше каменное укрытие.

– ВЗЯТЬ ИХ! – провизжал бронированный хмырь и дернул ногами – Гранаты!

Белая громадина сделала пару шагов, разом оказавшись почти вплотную к нам. Еще через секунду на его загривке возникла пара новых гоблинов. Но этих недоумков ничему не научила жизнь и с помощью дробовика Каппа быстро доказал это, превратив лицо одного в месиво, а второго зацепив лишь краем. Но этого хватило, чтобы верещащий гоблин рухнул в корзину. Простучав по морде гиппо и прозрачному пузу, на песок упала граната. Округлая ребристая граната. С чекой. Мы оба уставились на нее одновременно – я и сидящий в пузыре. Я широко ухмыльнулся и почти не целясь прострелил бегущему через ручей гоблину башку. Сделав еще шаг придурок рухнул, из головы пошел дым и полетели искры.

– Мозг дымится – значит думает – повторил я усмешку, рывком наводя ствол на главного гоблина.

Тот инстинктивно отшатнулся, громада белого гиппо со скрежетом качнулась.

– СУКИ-И-И-И-И!

На этот раз почти все пули достались мне. Вжавшись в песок, я терпеливо ждал, понимая, что если даже чуток приподниму башку…

– Граната! – тревожно крикнули слево.

Тут же раздавшийся хлопок взрыва и последовавшие крики дали понять, что долго нам так не продержаться.

– Демоны – процедил я, рывком подтягивая под себя ноги и бросаясь вперед, едва гребанный гиппо прекратил палить – Сука!

Прыжок. Подхватив гранату, я перекатился, чудом избежал попадания под опускающуюся стальную ногу, ухватился за низ корзины, взобрался по вибрирующей сетке и перевалился внутрь, упав на окровавленные тела. Выпрямился я уже с автоматом, разом упокоив двух лежащих за бревном умных ублюдков, укоротив им штаны вместе с ногами и добавив по несколько стальных карамелек в головы – рассасывайте.

– ПОШЕЛ НАХЕР С МОЕЙ ГОЛОВЫ! – заорал гиппо и стальной монстр начал крутиться, медленно возвращаясь к ручью – СНИМИТЕ ЕГО! НУ ЖЕ! УБЕЙТЕ!.. ОЙ КАКОЙ КРАСИВЫЙ МАЛЬЧИК! МАЛЫШ! А ТЫ ЛЮБИШЬ ПРИРОДУ?! А ДЕРЬМО! – споткнувшись, великан рухнул в ручей, продавив колпаком яму в воде.

Вылетев из корзины, я кого-то сбил, ткнул ножом в податливую плоть, провернул и тут же вскочил. На меня дернулся ствол дробовика, но выстрелить бегущий хмырь не успел,

нарвавшись лицом на чей-то выстрел и разом потеряв немало важного из своей уникальности.

Пока стальная хрень ворочалась, я успел подскочить и оценить ситуацию с жопы. Всегда надо оценивать с жопы – вот и тут отыскалось прикрытая сеткой щель, которую я отодрал и закатил внутрь гранату – уже без чеки. Отбежав, повернулся и спокойно стал смотреть, как воющий от ярости гиппо поднимается с ручья.

– Я ВАС ВО ВСЕ ЩЕЛИ! – хрипел динамик в декоративной башке – Я СЕЙЧАС ВАМ!

Гулкий взрыв подбросил гиганта и снова уронил в ручей. Из развороченной взрывом стальной задницы повалил черный дым, запахло горелой проводкой.

– А-А-А-А-А-А-А! НОГИ-И-И-И! МОИ СРАНЫЕ… – поперхнувшись, динамики замолкли, из омываемого водой бронепузыря едва слышно донеслось горестное и тоненькое – Ножки мои-и-и-и-и… оторвало нахе-е-е-ер…

Экзоскелет рывком перевалился на бок, сам себе придавливая и выворачивая манипулятор, другой рукой послал в небо очередь и… затих в этой странной молящей позе. Лежащий на бок пузатый титан молящий у неба пощады. А вот хер тебе… ох… что-то меня чуток мутит…

– Что ж в этом мире все через жопу то делать приходится – вздохнул я, позволяя себя присесть и оценить непонятно когда полученную рану на правой ладони. Глубоко меня зацепило… – Каппа!

– Да, лид?

– Что там?

– Потеряли пятерых, тигрицу чуток контузило, еще четверо легкораненых. Ну и ты.

– Я в норме. Давай, выковыряй мне этот гной из стальной оправы.

– Да, лид. Я быстро.

– Живым.

– Хорошо.

Привалившись к стволу дерева, я покрутил звенящей голову, борясь с желанием содрать шлем. Нельзя. Еще ничего не кончено. Мы сделали немало, но еще далеко не вся банда подохла. Так что расслабляться нельзя.

– Командир!

Глянув на торопящийся отряд с повозкой, умудрившийся продраться сквозь все дебри, на машущих тесаками гоблинов, я облегченно вздохнул – главный груз в целости и сохранности.

Сраный демон…

– Открывай!

– Мои ножк-и-и-и!

– Сука открывай! Демон херов! – не унимался Каппа – А то там и замуруем, ушлепок!

– Ножки-и-и-и…

– Не останавливайтесь – сказал я Рэку, заставляя себя подняться – Направление то же. Двигаемся к тому длинному холму, там находим укрытие и тормозим. Тигр… давай свою тигрицу на повозку. А сам вперед. Я за тобой. Рэк! Без остановок! Каппа! У тебя три минуты! Либо достань мне этого придурка, либо убей!

– Эту хрень бросать жалко – заметил орк, жадно глядя на дымящийся экзоскелет.

– Вытащим – кивнул я – Как все закончим. Вперед, гоблины! Все только начинается!..

Глава восьмая

Миновав место сражения, мои гоблины протащили повозку еще полкилометра и спрятали ее в хвойных потемках украшенных десятком невысоких холмиков с воткнутыми палками с дощечками. На выпирающем из холма камне красовалось горделивое «Я гвоздил их последним!» намалеванное желтым. На каждой дощечке имелось по имени того же желтого цвета: Соня, Пол, Лола, Ксандра, Аллая, Квош… Тут же нашелся шалаш со связкой старых перепачканных чем-то засохшим бурым одеял, красный дождевик, банка желтой краски, молоток и солидный такой запас больших ржавых гвоздей. Это заставило бы любого пересмотреть смысл намалеванной на камне фразы, но мне было плевать. И других дел хватало.

Остановив повозку рядом с жертвами какого-то очередного психа, мы занялись перевязкой и похоронами. Каждого из убитых «наших» кусков мяса я велел притащить сюда же и похоронить рядом с уже имеющимися могилами, но приказал их зарыть поглубже, потому как на старых могилах имелись следы раскопок, а рядом явно топтались медведи. Всех погибших разбойников обезглавили, в каждую башку я приказал вбить по гвоздю, к гвоздю привязать веревку и повесить эту гирлянду на повозку, что становилась все красочней.

За выручные головы дохлых ушлепков, чьи тела мы бросили подальше от ручья, чтобы не травить воду ручья трупным ядом, я собирался выручить наградные кроны. Своих… не знаю. Лучше похоронить и плевать на системный учет.

Сидя под гирляндой, неспешно срезая острым ножом лохмотья распоротой кожи, я задумчиво и молча смотрел на дрожащего передо мной невысокого гоблина, что управлял уничтоженным экзоскелетом. Я смотрел, и срезал собственную плоть кусочек за кусочком, роняя их на землю, где их тут же подхватывали красные деловитые муравьи. Я был не в претензии – им надо кормить семью. И семью немаленькую. Когда я закончил срезать лишнее и принялся заливать рану медицинским клеем, раненый ушлепок торопливо заговорил. Глотая слова, улыбаясь, кашляя, постанывая и нервно попердывая, он говорил, говорил, говорил… а я просто слушал.

Так и не задав ни одного вопроса, я получил всю необходимую мне информацию, после чего аккуратно закрыл тюбик с клеем и коротко кивнул. Шагнувший вперед Каппа взмахнул мечом и тут же толкнул обезглавленное тело ботинком в плечо, чтобы струя из шейного обрубка не попала на меня.

Залив кровью муравейник, труп еще чуток подергался и затих, в то время как его голову уже пробили гвоздем и примотали к гирлянде. Я дал отмашку, и повозка тронулась с места. Вновь двигаясь плотной большой группой, мы двигались к Зоопривольо, везя раненых на крыше контейнера и неся на носилках.

Говорливый и трусливый оператор древнего экзоскелета рассказал многое. Он не был главным. Но гордо именовал себя замкомом, а еще чаще грозной стальной десницей. Но он не был главным. А лидером банды был Добряк Сэсил, безногий, хилый, но очень умный и жестокий, при этом совсем молодой парень. Управлять бандой ему помогало трое верных как псы бойцов – Босс Гиппо, как себя навсегда переименовал крохотный гоблин, минос Самсон, великан в красной броне, любящий спорт, и Брэт Пиртос, призм с клешней и лезвием, умелый и ненасытный убийца. Они трое слушали каждое слово Добряка Сэсила, принимая все сказанное за абсолютную истину. Еще им иногда помогал в воспитании молодежи дед Грун Мясной Корень, но последнее время он больше спал, жрал и гвоздил симпатичных пленных.

Но он – Босс Гиппо – всегда был самым приближенным и верным! Поэтому именно ему Добряк Сэсил доверил управление великим белым гиппопотамом. Вот только так они и не сумели вырубить намертво вшитую программу звукового оформления, что не позволяло использовать технику для засады. Но зато какая мощь! И ведь они еще сняли самое убойное оружие – боеприпасы кончились и гранаты к концу тоже подходили. Но даже два крупнокалиберных автомата косили идущих по дороге болванов как косой!

Эх! Смачно! Очень смачно! Очень любо!

Он познал этот кайф сполна, но все одно не мог им насытиться. Сидеть в бронированной безопасности, долбить землю тяжелыми лапами экзоскелет, сжимать джойстики и водить ставшими продолжениями рук трясущимися от оружейного огня манипуляторами, видя, как на темных гоблинских фигурках расцветают алые кляксы, как фигурки переламываются и падают, как в диком ужасе убегают прочь, а он ведет пунктир автоматного огня за ними… вот он жизненный драйв! Вот она великая радость для крохотного гоблина, что за свои размеры вечно был притесняем… посмейтесь теперь над моими размерами, суки! Я ГИППО! ВЕЛИКИЙ БЕЛЫЙ ГИППО!

Поняв, что мне насрать на его ощущения, обреченный гоблин сменил тему и заговорил о своей ненужной юности, неумелости, неуживчивости. Поняв, что и это меня не интересует, он поспешно перемотал пару десятилетий и перешел к знакомству с

Добряком Сэсилом, которого обнаружил, когда в одиночестве, рассорившись с тогдашними друганами, шагал по этой самой дороге, намереваясь попытать свои силы в месте именуемом Хэло – обширный пригород Кронтауна, где собирались те, кого трудно назвать героями, но кто готов выполнять черную работу. Хэло… место, где есть все, место настолько грязное и опасное, что в некоторые его районы, по слухам, боятся заходить даже самые прославленные герои. Хэло… место, где густой сумрак лишь в нескольких местах разгоняется ярким светом Материнских глаз.

Да. Хэло. Разочарованный в жизни гоблин, потирая очередные синяки и ушибы, направлялся в Хэло. Тогда-то все и случилось – на ничем не примечательном участке старой дороги.

Когда Гиппо отошел на пару шагов в сторону, чтобы отлить, едва он успел выудить из штанов свой отросток и пусть струю, как с ним заговорил зашевелившийся и зашуршавший ветвями колючий куст. Гиппо намочил штаны и едва не швырнул в куст камень! Ведь странно, когда с тобой разговаривает пыльное растение. Но он удержал руку, прислушался и понял, что куст обещает ему силу, могущество, власть! Он заинтересованно подошел ближе, стряхнул со штанов темные желтые капли, спрятал дружка в трусы… и дальше слушал уже куда внимательней, изредка кивая. Еще через минут десять кусты сблевнули безногим оборванным калекой. Так состоялось их знакомство. Вскоре тощий крохотный гоблин с натугой тащил на спине безного Сэсила, что продолжал шептать в его уши вкуснейшие обещания. Слово за словом, слово за словом. Когда они, следуя узкой лесной тропе, продираясь через заросли и пересекая ручьи, оказались среди заброшенных вольеров, будущий Гиппо уже был душой и телом верен Добряку Сэсилу. А вскоре верность переросла в фанатичную преданность – когда там, в одном из трех стальных контейнеров у бетонной стены, он увидел его – Белого Гиппо, великого защитника и потрясающего по убойности убийцу.

Первую атаку он совершил в гордом одиночестве. Понятно, что напал он на совсем небольшую группу столь же тощих как он сам доходяг, вооруженных двумя ржавыми дробовиками – на шестерых рыл-то… понятно, что их колья, рогатины и три тесака не в счет. Оружием этот хлам не назвать. Им даже не поцарапать броню Белого Гиппо. То, что он, сидя в чреве Белого Гиппо, совершил в тот день, нормальным было назвать нельзя… он вел себя как бесноватый демон, превратив живых людей в чавкающей под стальными ногами кровавое месиво. И ему понравилось…

Так было положено начало банде, что постепенно, будто сама собой, начала расти в размерах.

Один за другим подтягивались призмы-преступники, лишайные зверолюди, беглые добросы и прочая людская гнойная пена, что быстро находила свое место в иерархии. Кто-то поднимался выше, кто-то оставался боевым мясом, кто-то годился только на то, чтобы повозки со жратвой таскать. Да жрали людишек. А что поделать? Зверья мало в окрестностях, базара поблизости нет, не закупишься, а мяса жить… тоска зеленая. Они же не миносы, что могут жрать одну лишь траву.

Требование к пополнению были просты – полное безоговорочное слепое подчинение и столь же слепая верность Добряку Сэсилу и его ближайшему окружению. Призму с клешней и лезвием пришлось пару раз показательно выпотрошить самых говорливых. Тех, кто усомнился в том, что какой-то безногий улыбчивый хрен имеет право управлять бандой жестоких отморозков. Посыл дошел до всех без исключения. Следом так же пришлось насаждать дисциплину.

Любое указание Добряка Сэсила выполнялось моментально и в точности.

Это он приказал создать укрытия и загоны в нескольких местах дороги, это он приказал каждый раз возвращаться на базу другой дорожкой, чтобы не протаптывать слишком явных и видимых с неба троп, это он научил прятаться от дронов, распределил обязанности, дав каждому именно ту работу, для которой он подходил лучше всего. Так в их банде были те, кто вообще никогда кровь не проливал, зато они поддерживали чистоту в их бараках. И к ним – черновой слабой рабочей силе – было запрещено относиться свысока. Их считали равными – потому что Сэсил так велел. И потому что по его приказу однажды распнули гвоздями на стене ушлепка, что позволил себе право взять одну из гоблинш-поломоек, утащить ее в темный закуток и силой трахнуть. Вися на стене, гния заживо, ушлепок умирал неделю, мучаясь так страшно, что за него в конце концов попросила сама изнасилованная – и ему наконец-то позволили умереть.

Атаки на дороге-кормилице продолжались. Нападения становились все умелее, стрельба все точнее, с каждым разом их смелость росла, а вместе с ней и количество жертв. Вскоре они уже смело нападали не неплохо вооруженные отряды численностью до пятидесяти рыл. Вот он прогресс! И добыча теперь была совсем иной – сотни патронов, несколько гранат, десятки единиц вооружения, деньги, жратва…

Белый Гиппо перенес несколько модернизаций, стал ходить быстрее и теперь мог уходить дальше от базы. Ему установили две мощные штурмовые винтовки и экзоскелет превратился в

кровавого косильщика, способного в одиночку пожать уйму народа. Винтовки настолько мощные, что их выстрелы влегкую пробивали стальные кирасы, а порой и шлемы. Жаль патронов к ним было маловато – а винтовки прожорливые до жути. Поэтому сегодняшний его проигрыш не в счет – Гиппо был считай не вооружён! Нечестно!

Сам Сэсил продолжал возиться со стальными умершими истуканами, что хранились в двух других контейнерах. И вроде как у него даже потихоньку что-то получалось, но требовались запчасти. Недавно они послали нескольких парней в Хэло – снабдив их деньгами и списком покупок. В Хэло можно найти все что угодно – были бы кроны. Еще ходят слухи о каком-то деляге с побережья к востоку отсюда – некий Сквалыга, который, вроде как, может многое добыть и при этом не задает лишних вопросов. Но Хэло находится куда ближе. Хотя еще был слушок про некий заброшенный и разграбленный прибрежный музей, где тоже были замечены подобные истуканы или части от них. Сэсил пообещал, что как только заработает еще один Титан, как он их называл, они развернутся куда круче и наведаются во многие места, чтобы пополнить свои ряды несокрушимыми стальными воинами вроде Белого Гиппо. Но сначала им надо оживить Малум Акву и вот уже тогда…

Эх… чуть-чуть не успели…

А ведь так все хорошо шло… уже и капитально обосноваться они успели в подземных прохладных и удобных помещениях, что раньше были кормохранилищами. Ведь всю ту рогатую, пятнистую, редкую, вымирающую и просто красивую скотину, что обитала раньше в Зооприволье, надо было регулярно и обильно кормить. А жрали те твари от пуза – если судить по размерам сокрытых под землей хранилищ. Есть еще и бараки для служащих – но они на виду у Матери, поэтому там лучше не жить. Разбойники вообще старались не появляться лишний раз на поверхности – разве что в момент, когда в небе гарантировано нет зорких дронов. И входы они замаскировали так, что с неба их не видать – а вход прямо рядом с двенадцатым огромным вольером, что тянется и тянется вдоль дороги подобной длинной пустой кишке. Раньше там вроде как длинношеие желтые твари обитали. А теперь там просто лес… вот там у них и есть вход в прохладное и безопасное убежище…

Но ему туда уже не вернуться… да и не на чем – Белый Гиппо погиб, а его собственные ноги искорежены так, что проще выкинуть. Да и кровь продолжает утекать… а вообще вы все ублюдки и он желает нам сдохнуть как можно скорее. Эх ему бы еще один сука шанс – и вот тогда бы он от нас мокрого места не

оставил! Особенно от тебя – ублюдка, что посмел взорвать жопу могучего Белого Гиппо, гореть тебе за это в аду, гребаный ушлепок…

* * *

Охватить Зооприволье одним взглядом – даже с высоты – было попросту невозможно.

Старый медведеобразный верг не соврал, когда описывал то место не слишком широким, но зато очень и очень длинным, тянущимся километры по обе стороны дороги.

Спускаясь с холма, под крутым углом направляясь к ложбине, что вела к виднеющимися за пригорками хозяйственными постройками, держа наготове автомат, я прислушивался к доносящимся снизу злым крикам и при этом внимательно оглядывал окрестности.

Тут все продумано до мелочей. Включая паутину бетонных изгибающихся дорог, дорожек и тропок. Многие из них давно заросли, но общие очертания проследить можно, чтобы представить, насколько обширным и дорогим было здесь некогда хозяйство обеспечивающее привольное житье зверушкам. Тут должны были трудиться сотни работяг. В том числе и те, кто занимался досугом решивших задержаться и перекусить туристов. Парковка – а ничем другим эта здоровенная бетонная площадка и быть не могла – могла вместить в себя до трех сотен машин. Я это знаю точно, потому что вижу несколько из этих машин – проржавелые уткнувшиеся в бетонку остовы, покрытые скорбной пылью. Они покоятся в том уголке парковки, что обращен к задней части явно служебных помещений. Можно предположить, что эти машины раньше принадлежали служащим. И кто знает по какой причине они остались гнить на стоянке.

За парковкой высился огромный гриб. Под его шляпкой десятки явно намертво закрепленных или даже влитых в пол столов и скамеек. Все это – даже издалека – напомнило мне жилую кляксу родной Окраины. В кляксах собирались усталые после работы гоблины, чтобы потрещать о том и о сем, находясь под приглядом Матери. И я вижу место, где под грибом должно было крепиться как минимум несколько небольших полусфер наблюдения – сейчас там пусто. В нескольких шагах от бывшей жральни расположено что-то вроде здоровенной гладиаторской арены, окруженной трибунами. Там видны остатки разноцветных декораций, какие-то фигуры на бетонных стенах. Еще дальше несколько улочек составленных из стандартных небольших

построек не могущих быть ничем кроме как сувенирными лавками. Купи плюшевого слоненка – и поддержи природу, малыш!

А еще я вижу столб… Охренеть насколько высокий стальной столб, целая колонна, что поднимается над стоянкой, зданиями и дорожками. На столбе жирно намалевана отчетливо видимая цифра «2». Мы только что вышли к месту выполнения важнейшего системного задания. Осталось понять, как мне взгромоздить на него полусферу…

Но сначала…

Коротко кивнув ожидающему сигнала Каппе, я сделал еще шаг, опустился на колено и, вдавив спуск, обрушил на идущих по ложбине хренососов пулевой град. Первые несколько подарков я вдолбил в рогатую башку крайне злого на вид миноса в красных доспехах и сетчатым мешком голов за спиной. Замотав башкой, минос сделал несколько прыжков и рухнул, а я перевел огонь в сторону, выколачивая пыль из тупых гоблинов, что удивленно замерли, глядя на наши темные фигуры над их головами. Прежде чем они опомнились, мы выбили девяносто процентов их живой силы. Остатки бросились врассыпную. Пара придурков бросились в лобовую атаку, паля в никуда и оглушительно крича. Их добили дробовиками. Еще троих выковыряли выстрелами из-под повозок, заваленных трупами. Всего три телеги, причем одна в виде клетки с запертыми внутри десятком голых пленников.

Перезарядившись – и прислушавшись к таким же щелчкам и скрежету со всех сторон – я сбежал со склона и широко улыбнулся прижатому к решетке знакомому лицу, обрамленному окровавленными рыжими волосами:

– Умный Твентор. Как ты, ушлепок?

– Господин Оди – натужно улыбнулся Твентор – Я так рад вас видеть!

– Келлий?

– Мертв.

– Сука Петрос?

– Не знаю. Вытащите нас… прошу…

– Само собой – отмахнулся я и вбил пятку в горло хрипящего под ногами жирного ублюдка – Каппа. Выпусти их. И пусть валят к дороге.

– Да, лид!

С глухим рычанием лежащий ничком минос вдруг дернулся и начал вставать. Удивленно хмыкнув, я глянул на Рэка. Тот с готовностью сбегал к быку, радостно нацелил на его левый глаз стволы дробовика и вжал курки. Рога улетели в кусты, ополовиненный череп рухнул на землю, расплескав остатки

мозговой жижи.

– Валите к дороге – повторил я рыжему, что уже вылезал из клетки, прижимая странно изогнутую правую руку к груди – А оттуда к Медвежьему Полю.

– Да… да… и спасибо…

– Прихватите с собой пяток дробовиков, может и ту винтовку взять. Мои помогут с перевязкой.

– Спасибо…

Уже не глядя на рыжего, я задрал голову и посмотрел на медленно спускающуюся повозку с драгоценным грузом.

– Баск?!

– Все в порядке, командир!

– Были сучьи следопыты?

– Шестеро! Разобрались!

– Хорошо. К той дороге! – указал я рукой и зашагал туда же, в то время как мои бойцы занимались делом. Перевязка уцелевших пленников, добивание врага, отрезание их голов, сбор прочих трофеев. Рутина.

А следопыты – я предположил, что основной отряд разбойников, что уничтожил силы чернобородого, не может не заинтересоваться пропажей части своих бойцов, плюс они не могли не услышать бешеную пальбу Белого Гиппо. Они наверняка пошлют гонцов. А те, в свою очередь, найдут место побоища, после чего пойдут по нашим следам, подпрыгивая от удивления. Зная это, я велел своим поставить стальную телегу боком, замаскировать ее и ждать. А когда явятся следопыты…

Значит, минос послал шестерых. Плюс здесь мы завалили стольких, что считать лень.

Минос мертв. Призм мертв. Гиппо мертв. Даже сучий дедушка гвоздарь Мясной Корень тоже сдох.

– Ну, Сэсил… тук-тук тебе в дверь – усмехнулся я, разжевывая четвертинку горькой таблетки и запивая медовой водой.

Прорвавшись через бездорожье, мы вывалились на край бетонной парковки и вдоль служебных зданий рванули к столбу, прикрываясь постройками от пока не начавшегося вражеского огня. Короткими жестами послав Каппу и Тигра на крыши, вытянул с натугой цепь с ключом и швырнул орку. Тот мигом взгромоздился на крышку контейнера, заставив потесниться Баска и Тиграллу. Остальные наши раненые перекочевали на трофейные мясные повозки и катились следом. Пока Рэк с руганью крутил неподатливые гайки, а Баск собирал уже открученное и водил одним из трофейных нечищеных автоматом по сторонам, мы продолжали движение, набирая скорость с каждым метром. Я задавал темп, перейдя на бег.

Я понимал – это последние минуты затишья.

Оставшимся на базе ублюдкам уже стало ясно, что произошло что-то нехорошее. Может даже очень нехорошее. Стрельба рядом, не прибывают свои с добычей и все такое. Но пока они не разобрались. Пока не выдвинули разведчиков, чтобы те глянули и доложили. Вот-вот появятся вражеские гоблины. И этих лупоглазых мы тут же должны встретить как полагается. А мы сука находимся на краю бетонного поля…

Бегущий по крыше мечник шарахнул из дробовика в находящийся с той стороны проход. Ему ответили рыдающим криком, на бетонку рухнуло окровавленное тело. Тигр прыгнул в узкую щель между зданиями, оттуда послышалось его рычанье и чье-то перепуганное жалобное блеяние. Встретился тигр с овцой…

Круто свернув, вынужденно уходя от прикрывающих нас зданий, я жестом приказал пятерым бойцам остаться и прикрыть Каппу с Тигром. Сам же, пропустив повозку с матерящимся гайковертом Рэком, сменил оружие, взявшись за чуток почищенную и пару раз даже опробованную снайперскую винтовку. Хотя… снайперкой эту хрень назвать трудно. Обычный винтарь с приделанной оптикой. Причем приделанной абы как. Тут пристреливать и пристреливать, подкручивать и подкручивать… но кое-куда попасть все же можно.

– Лид! – не отрываясь от работы, крикнул удаляющийся на повозке Рэк.

– Да?

– А если тот ушлепок Сэсил оживил второй экзоскелет? Аква там какая-то…

– Сто процентов оживил – кивнул я, снова ускоряясь и торопясь к столбу.

За нашими спинами опять дважды рявкнул дробовик, следом послышалась пистолетная стрельба, донеслись крики боли.

– Почему стопроцентно?

– Потому что с первого экзоскелета было снято тяжелое вооружение – ответил я, останавливаясь и шаря взглядом по тусклой громаде лишенного полусферы столба.

– Так патроны же кончились! Так тот гоблин сказал.

– Ну да – усмехнулся я – Само собой, орк… само собой… вот только если сраный Сэсил настолько умный, как он описан тем гоблином… он бы ни за что не позволил просрать дефицитные боеприпасы. У таких как Сэсил всегда есть запас. Всегда! Так что можешь не сомневаться – все лучшее уже давно установлено на второй экзо.

– И он сюда вот-вот…

– Нет – качнул я головой – Если он такой умный, то он верно оценит ситуацию.

– И свалит?

– В точку – кивнул я, отдирая перекошенную крышку небольшого стального ящика и тут же обрадованно ухмыльнувшись, когда увидел внутри давно сорванный какой-то прибор, а чуть ниже нечто вроде заплатки закрепленной такими знакомыми гайками… – Рэк! Ключ мне! Живо!

– Лови!

Неумело орудуя железякой, я открутил все четыре гайки, швырнул ключ обратно орку, поддел квадратик лезвием ножа и надавил. И радостно выругался, увидев еще одну знакомую штуку – черный квадрат сенсора. У системы должно быть питание в сраном столбе – иначе вся эта затея нихрена не стоит. А раз так… содрав перчатку, я прижал большой палец к сенсору и замер в томительном ожидании.

Секунда.

Две…

И огромный столб вздрогнул, коротко провыла сирена, я едва успел отдернуть руку, как колонна начала уходить в землю и в саму себя, слаживаясь как телескоп.

– Рэк?!

– Вот-вот! Сука вот-вот!

– Живо!

– Пять гаек!

– Четыре! – поправил Баск.

– Захлопнись, дохляк подкаблучный!

– Сам заткнись! Три!

– Ушлепок вялый!

– Пошел ты! Два!

– Бесполезный кусок дерьма!

– Тупой урод! Сам-то кем был?! Один!

– Ну! – не выдержав, рявкнул я, одновременно с тем как с тяжелым ударом верхушка столба сровнялась с бетоном.

– Роняем!

Повозка с грохотом завалилась набок, ударила о бетон разболченная крышка. Налетевшие гоблины принялись вытягивать тяжеленную полусферу. Трое дебилов рухнули на колени и вразноголосицу затянули какую-то молитву!

– Убью! – заорал я бешено и молящиеся, прервав херню, занялись делом.

Тяжелый удар-шаг мы все услышали разом. Рывком развернувшись к постройкам за грибом жральни, я увидел, как над одним из зданий вздымается облако пыли. Еще удар…

Ну что, Сэсил? Кто ты? Умный и хотящий жить? Или…

Следующие тяжкие удары показали, что Добряк Сэсил точно не дурак. Над крышами мелькнула тут же исчезнувшая странная вытянутая кверху зеленая хрень, ударил по стене длинный темный манипулятор, прогрохотала коротко крупнокалиберная пушка… и второй экзо продолжил убегать, с каждой секундой отдаляясь на несколько метров.

Я, замерев на бетоне, вглядываясь в оптику, автоматически подсчитывал примерную массу, вслушивался в шум шагов.

Слишком тяжелый… слишком медленный… слишком неуверенный…

Хреновая изначально небоевая техника. Хреновый оператор экзо. Все хреново. Поэтому Сэсил и валит, трезво оценив свои силы и поняв, что к нему в гости явились далеко не обычные мягкотелые гоблины. Мы и жопу порвать можем. Поэтому безногий шустро убегает…

Ладно… ладно…

– Лид! Встала!

– Дожимайте! – велел я – Провода?

– Никаких. Только дыры разных размеров и форм. Как жопа неземная!

– Живо!

– Ща… вставим! Мы и в неземную вставим! Р-раз!

Взвыла сирена и я поспешно крикнул:

– В стороны! Гоблины! В стороны!

Бойцы рванулись прочь, но один, прыгавший на вершине полусферы, не успел по причине личной тормознутости и с диким воплем его унесло в небо опять восставшим столбом. Через секунду он сорвался и с высоты метров в пятнадцать шмякнулся о бетон и затих. Твою мать…

– Отдерите блинчик! – рыкнул я, глядя на пока мертвую полусферу.

Раз… два… и в меня один за другим уперлось несколько лазерный лучей. Полусфера крутнулась, поводя веером едва видимых в свете дня лучей по сторонам. Опять провякала нечто победное сирена.

Эрыкван (ОДИ) ГЕРОЙ. Ранг 2. Поощрение знаком отличия «**За проявленную отвагу**».

Разовая наградная выплата – 1000 крон.

Задание: Установка и подключение новой МСОНФ № 111-ОО выполнено!

Награда: 1200 крон.

Дополнительно: разовая выплата 100 крон каждому из зафиксированных ранее и находящихся сейчас здесь внештатных участников сквада. Проверка состава производится в текущий момент. Выплаты производятся немедленно.

Внимание! Увеличить размер сквада до 30, автоматически введя дополнительные три командные должности? (**поощрение**).

Да/Нет?

– А давай – кивнул я, подтверждая я.

Выполнено.

Задание: Отдых и ожидание.

Описание: не покидать второй участок ЗООприволья.

Место выполнения: второй участок ЗООприволья.

До завершения задания: 00:00:59:57, 00:00:59:56

Награда: 100 крон. На этот раз я усмехнулся еще шире – штрафных санкций за невыполнение задания не было. Ну надо же…

– Что с упавшим? – спросил я у Рэка, забираясь глубже в интерфейс и спешно подтверждая статус каждого из гоблинов, принимая их в отряд.

– Жить будет.

– Назначаю тебя сержантом – без эмоций заметил я, проставляя галочку напротив имени орка – На этот раз официально. Не лажани!

– Да ни за что!

– А какого хрена боец о бетон расплескался?

– Это Каппы! Они все в него – раскосые и тупые!

– Ладно. Пошутили и хватит. Выставляй охранение из пятерых рядом с ранеными. Остальные за мной. Пора зачистить и осмотреть это место.

– Да, лид! Это…

– Да?

– У той хрени что убежала… вроде как целая куча длинных стальных рук была?

– Ага – кивнул я – А в одной вроде как бронзовый кувшин… в жопу, Рэк! Еще свидимся и с Сэсилом.

– Сэсил будет сосать!

– Вперед!

– Да!

Пока мы с орком бежали обратно к служебным зданиям, за

которыми продолжала раздаваться редкая стрельба, вокруг поднимался восторженный ор – мясо начало получать сообщение о поощрительной денежной награде и о том, что они стали рядовыми членами отряда героя Оди.

– Оди! Оди! Оди! – скандировали за нашими спинами усталые пропыленные гоблины, стоящие у основания стальной колонны, увенчанной новым зорким глазом. И не только глазом. Так оказалось много чего. Направленные в разные стороны лазерные лучи пометались чуток по переполненную поднятой пылью воздуху и замерли на выбранных целях. Металлический суровый бесполый голос заговорил с мрачностью бывалого и уже ко всему безразличного палача:

– Внимание! Объекты отмеченные желтыми и красными лучами! Остановиться! Бросить оружие! Сдаться! Внимание! Внимание! Внимание! Последнее предупреждение! Объекты отмеченные желтыми и красными лучами! Остановиться! Бросить оружие! Сдаться! Это последнее предупреждение!

Над нами со стрекотом прошла пара быстрых дронов, разошедшихся в стороны над старой парковкой и пошедших по кругу. Система более чем серьезно взялась за место, что так долго пребывало в сумраке.

– Внимание!

– Да пошла ты, сука!

Металлический треск… из узкой щели между зданиями выпал окровавленный мешок дерьма, с хрипом выронил из пробитых крупными иглами лап потертое ружье и затих.

Система не шутит…

– Тигр! – рявкнул я.

– Здесь, лид! – выскочивший на мой голос полосатый дернул ушастой головой, стряхивая с шерсти кирпичную крошку. Он не обращал внимания на медленно увеличивающееся в размерах красное пятно на левом боку.

– Кто так?

– Попался по глупости на старуху – пырнула шилом. Быстрая! Злобная!

– Как бабуля?

– Сломал шею. Но не убил.

– Почему?

– Женщина. Старая. Как-то… что-то…

– Добей! – лязгнул я зло – И впредь – насрать на все! Пол, возраст, цвет кожи, похожесть на близких или родных – насрать! Дави! Если только нет необходимости в сведениях или проводнике. Понял?

– Да, лид! Хорошо! Раньше тоже так думал – но в старом

скваде было больше сентиментальности.

– Напружинь полосатую жопу, хлебни энергетика. В одиночку больше не шарахайся. Сегодня получишь в свое распоряжение пятерых гоблинов и начнешь дрессировать личное звено. Тигралла – тоже. Но позднее. Сразу уточню для особо непонятливых – мне нужно два боевых разведывательных звена. По шесть мрачных жестких гоблинов в каждом. Таких, что тихо войдут куда надо, тихо прирежут кого надо и уйдут незамеченным.

– Это по мне! И Тигралла не подкачает!

– За нее не говори – качнул я головой и присел, чтобы добить ползущего куда-то жирдяя в красных и слишком уж коротких для мужика обтягивающих шортах. Полоснув по шее, перешагнул визгливо забившегося мужика и пошел дальше, продолжая давать указания зажимающему бок тигру:

– Полученных гоблинов тут же тестируешь. Сам знаешь – для разведки сгодится разве что каждый двадцатый и то с натяжкой.

– Теперь знаю.

– Тестируй, сразу же отбраковывай тех, кто не годится. Не нянчись! Не жалей! Не слушай их слезливых уверений, что если не получается сейчас, то потом точно срастется. Нихрена не срастется! Не годятся в разведке – отбраковывай! Пусть ими занимаются пехотные.

– Понял.

– Вся пятерка должна слушаться тебя беспрекословно. Если кто-то буровит, постоянно занозит – первый раз покажи кто в звене хозяин, а во второй раз – в отбраковку, если не дошло до тугоголового.

– Понял.

– Перескажи все слово в слово Тигралле. Чтобы я не повторялся – добавил я, одновременно подпрыгивая и приземляюсь на шею притворяющейся дохлой девке, улегшейся на пистолет. Хрустнуло, посучив ногами, девка затихла, позволив перевернуть себя и забрать пистолет, что я тут же сунул за пояс.

– Есть, лид! А ты всегда учишь новому убивая при этом?

– Есть проблемы?

– Никаких!

– Звания у тебя и у нее пока неофициальные. Но это временно – если не лажанете.

– Не лажанем!

– Последний раз говорю – отвечай только за себя! И за подчиненных.

– Уяснил.

– Давай на перевязку. Вон тех явно и неявно хрен пинающих

вояк шли ко мне. И чтобы ко мне бегом летели искры высекая!

– Есть!

Когда упомянутые вояки достигли меня, я успел осмотреть заброшенную кафешку с нарисованными на стенах огромными соломенными шляпами и задумчиво поглядеть за забитый в духовку скелет с разноцветными зубами.

– Лид?

– Я заметил, что ты – указал я на потного парня с огромной родинкой на носу – Постоянно и с удовольствием смотришь на его жопу – мой палец сместился на еще более потного гоблина с фингалом под правым глазом.

– Педро?! – ужаснулся второй.

– О нет, Антонио! – замотал головой тот – Командир допустил огромную…

– Заткнуться! – рявкнул я и гоблины вытянулись в струнку, позволив мне продолжить – Видите?

Я указал я в оконный проем, на прислоненный к подоконнику предмет.

– Да, лид Оди!

– Ты за руль. Ты усаживайся за булками Педро. Даю пару минут на тест, после чего приступайте к выполнению задания.

– Какого, лид?

– Гоните по дороге в сторону Медвежьего Поля. Обгоните остатки разбитого разбойниками отряда, не останавливаясь, едете дальше, пока не наткнетесь на нашу технику. Уточню – багги с прицепом, за рулем Рокс, рыжая злая Джоранн рядом.

– Мы помним, лид. И да – она прямо очень злая…

– Вперед! Оружие держать наготове, не расслабляться. Сами держитесь центра дороги. Передайте Роксу и Джоранн, чтобы увеличили скорость и двигались сюда.

– Да! Насчет жопы Антонио, герой Оди…

– Вперед!

– Да!

Осмотрев вполне ухоженный и явно часто используемый велосипед с одним рулем, но двумя сиденьями и двумя парами педалей, гоблины дали пару кругов, после чего, вполне освоив туземную технику, покатили к перегороженной всякой хренью дороге.

Покинув кафе, я обошел еще несколько зданий, везде находя скелеты в различных позах и в различной степени комплектации. Но я искал я не это. Меня интересовало нечто куда более… многообещающее. И я нашел – когда вокруг уже все затихло, когда оставшийся десяток разбойничьих рыл и тех, кто крутился и кормился рядом, вышли на парковку и улеглись на животы,

дожидаясь следующих указаний. Мы все понимали, что будет дальше – эшафот. Приговор. Либо смерть, либо стирание памяти и обращение в призмов.

А я…

Я задумчиво сидел на огромном стальном плавнике лежащего на боку королевского пингвина и глядел на три пустых контейнера, похожих на огромные кукольные коробки. Такие, что даже с очертаниями содержащихся внутри дорогих кукол. Левый – белый гиппо Кеша. Правый – королевский пингвин Улыбун. Центральный, самый широкий и высокий – Аква Малум. Перед контейнерами большой и явно позднее возведенный навес со стальными опорами и решетчатой крышей, крытой стальными листами. Под тентом все необходимое для достаточно комфортной жизни физически ограниченного мужика. Двуспальный матрас на полу, стол с обрезанными ножками, куча засаленных подушек, гора грязной одежды, кружки, коробки с остатками еды, огромное количество различных инструментов. Тут жили и тут же работали. Причем больше работали, чем жили. Это скорее наспех обжитая мастерская, чем захламленная квартира технаря. Электронной начинки хватало – целые горы. В том числе экраны, сенсоры и прочее. Все развороченное и выпотрошенное.

– Тут нужен Рокс – подытожил я, сползая с плавника и хлопая по ответившей звоном харе пингвина – Да, Улыбун? А еще тут нужна Джоранн… Цель и личность. Цель и личность суки Сэсила. Вот что важно… Ладно… пока продолжим…

Но продолжить осмотр не удалось – завершившая свои неотложные дела система затребовала к себе, проорав мое имя на все Зооприволье. Когда я показался в ее зоне видимости, на меня посыпалось задание за заданием.

Охрана. Присмотр за распластанными на бетонке пленными разбойниками.

Расчистка. Очистка на всей протяженности второго участка дороги Мирная от любого вида баррикад и крупного мусора.

Сбор останков. Доставка любого вида человеческих останков – от скелетированных до свежих – на парковку и складирование их в кучи.

Патруль. Обеспечить непрерывное патрулирование парковки и близлежащих строение двумя тройками гоблинов.

Доклад. Вербальный полный доклад с перечислением известных имен и ключевых событий.

Выполняя требуемое, я, злящийся все сильнее с каждой минутой, метался туда-сюда, в почти безнадежной попытке везде успеть. Первым делом я сделал главное – обеспечил раненых

покоем, расположив их в том самом кафе с выбитыми окнами и скелетом в духовке. После чего принялся выполнять задание за заданием, делая доклад на ходу.

Как только я с облегчением подумал, что вроде как выполнил все необходимое, система снова удивила, потребовав от меня принять и обеспечить охрану такой невероятной штуки как «Мобильный МедДопрЭш», что оказалось доставленным двойкой грузовых дронов черным блестящим контейнером, бережно опущенным под столбом. В контейнере открылось поочередно две двери. Над одной зажглась зеленая надпись «Медблок», над другой красным засветилось «Допрос». Сверху выдвинулось две стальные стойки, между ними радостно засияла надпись «Эшафот». Распластанные пленники горестно завыли, понимая, что перед ними приземлилась их кара – буквально небесная.

Тут главное не перепутать теперь…

Отправив в медблок самого плохого из своих, я зашвырнул в допросную визжащую бабу, пытавшуюся то поцеловать мое забрало слюнявым перекошенным ртом, то плевала туда же и скребла черными ногтями. Вбив ее ботинком в узкую дверь допросной, я придавил подошвой упрямые пальцы, что цеплялись за косяк и дверь наконец-то закрылась, отрезая ее пронзительный вопль: «Меня нельзя! Я психическая!».

Пять-шесть минут… и стойки на вершине контейнера ушли внутрь, а когда появились обратно, между ними билась прикованная воющая баба, что явно не прошла допрос. Металлический равнодушный голос произнес скороговоркой что-то про полевой допрос, про лишение социальных и гражданских прав, про принудительное изменение и стирание памяти. Аминь. Воющую преступницу втянуло обратно. Дверь допросной приветливо открылась, и я впихнул туда следующего перепуганного разбойника. Принял из медблока подлатанного своего, велев бойцам оттащить его в кафе и приперетъ оттуда следующего страдальца.

К контейнеру подлетел один из «голубей» и через минуту он уже несся прочь, унося на паре тросов обкорнанное обнаженное женское тело. Невероятная по скорости ампутация конечностей. Про стирание памяти трудно что-то сказать, но явно, что она без сознания. Стрекочущий дрон унесся к гряде невысоких холмов, лежащих между нами и океаном.

Сброс очередного зарождающегося призма в лес?

А там как?

Беспомощная ампутантка быстро должна будет стать добычей для зверья. Хотя должна быть какая-то отработанная система для подобных случаев. Может какой-то защитный химический барьер

или, скорей всего, подобные преступники попадают под пригляд зверей-защитников, напичканных электроникой и химией. Они приглядят за беспомощным преступником первое время, пока он не отрастит клешни или звериные лапы. Все продумано… машина карает нехороших гоблинов и делает это с похвальной профессиональной быстрой и безжалостностью. Недовольно пищащие гоблины подчиняются машинному правосудию, послушно подставляя лапки под топор палача и улетая навстречу новой жизни… скука и обыденность…

Лечение, допросы, приговоры, ампутация и прочее длились долго. Прошли часы, прежде чем вернувшиеся грузовые дроны подцепили черный контейнер и унесли его прочь – а перед этим они утащили опустевший контейнер для сменной полусферы, причем сначала система потребовала снять с него гирлянды голов. Головы же посчитала и за каждого из них выплатила мне по двадцать жиденьких крон.

Из разовых заданий все были выполнены кроме одного – опять ожидание, на этот раз на всю ночь. А следом пришло новое и такое предсказуемое поручение – пользуясь возможностью, система потребовала с утречка установить еще одну полусферу. На этот раз на участке номер один Зооприволья.

На ничем непримечательном участке рядом с парковкой вспыхнули сами собой газовые костерки. Поняв намек, я отдал приказы, сменил патрули и, закинувшись шизой и энергетиком, жуя на ходу пищевой рацион, зашагал к умершим машинам. Просто из интереса, так как зрелище с летающими ампутантами закончилось, а спать я не собирался до тех пор, пока не прибудет багги с остатками отряда.

Некогда умершие машины были красивы. Даже элегантны. И слишком однотипны, что снова говорило о машинном выборе. Это точно не служебный транспорт – в этом я ошибся. Машины с легкими пластиковыми крышами и непрочными корпусами не имели ручного управление. Вообще никаких следов ручного контроля, если не считать за него дыры в тех местах, где раньше были установлены экраны. Сиденья выворочены, внутренняя обшивка вырвана, но даже это не могло скрыть тот факт, что машины были комфортабельны и просторны. Да и безопасны тоже – если ими управляла система, перевозя позевывающих гоблинов по красивым достопримечательностям этого мира.

Поняв, что больше не найду ничего интересного – а скелеты из багажников уже были вытащены и загружены в чрево мобильного эшафота вместе с остальными трупами – я пошел потихоньку дальше, поглядывая по сторонам и на дорогу.

За следующий час я обошел все хозяйственные постройки

этого участка, недолго постоял под монструозным грибком жральни на пятьсот с лишним рылом, прошелся по кухням, где вовсю раньше шкворчали котлеты для вкусных жирных бургеров, пенилась в раскаленном масле картошка для жирных краснощеких детишек, что громко орали в зале, требуя немедленной сытной солено-сладкой-кислой жрачки. Понятно, что я не мог заглянуть в каждый угол – здесь их слишком много. Некогда тут трудилась целая армия работников, угождая путешественникам.

Когда с парковки донеслись радостные вопли, я вышел, похрустывая ботинками по стеклянному и пластиковому мусору. По пути прихватил со стола корзину для жарки картошку. Ручка удобная, длинная, можно нести перекинув через плечо и болтающиеся за спиной три отрубленные головы не капают на снаряжение. Трех хитрожопых подранков я отыскал в самой дальней и глухой раздевалке, спрятавшимися в гнезде под завалами опрокинутых шкафчиков. Двоих убил легко, третья же устроила настоящие гонки по кухням и кладовкам, визгливо обещая мне первобытный секс, инопланетный оргазм и звенящую радость. Устав гоняться, но все еще не желая стрелять – как-то не спортивно – метнул нож, попав под лопатку. Вот и несу теперь проволочную сетку с еще шестидесятью кронами награды.

Солидно рыкая двигателем, на парковку закатила багги, тащащая за собой большеколесный прицеп. Рокс подвел машину ко мне, заглушил мотор и с усталой улыбкой откинулся на спинку сидения.

– Вроде прибыли. Ох…

Поднявшаяся с сиденья рыжая стерва радостно замахала руками и завопила:

– А вот и мы! Как жизнь, гоблины?! Порадуйтесь со мной – жопа Хванчика опять треснула! Продуцирует здоровую слизь!

– Спина, женщина! Спина! – злобно послышалось с прицепа.

– Все же жопа – развел руками потный Педро, сидящий на краю прицепа – Прости, друг.

– Заткнись! Спина!

– Жопа!

– Спина!

– Не спорь с сержантом, Педро – вмешался я и глянул в прицеп, где покоился лежащий на куче влажной земли кокон – Поздравляю с назначением, гнида. Вылезать собираешься?

– Спасибо! Скоро! Босс… не почешешь в трещине?

– Не почешу – улыбнулся я и протянул руку старому механику – Пошли. Покажу тебе один навес, а потом навернем каши.

– А что под навесом? – оживился Рокс.

– Запчасти разные – туманно ответил я – И чуть попозже, но сегодня, может даже до каши, надо бы притащить от одного ручья старый экзоскелет с рваной жопой.

– Почешите мне в трещине! – заныл с прицепа Хван – Кто-нибудь, но только не Рэк! Он не сдох? Вот была бы радость…

– Не дождешься! – проорал от одного из костров успевший раздеться до трусов Рэк, почесывая грязное мускулистое – Ползи сюда, гнида! Я тебе почешу…

– Трещина в жопе здесь, взорванная жопа там – вздохнул шагающий рядом со мной Рокс – Отсиделая за день жопа у меня и давно уже проблемы с запорами… а ты как, Оди?

– А я как все – усмехнулся я, щелкая пряжками кирасы.

– Ну значит жив – мудро заметил старик – И даже есть планы на будущее…

Глава девятая

Притащив в лагерь мертвый экзоскелет и бросив его истекать грязью и маслом прямо на бетонке, я отправил старых помощников спать и без всякой жалости разбудил помощницу новую.

– Тебе бы поспать, командир – умело замаскировала слово «сука» зевающая Джоранн, успевшая перехватить несколько часов отдыха.

– Пошли – качнул я головой и, наведавшись к одному из костерков, где только что поднятые Рэком гоблины уже приступали к готовке завтрака – рассвет не за горами – я набрал из котелков пару кружек нихрена не настоящего, но вполне бодрящего кофе, и мы пошли к навесу.

Здесь, щелкнув выключателем и осветив пространство под берлогой долбанного Сэсила тремя светильниками, явно подключенных к сети самовольно, но умело, я, прихлебывая черный как смоль кофе, снова оглядел наваленное барахло и раскуроченные электронные штуки, после чего глянул на выжидающую Джоранн и пояснил:

– Я хочу знать о их владельце.

– Ты про того многократно воспетом разбойниками перед казнью Добряке Сэсиле, безногом упыре с железной волей и алмазными яйцами?

– Да.

– И что именно ты хочешь знать? – Джоранн брезгливо сморщила нос, глядя, как из-под грязных трусов пытается выбраться огромная перепачканная в какой-то слизи мокрица.

– Все – коротко ответил я, но все же решил чуть расширить пояснение и добавил – Его главная цель? Его пристрастия в сексе, еде, образе жизни. Хотя образ жизни можешь не выяснять – и так понятно, что он готов жить в дерьме ради достижения своих целей.

– Этим он мне напоминает тебя.

– Ищи, Джоранн. Вынюхивай. Каждый мелкий факт. Каждую крохотную подробность. Чем больше мы узнаем – тем больше шансов, что однажды я его найду и прикончу.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем тебе Добряк Сэсил, командир? Ну главарь разбойников… ну разбирается в технике и электронике. И что?

– Пока не знаю – ответил я – Ищи!

– Приказ понят. Приступаю.

Из ночной тени шагнула скособоченная фигура, что стояла там уже несколько минут, прислушиваясь к нашему разговору. Уставившись на ступившего в свет Баска, я выжидательно поднял бровь.

– Я помогу ей, командир – произнес Баск и на этот раз в его голосе не звучала неуверенность или тоска.

Почти прежний голос прежнего слепошарого зомби, что поставил себе жесткую и четкую цель – выжить.

– Каждую мелочь – повторил я уже персонально для него, отдавая кружку кофе – Доклад сегодня к полудню.

– Командир – проныла рыжая стерва – Ну может все же раскроешь секрет? Зачем тебе Сэсил?

– Он не Сэсил – я остановился на границе света и тьмы, обернулся к стоящим под навесом бойцам – Он некто нам неизвестный, что уже отбросил ставшие ненужными имя и прозвище как змея сбрасывает старую шкуру. Мы его даже не видели. У меня есть только его описание, да и то…

– Я тоже слышал. И расспрашивал ждущих допроса, что лежали рядом и тихо поскуливали – кивнул Баск, делая глоток сладкого крепкого кофе – Невысокий, безногий, темноволосый, серо-желтые глаза, лицо чистое, узкое, без шрамов, темные волосы, за затылке увеличивающаяся лысина, все пальцы рук на месте, редко ходил без темной маски прикрывающей нижнюю половину лица. Мать он вроде как почитал, но часто забывался и называл ее просто системой – прямо как ты, командир. В быте был неприхотлив, но свининку не кушал – я про человечину – и вообще больше налегал на растительное и природное. Часто требовал притаскивать с леса грибы, различные коренья и растения, умело готовя из них вполне съедобные блюда. Их и жрал. Вообще по разу в неделю – но не чаще – делал себе один рыбный и один мясной день. Рыбу жарил, варил из нее суп. Мясо тушил, причем подолгу, добавляя туда грибы, корешки. Жрал чаще все в одну харю, не делясь даже с любовницами. Но бывало – очень редко – что готовил для всех сразу и это было действительно аж запредельно вкусно. Все разбойники мечтали о дне, когда Добряк Сэсил снова приготовит вкусную жрачку. Мылся редко. Спал мало – ему хватало четырех часов, чтобы выспаться.

– Неплохо, зомби – кивнул я, скрывая удивление – Неплохо.

– Сука! – зло буркнула Джоранн, сверля зомби нехорошим взглядом – Ты начал раньше!

– Жизнь такая – пожал плечами бледный Баск и сделал еще один большой глоток кофе – Ну… время рыться в грязном, влажном, склизком и кишащем насекомыми чужом белье…

– Ыкх – рыжую передернуло, и она решительно заявила – Я займусь верхней одеждой и всякими странными штуками! И это… командир так толком и не ответил про Сэсила – потому что выскочка Баск ему помешал.

Хмыкнув, уже не оборачиваясь, я пояснил:

– Сэсил не разбойник. Вообще непонятно кто он – и это напрягает. Но ясно, что он явился сюда только ради экзоскелетов. Ясно, что у него был четкий план, которому он следовал от начала до конца. Ясно, что как только он достиг бы своей промежуточной цели – полное восстановление и снаряжение той Аквы, или на чем он убежал – он бы так и так покинул Зооприволье и не факт, что не грохнул бы всех разбойников разом. Чтобы никто не знал о его внешности и не смог бы в будущем свидетельствовать против него.

– Ни хрена себе – покрутил головой Баск – Пушками бы всех положил?

– Зачем? Ты же сам сказал, что изредка он устраивал день вкуснятины для всего личного состава банды, готовя для них тающую в пасти жрачку.

– Яд – Джоранн поняла первой – Умно. Немного по-женски, но тут стольких надо валить, что вполне умно для таких-то масштабов… и ведь получается он специально так редко показывал свои кулинарные умения – чтобы подчиненные не набили оскомину и не вздумали отказаться от царского угощения.

– Да. Он бы положил всю банду, собрал бы самое ценное – и исчез бы.

– И когда ты это понял, лид? – Баск жадно подался вперед, еще сильнее напомнив себя прежнего.

– Когда Гиппо рассказал о первой встрече с Сэсилом. Помните? Говорящий куст и прочее…

– Ну.

– Сколько Сэсил просидел у дороги, поджидая одиночку, что идеально подойдет под его цели? Он выбрал крохотного, тупого неудачника, которому всю жизнь сука не перло. Выбрал именно такого, зная, что тот ответит преданностью до гроба. А скольких прочих гоблинов Сэсил пропустил мимо, не рискнув окликнуть? Сами подумайте – идете вы по дороге, а тут какой-то безногий хрен из куста начинает обещать сладкую жизнь…

– Я бы изрезала ему лицо и выпытала все тайны – задумчиво кивнула Джоранн – Другой – кто согласился бы дойти с ним до Зооприволья, подождал бы пару деньков, а затем удавил калеку и ушел, унося рюкзак хоть с какими-то найденными ценностями. Ну и так далее.

– Да – кивнул и я – ограниченный в физических возможностях

Сэсил выбрал идеального первого помощника. А это говорит о том, что он разбирается в гоблинской психологии, может многое сказать по выражению лица и внешнему виду, может манипулировать, убеждать. Может искусно врать. А еще обладает техническими познаниями достаточными для оживления древней техники – и сложной техники! Это экзоскелет напичканный электроникой, а не велосипед. Поэтому – узнайте про Сэсила как можно больше. Чуть позже подойдет Рокс и постарается оценить уровень технических познаний Добряка.

– Как думаешь – мы с ним еще встретимся?

– А хрен его знает – устало улыбнулся я и растворился в сумраке – Ищите.

– А как Сэсил вообще оказался в безлюдном месте посреди гиблой дороги? Он же без ног!

– Вот и найдите ответ на этот вопрос, гоблины! Ищите!

– На самом интересном месте – грустно вздохнул Баск – Ну-с… я начну с ковыряния грязной вилкой склизких трусов… может это подскажет мне что-то мудрое и сакральное…

* * *

Вторая полусфера прибыла точно в срок.

Вместе с ней явились и «голуби», что облетели все Зооприволье и пристрелили спятившего волка и под десяток пушистой мелочи, что тоже слетела с нарезки.

С самого начала задав бодрый темп, я повел отряд по дороге Мирная. Двигались мы вдоль решеток и сеток, что раньше отгораживали таких непредсказуемых и порой тупых гоблинов от живущих мирной привольной жизнью животных. Загоны были действительно огромными, причем настолько, что вряд ли всегда можно было увидеть обитающего в нем зверя. На привязанные к решеткам редкие трупы внимания я велел не обращать – если начнем снимать каждого дохляка, то так и не дойдем до участка № 1. А я не собирался задерживаться в этой местности и намеревался закончить со всеми заданиями уже сегодня. Поэтому обед мы пропустили, вместо этого перекусив прямо на ходу. Сэкономив несколько часов, наконец-то прибыли на очередную бетонную парковку, что уже не была настолько большой, но имела свой «ореол» из служебных построек и какого-то явно сугубо административного здания, небрежно замаскированного под скалу.

Открутить десятки гаек на контейнере и пару таких же на столбе, прижать палец к сенсору и дождаться опускания столба,

установить полусферу в нужном месте, вставить до щелчка, дождаться срабатывания стучащих замков и поспешно отойди под звуки взревывающей сирены. Ушедший в небо стол унес с собой полусферу, по нам пробежались радостные лазерные лучи, дальше случилось кое-что неожиданное. Верхушка полусферы вдруг разъехалась на две части соединенные решеткой. На решетку тут же опустились все два «голубя» и затихли в новом гнездышке, явно получая подзарядку.

Дальше – больше.

Прилетевший еще один дрон уронил на бетон небольшую стойку с закрепленной на ней табличкой, говорящей следующее: «Место основания поселения Смотрительское».

Я понимающе кивнул. Логично. Куда тяжелее погрузить это место в сумрак, если здесь есть постоянное поселение. Не удивлюсь, если вскоре тут появится крепкий частокол, а административное здание превратится в настоящую крепость, в которой будут жить новообразованное племя оседлых медведей любящих мять железные шары и пить медовуху.

Не дожидаясь, когда пока что забывшая вроде как про нас система придумает что-то новое, я поспешно дал отмашку и мы заторопились дальше, оставляя за спиной будущее поселение и опустевший контейнер. Снова по сторонам потянулись пустые загоны и вольеры поменьше, следом мы прошли помятую гигантскую пирамиду птичника, бодро преодолели еще пяток километров и наконец-то вышли с территории Зооприволья, о чем нас оповестила очередная табличка – вернее каменная древняя расколотая плита у обочины. Еще через десяток километров я позволил бойцам остановиться на часовой привал, не забыв оповестить каждого, что на сегодня мы не закончили. Нас ждет еще один финальный бросок. Спорить со мной никто не стал. Возмущаться и скулить тоже. Кто-то горестно вздыхал, демонстрируя небу и мирозданию стертую до крови пятку, но все остались равнодушны.

Проверив погруженных на сцепленные повозки раненых и трофеи, я перебросился несколькими словами с озабоченным Роксом, наспех перекусил, залил все кофе и снова дал отмашку. Мы продолжили движение. И двигались до победного – уже с густыми сумерками мы достигли большого пятачка безопасности, отмеченного в ночи сине-зелеными огоньками газовых костерков и мигающими витринами торгматов под навесами.

На пятачке «тусило» до полусотни мрачных недовольных гоблинов, что восприняли наше появление как милость небесную, тут же потребовав новостей. Когда меня попытался схватить за плечо какой-то громила, ударом по челюсти его свалил зло

рявкнувший Рэк, который тут же прыгнул пару раз на харе наглого ушлепка и во всеуслышание заявил, что не стоит проявляться сучью фамильярность к их командир. Трусливые ожидающие – а кто еще мог тут сидеть, боясь выйти на дорогу? – приняли сведения ко вниманию и ко мне больше никто не лез. Зато они попытались сблизиться с отрядом, но и тут сержанты послали всех нахер, проведя черту, за которую пришлым заступать нельзя. Мы привычно отжали себе один из костерков, расположились на отдых, сержанты распределили патрули и обязанности. И только после этого было разрешено бойцам ответить на некоторые вопросы чужих гоблинов. При этом все бойцы загодя были предупреждены, что командиру Оди очень не нравятся болтуны рассказывающие вообще хоть что-то о внутренней жизни отряда. И что тот, кто попадется на разглашении…

Оставив большую часть снаряжения, прихватив с собой только нуждающийся в чистке пистолет, вполне чистый револьвер, верный нож и в последнее время почти не используемый игстрел, я отправился погулять, не обращая внимания на бесшумно следующего за мной Каппу, ставшего официальным десятником и заодно присвоившего себе право быть моим телохранителем.

Обойдя костерки, я остановился у очередного придорожного трактира под очередным навесом и у очередного газового костерка. Снова сексуальная девочка официантка, снова мрачная хозяйка пластающая вареное мясо. Я глянул наверх. Ящера-охранника не увидел, но за дальним столиком сидел призм с по крабьи выпученными глазами и неспешно точил длинный меч. Еще пара призмов сидела в другой стороне, лениво перекидываясь в карты и жадно поглядывая в сторону шумихи поднятой прибывшим с Зооприволья отрядом. Увидев меня, хозяйка – многоопытная и умная, как я сразу понял – заулыбалась, указала на один из столиков и оповестила:

– Бесплатный ужин, герой.

– С чего ты взяла, что я герой? – спросил я, шагая мимо тента к привлекшей меня освещенной детали.

– По виду твоему, касатик. И по охраннику раскосому да мрачному что за тобой идет. Непростой ты парень… так что насчет ужина?

– На меня и него – кивнул я, глазами указав на Каппу – Через пару минут будем.

– Ждем!

Обойдя тент, снова выйдя на дорогу, я остановился у перечеркивающей бетонку жирной красной линии, отмеченной

двумя желтыми невысокими фонарями. За линией имелась полустертая, но вполне читаемая надпись: «Зона ответственности Кронтаун». Ну понятно. Вот и граница. За все, что по ту сторону – отвечает город героев Кронтаун, что лежит рядом с Землями Завета. А что по эту сторону красной линии… это Кронтауну неинтересно.

Ладно…

– Поужинаем – решил я.

– Рад разделить с тобой трапезу, командир – нарушил молчание Каппа.

– Тебе и платить за нее – рассказом о том, что в Зооприволье больше нет разбойников и сумрака – добавил я, входя под навес.

– Дерьмо…

– Зато компота нальют – пожал я плечами.

– Брусничного! – закивала хозяйка, протирая столешницу чистой на вид тряпкой – С сахарком! Сейчас и мяса подадим жирненького… сегодня оленина у нас томленная с ягодами и сладким картофелем…

– Далеко ли до Кронтауна еще топать?

– Если до Хэло – то считай, что и пришли. До самого Кронтауна чуть подалее будет – километров на пять.

– Хэло настолько большой?

– Ох большой… где-то же надо жить обычным героям, верно?…

* * *

Обычные герои жили плохо.

Я это понял, едва только отряд оказался на очередной неявной границе, отделяющей один тип местности от другой. Или вернее сказать – дикую природу от возделанных территорий.

В этом месте дорога начинала идти под уклон, тянясь по пологому склону гигантской… воронки? Вмятины? Или скорее неправильной формы чаши с плоским равнинным дном. Четко по центру вмятины был расположен красивый как картинка белокаменный город с невысокими зданиями, окруженными белой же защитной стеной. Чистое средневековье без каких-либо примесей современности. От стен начиналось кольцо пустоты – широченный кольцевой зеленый газон без деревьев, без построек, без ручьев, насколько это было в мой бинокль. Кольцо шириной метров в триста. Этакая нейтральная территория. А затем начиналось Хэло…

Хэло окружал Кронтаун и, во всяком случае внешне,

доминировал над белокаменным городом и размерами и высотой. Если в самом городе я не видел зданий выше трех этажей, то вот Хэло… в пригороде хватало зданий и в десять этажей. Причем самые высокие здания были на внешней окраине Хэло. И снова эффект воронки – понижение краев от внешнего к внутреннему. Чаша в чаше и снова в чаше… Если бы наше местонахождение в верхней точке долгого спуска, я бы вообще не увидел белокаменный Кронтаун, скрытый в «оболочке» мрачного темного Хэло как жемчужина скрывается внутри раковины.

За городом, на противоположной от нас стороне чаши, начинались леса. И таких лесов я еще ни видел – может и в прошлой забытой жизни тоже не видел. Этот лес выглядел древним и дремучим даже издали. За лесом вздымалась скалистая стена, что явно и громко заявляла – вот граница Заповедных Земель, вот где живут Высшие.

– Близко – прошептал я, в бинокль глядя на скалы – Уже совсем близко…

– Что близко, лид? – с протяжным зевком, поинтересовался стоящий рядом орк, оглядывающий окрестности с хищным интересом вечно голодного пещерного гоблина.

Не ответив, я дернул плечом и, еще раз оглядев «вмятину», ускорился, догоняя отряд. Все склоны были засажены от и до. Метр от обочины бетонки – и начинаются возделанные поля, отделенные от дороги глубокими и полными воды, камыша, лягушек и головастиков канавами. Под частыми соломенными шалашами стоящими на высоких опорах пьют чай или едят крестьяне, смотрящие на нас с безбоязненными интересом.

А чего им бояться, если рядом с каждой такой платформой торчит по грибу полусферы наблюдения, а в небе непрестанно кружится до десятка ширококрылых и чем-то похожих на летающих ящеров дронов? Хватает и навесов с торгматами – они расположены через каждые пятьсот метров, если не чаще, и под навесами тоже установлены полусферы. Система здесь везде. Повсюду. И бдит, бдит, бдит, пристально приглядывая за бесконечными полями и «вжатыми» между ними редкими лесополосами и чередами домов. Дома необычные – плоские крыши укрыты живой зеленью, причем это не декоративная красота, а нечто куда более практичное.

– Лид… там свекла даже на крышах колосится – заметил неугомонный Рэк – А вон там девка жопой кверху земле кланяется, а в ее сторону паренек в лаптях серп свой точит размашисто… мы куда попали?! Если это обитель героев…

– Героев надо кормить, Рэк – проворчал я, скользя взглядом по полям и огородам, полям и огородам – И кормить надо

регулярно и от пуза. Они не гоблины, которым достаточно бросить пару кубиков чуть соленого пищевого концентрата. Герои хотят сочного мяса, хрусткой зелени, сладких фруктов. Вон и яблони…

– Ага… и свекла!

– Ты свеклу любишь?

– А не знаю… не пробовал… ты чего высматриваешь, лид? Нам ведь прямо.

– Ну нет – покачал я головой и указал на почти незаметную дорожку, отходящую от главного пути, пробегающую по бетонному мостику над канавой и устремляющуюся к приземистым каменным зданиям – Туда.

– Трактир и постоялый двор Веселая… – прищурился Рэк и недоуменно почесал затылок – Стерлось там в начале второго слова. Веселая что-то па… Есть у меня предположение одно…

– Веселая Халупа – озвучил я то, что услышал от хозяйки тентового кафе на последнем пятачке безопасности – Тут можно арендовать пару небольших зданий и с удобством разместить целый отряд.

– То есть в Хэло мы пока не рвемся?

– Не рвемся – подтвердил я, сворачивая на дорожку – Проверь, чтобы весь наш груз был прикрыт от чужих глаз.

– Сделаю.

Сержант утопал, на ходу поправляя глазную повязку. А я сосредоточил внимание на широко улыбающемся бородатом пузане, что дал пинка визгливой свинье и самолично открыл перед нами створку ворот.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать! – низко поклонился бородач – Я хозяин Бугнар!

– Охренеть – вздохнул я.

– Баньку затопить прикажете?

– Охренеть – повторил я и перешел к делу – Про тебя и твое заведение уже получил кое-какую инфу. Мне подходит. А требуется вот что… два малых дома на самых задворках, и чтобы с просторным двором. Все это – в наше распоряжение. Четырехразовое питание каждый день, вода для помывки без ограничений, всегда чтобы чистые туалеты, никаких левых глаз, никакого лишнего любопытства, если кто будет интересоваться – я хочу об этом знать. Узнаю, что ты промолчал – обещаю, что пожалеешь, Бугнар. Баню – каждый вечер. Мне отдельную комнату в основном здании, но, чтобы с окнами выходящими на арендованные нами строения. Еще две комнаты на том же этаже, и чтобы по соседству. Желательно отвести нам что-то вроде этажного тупика. Если там будет четыре комнаты – тоже

подойдет.

– Охренеть… – булькнул Бугнар, семеня рядом со мной, пока я шагал по главному двору, цепко оглядываясь и распугивая цыплят.

– Вернемся к жратве. Чтобы все было сытно и от пуза! Никаких крошечных порций, компот чтобы бадьями. Моим бойцам алкоголя не предлагать, наркоты не предлагать, девок и парней не предлагать. Узнаю – пожалеешь.

– Охренеть…

– Плачу за все сразу, в долг ничего не беру, заплачу за несколько дней вперед.

– Ох…

– У наших комнат и зданий выставлю охрану, твои громилы чтоб даже соваться не вздумали. Если узнаю, что по нашему имуществу кто-то шарил…

– Ну да… охренеть…

– И баньку – да, затопить. О! Чуть не забыл – прачечная есть?

– А как же!

– Пусть начинают греть воду. И дай мне схему своего постоялого двора.

– Какую схему? Нет такой…

– Начерти. Укажи, где медблок, где общий зал, где наши здания и помещения, как туда пройти, где дополнительные пути.

– Охренеть…

– Пока вроде все. Выполняй.

– Ты кто будешь?

– Сказал же – Оди я. Гоблин Оди. Из жопы мира.

– Ась?

– Выполняй.

– Прошу в зал! Ведь самое время для обеда?

– Верно мыслишь, трактирщик – одобряюще кивнул я, заходя в полутемный просторный зал – Верно мыслишь. Сержанты! Время жрать! Заводи личный состав!

– Есть!

– Герои на постое есть? – поинтересовался я у еще не успевшего убежать трактирщика.

– Сейчас нет. И вообще редко! Мы ведь на этой стороне, а не на той. Не модные-с мы…

– А где модно?

– Где ближе к Землям Завета – там и модно… Дороже – но модно. А с чего дороже? Услуги те же самые предлагают! И относятся к постояльцам не с такой душевностью как мы. Но круче всего, конечно, в отеле Горная Ласточка. Там многие богатые герои из героев постоянно обитают-с…

– Это твое внезапное с-с-с…

– Ага. Уже убрал-з…

– Ты это специально?

– Только когда нервничаю! Уже прекратил, гость дорой! Ошарашил ты меня просто…

– И где этот отель?

– С вашей комнаты и увидите – пообещал трактирщик, указывая на лестницу ведущую на второй этаж – Комната номер одиннадцать.

– Одиннадцать? – повторил я.

– А что не так? Нейтральная ведь цифра…

– Все так. Давай, Бугнар… пусть твои накрывают на столы и кормят нас, а ты считай, черти, озвучивай. Трудись, короче.

– Ага-с… ой… сука… ой… приступаю!

* * *

После обеда – простого, без не свойственных нам гоблинам великосветских излишеств, но очень сытного и даже с жиринкой чрезмерной, я собрал всех в отведенном нам целиком и полностью дворе. Поглядев на кривое построение, внимательно вглядевшись в каждое лицо, я принялся оглядывать двор, чьи три стороны были перекрыты одноэтажными зданиями, а четвертая выходила на поросшее аккуратными кустиками поле. Когда я осмотрел здания, я решил арендовать каждое – сто крон в сутки. Три здания наши, двор бесплатно. И двора вполне хватило, чтобы припарковать багги с прицепом и несколько деревянных повозок из пропитанного кровью и все еще воняющего дерева. Над полем высится одинокая вышка на одного-двух гоблинов, снабженная крышей. Как пояснил Бугнар, к полям иногда выходят дикие свиньи и если не уследить, то натворят бед. К удивлению хозяина трактира, я согнал с вышки сонного здешнего бугая и пока оставил ее пустой – но это ненадолго. И вот я, массируя переполненный живот, хожу перед строем, поглядывая по сторонам.

– Ненавижу и убиваю насильников – нарушил я молчание. Сделав еще пару шагов, продолжил – Ненавижу и убиваю людоедов. Ненавижу трусов и предателей. Их тоже убиваю. Это так… к сведению. Что еще? Я не люблю слюнтяев, любящих такие слова как «не могу», «это выше моих сил» или вроде того. Если кто-то еще может вытолкнуть из глотки сраные слова «я не могу» – он лжет. Тот, кто реально выдохся, кто реально исчерпал все силы – тот просто падает как мешок с дерьмом и даже после

пинка по ребрам или хлебалу не реагирует. Воткни ему шило в задницу – он не заметит. Почему? Потому что он в отключке. Думаете уже успели познать всю тяжесть настоящих тренировок? Нет, гоблины. Ошибаетесь. То было лишь начало – чтобы вы распробовали на вкус то дерьмо, куда вам предстоит окунуться. Распробовали? Хорошо. Уже сегодня мы начнем первую настоящую тренировку личного состава по перековке гнилого дерьма в нечто более плотное и зубастое. После этого ужин. Но ужинать будут только те, кто это заслужил. Кто-то из вас может задуматься – а нахрена мне это все? Ответ прост – чем вы злее, чем умелее и сильнее, тем выше ваши шансы выжить. Второй возможный вопрос – зачем быть такими крутыми? Ответ еще проще – тем больше шансов попасть туда – подняв руку, я указал за противоположную сторону гигантской чаши, где высилась скалистая граница Земель Завета – В гости к тем, кого все называют Высшими. Или же эльфами. А я стремлюсь именно туда – в самое сердце. Но туда стремятся многие, верно? Знать бы еще чем настолько сладким там намазано для вас…

– Эльфийки! Прекрасные эльфийки! – крикнул высокий боец с красным ирокезом.

– Эльфийки – кивнул я – Ну да… ты пришел – и тебе дадут. Все эльфийки сбегутся к тебе такому крутому и радостно раздвинут ножки только потому, что ты попал в Земли Завета. Да?

– Ну так говорят… к-хм… многие… еще там эльфы!

– И эльфы дадут? – удивился я.

Отряд колыхнулся в робком смехе, боец с ирокезом побурел и замотал башкой:

– Я про то, что они там живут! С ними же можно того…

– Да-да?

– Да нет! Просто… познакомиться! Познать их мудрость!

– Интересно – хмыкнул я.

– Да к черту! – в голос рыкнул другой боец – Я туда не поэтому рвусь! Я хочу стать героем высшего ранга!

– Зачем? – теперь по-настоящему улыбнулся я.

– Только герои высшего пятого ранга могут получить такую награду как Аллурдос! Так в наших деревенских легендах говорится!

– Боевая награда?

– Да! Ее еще называют изумрудной каплей жизни! И получить ее могут только герои высшего ранга! Из рук Высших!

– Интересное стремление – признал я – Зачем тебе Аллурдос?

– Как зачем, командир? Разве ты не рвешься получить его? Да учитывая, что ты уже сделал – Мать тебе его вот-вот вручит! Ну…

сначала, конечно, надо подняться в ранге геройском до предела, но… ты ведь рвешь и рвешь все на своем пути! Поэтому я с тобой! Хочу быть как ты!

– Зачем тебе эта награда? – бесстрастно повторил я.

– Да затем же что и всем! Он дает все! Ну… два варианта на выбор! Все знают!

Гомон показал, что пусть не все, но половина точно знала о Аллурдосе.

– Аллурдос добавляет семьдесят лет жизни! Все это знают! А что может быть ценнее? – боец с ирокезом шагнул вперед, дернул себя за уши, а затем хлопнул себя по коленям – Почти бессмертие! Ха! Прожил лет шестьдесят – и обналичил изумрудную каплю на еще семь десятков лет! Да еще с небольшим омоложением! Почти как Высший! Все мечтают получить Аллурдос! Хотя может ты предпочитаешь второй вариант, командир?

– Может быть – задумчиво прищурился я, усаживаясь на крыльцо перед строем – Просвети-ка…

– Ну… право завести ребенка… породить новую жизнь… и когда родится малыш, он будет жить в безопасных Заповедных Землях… не знаю… как по мне – лучше самому прожить лет полтораста и кайфануть по полной. Но может ты по-другому думаешь…

– Аллурдос – повторил я – Бессмертие…

– Оно самое! Ну или ребенок… а если придержать награду и постараться получить вторую каплю не растратив первой…

– Ты прямо фонтан удивительной информации – признал я.

– Мне заткнуться, лид?

– Продолжай – покачал я головой – Ты только что зажег надежду во многих гоблинских сердцах и справился получше меня с их мотивацией. Да они теперь порвут все живое и мертвое на тренировках, да, гоблины?

– Д-А-А-А-А!

– Видишь – улыбнулся я – Так что с твоими каплями?

– К-хм… ну… вроде как если получишь два Аллурдоса, то получишь право на жизнь в Землях Завета и можешь смело выходить на пенсию. Живи себе в раю, чеши пузо, лапай красоток, поплевывай с вершины и все такое…

– И все такое… – повторил я и перевел взгляд на стоящего у границы двора хозяина трактира – Что-то хотел?

– Просто слушал… но не подслушивал! Вы так орали…

– Я не про это. У тебя на лице написано, что хочешь что-то исправить в речах моего гоблина?

– Нет-нет! Он верно сказал! Но не до конца…

– Так продолжи.

– Три Изумрудные Капли даруют тебе право на встречу с НИМ – почти что шепотом выдохнул хозяин трактира.

– С ним? Это с кем?

– Ну с ним! С Первым Высшим!

– Сказки! – бухнул кто-то в строю, и гоблины тут же загомонили, начиная ожесточенный спор.

– Вранье это все! Ага! Так он и снизошел!

– Да правда это! Но еще никто не получал три Аллурдоса!

– Да даже если правда – зачем беспокоить ЕГО? Проще получить полтораста лет дополнительной жизни и заодно сынишку завести! Жить в раю и жопу почесывать!

– Хрень это!

– Заткнулись! – рявкнул я, восстанавливая порядок – Вижу многие решили жить вечно? Похвально. Тогда становитесь настоящими убийцами! Прирожденными! Только у таких есть шанс выжить и преуспеть! Начнем с бега. И не блевать, гоблины! Держим сука в себе! Мотаем круги по двору и думаем о бессмертии! Рэк! Каппа! Ведите за собой!

Когда разом потускневшие бойцы с горькими вздохами и иканием устремились за сержантами, я перевел вопросительный взгляд на Бугнара:

– Что ты хотел, трактирщик? Еще денег?

– Нет! Я получил немало крон от тебя, герой Оди. Хотел спросить…

– Спрашивай.

– Это ведь про тебя ходят слухи? Зомбилэнд, синий свет, потрясающий взлет.

– Не про меня – покачал я головой – Еще вопросы?

– Ну да, ну да – трактирщик явно не поверил ни одному моему слову – Ну да…

– Это все?

– О нет… это просто любопытство. Я же поторопился сюда, чтобы передать срочное послание – услышав про твое прибытие, о герой Оди, сюда прибыли важные гости ради встречи с тобой. Знаменитые герои! Уже воспетые! Четвертый ранг! Сам Червеус Магмус, а с ним зеленоглазая и стремительная Теулра Ларос! Они ждут тебя в общем зале за богато накрытым столом и…

– Неинтересно – отрезал я, отворачиваясь.

– Ох… да ты что?! Как я рискну передать им твой отказ?

– Напрямую – посоветовал я, не оборачиваясь.

– Все такой же наглый, едкий, грязный гоблин… – насмешливо прозвучало за моей спиной.

– Дерьмо – процедил я, медленно оборачиваясь и глядя на

закутанную в темный плащ фигуру – Ты все же выбралась из того борделя, Зеленоглазка?

– Борделя?! – выпучил глаза трактирщик и тут же поперхнулся, съежился и поспешил прочь, провожаемый злым взглядом зеленых глаз. Бросив ему вслед последний взгляд, она повернулась ко мне:

– Ха! Ты меня не настолько утомил, грязнуля! Не льсти себе… – сверкнула зелеными глазами та, чье лицо я никогда не видел, но неплохо знал на ощупь каждый сантиметр ее отлично тренированного гибкого тела – Ну?

– Я буду через два часа – принял я решение.

– Хм…

– Это если в зале. Но если в моей комнате… только ты и я… можем встретиться через час.

– Через час. В твоей комнате.

– Номер одиннадцать.

– И не заставляй меня ждать, гоблин!

– Ну что ты, охотница за склизкими бананами… я буду вовремя.

– Пошел ты!

– Рад что ты не сдохла.

– Да и я удивлена… сильно удивлена… думала ты сдохнешь еще там… я жду!

Проводив ее взглядом – вроде она стала двигаться медленнее – я повернулся к бегущему по кругу отряду, пристроился сбоку и тоже побежал, наматывая круги. Расслабляться нельзя. Ни в коем случае нельзя. В этом мире только расслабь булки… и будет тебе полный аллурда-лурдос…

* * *

Лежа на моей мокрой от пота груди, Зеленоглазка, тяжело дыша, потянула на себя простыню. Чуть подвинувшись ближе к центру постели, я заметил:

– Ну так себе…

– Ах ты сука… Охренел?!

– Ты кто такая, зеленоглазая Теулра Ларос? Имя сама придумывала? Аж зубы сводит…

– Не слишком ли много вопросов для того, кто только что рискнул заявил «ну так себе»?!

– Ты стала медленней, Теулра.

– Гоблин! Это ты стал быстрее!

– Мы тренировались постоянно – кивнул я – Усердно жрали,

усердно кололись. Но это не могло ускорить нас так быстро и так резко.

– Зомбилэнд.

– Что с ним?

– Правда, что туда прорвались плуксы?

– Было дело.

По груди прошлись острые коготки, мстительно впиваясь в кожу:

– Не заметил, что плуксы стали чуть… медленнее? Процента на два-три медленнее, скажем?

– Хм… не особо…

– Ты просто не заметил в горячке боя. Ну или гномы поят и кормят плуксов из других источников.

– К чему ты?

– Все добровольные низшие замедленны, гоблины. Специальными химикатами, что добавляются в питьевую воду и жратву. Так же, при каждом посещении медблока, система замеряет в вашей крови уровень мирногена и, если он слишком низок, делают дополнительную инъекцию.

– Охренела?! – сбрасывая с себя зеленоглазую, я рывком уселся – Хочешь мне сказать…

– Что добровольные низшие – никто? Бесправный мусор? Все верно, гоблин. Все так. Мирноген – специальное средство, многокомпонентное и особое. Его колют низшим, чтобы замедлить их на несколько процентов.

– Зачем превращать работяг в медлительных черепах? Какой смысл?

– Безопасность. Под землей заперты тысячи и тысячи таких работяг. Злого, наглого, ублюдочного быдла, что представляет собой реальную силу. Я не знаю точно, Оди. Я сама… не больше чем бывший доброс сумевший прорваться к подножию Земель Завета и понявший, что здесь сила и острота моего меча не решает ровным счетом нихрена! Здесь правят хитрожопые. Здесь рулят коварные. Здесь побеждают не те, кто одним ударом сносит башку мятежному миносу, а те, кто вовремя подставляет жопу и рот под нужный член. Ведь это и есть истинный героизм!

– Вернись к сраному мирногену, Зеленоглазка!

– Да выдохни ты! Не строй драму на пустом месте, гоблин. Тебе в театр Кронтауна… на сцену блистать…

– Эй!

– То же мне открытие. Все низшие получают сложные химические добавки. Избежать этих добавок нельзя – иначе руки-ноги отпадут и сдохнешь в мучениях. Получаешь раз в день сложный опробированный коктейль – и прыгай себе весело

хмыренок. Работай дальше. А как еще по-твоему система может с гарантией контролировать никчемное быдло, что осело там внизу в коридорах как накипь из дерьма и минералов на стенках труб? Вспомни их, Оди! Вспомни гоблинов! Обычных рядовых гоблинов! Вечно чем-то недовольных, желающих только бухать, жрать и трахаться! Это ты куда-то стремишься и рвешься. А они?

– Ого – усмехнулся я, снова медленно опускаясь на подушки – Как тебя прорвало…

– Да потому что правда! Сначала, когда узнала об этом, меня тоже трясло – как это так, без ведома людей на них используют такие добавки… а потом поняла – это для их же блага. Пусть они будут чуть медленней, чуть спокойней.

– Спокойней? Ты видела, что творится там внизу?

– Спокойней! Эти добавки не глушат капитально. Они просто делают чуть спокойней, чуть безразличней, чуть медленней. И это единственная мера, что сработала с ними!

– А какие еще?

– Игровые вызовы, к примеру. Что-то связанное с игровыми и соревновательными вкраплениями. Все эти рабочие и боевые бригады, игровые вызовы, зачатки бестиариев… ты слышал про бестиарии?

– И даже видел – кивнул я, вспоминая никчемные сведения.

– Это все – неудачные осколки разбившихся вдребезги экспериментов. Какое-то время низших пытались мотивировать, заинтересовать, зажечь в них искру соревновательности… и ничего из этого не сработало.

– И поэтому решили их пичкать химическими коктейлями?

– Ага. А еще отбирать руки и ноги за неуплату. И знаешь – вот это сработало – безмятежно кивнула в сумраке Зеленоглазка, что опять скрывала от меня свое лицо – Не заплатил за комплект конечностей – попрыгай на одной ножке, подумай над своей ленью. Ты видел добросов?

– Ну.

– Что скажешь о них?

– Ленивые безмятежные жопы.

– Именно! Я такой была! А теперь представь, что если они не заплатят, то к вечеру у них заберут руку или ногу? Да они летать будут! Рвать и метать будут!

– Ты не любишь рядовых граждан сего прекрасного мира, да?

– А за что их любить? Что они делают для этого мира? Просто живут, срут, рвут цветочки и вприпрыжку бегают по зеленым лугам? Даже тупые олени делают для этого мира куда больше – вносят свой положительный вклад в хрупкую экосистему. А люди?! Что делают люди?! Ничего хорошего, но уйму плохого!

Позавчера я отрубила руки ушлепку, что вооружился топором и пообрубал ветви у двухвековой прекраснейшей ели. Знаешь зачем он это сделал? Потому что рядом с подножием ели лежало два округлых валуна. И ведь ему на ум пришло, что издалека это выглядит как могучий член с каменными яйцами. И ель как раз на косогоре – издалека видать! И вот воздвиг он памятник… Проходящие мимо! Любуйтесь на член нависший над вами! Ха-ха-ха!

– Охренеть…

– Я про то же!

– Да я про тебя – сколько эмоций…

– Этот мир погибает, Оди! Пусть медленно, но погибает. Хуже того – мы в преддверии агонии! Лично мне – не все равно! И что делают люди ради спасения тонущего корабля – пассажирами которого сами и являются? Они долбят дно, добавляя дыр! Я отрубила ушлепку руки и отправила в родную деревню, чтобы он там всем передал – не превращайте деревья в памятники хрену могучему! Иначе этот самый хрен станет могильным памятником всем нам!

– Что там про добавки для низших?

– Ты опять там?

– Ты сама там гостить любишь. Нет?

– Только по необходимости.

– Так что с добавками? Чего еще вкусного колют в жопы низших?

– Только это. Сложный коктейль. Называется мирноген. Там еще какие-то цифры – говорящие о версии и так далее.

– И он?

– Чуток замедляет, чуток отупляет, плюс режет какие-то там процессы в высшей нервной и умственной деятельности. Агрессия остается, но при этом она направляется как бы ниже… не знаю, как объяснить… гоблины продолжают беситься, но их злоба уже направлена не на систему и не на стальные стены подземелий, а на самих себя.

– Система подрезает замах? И замахнуться получается только на такого же гоблина как ты сам, но не на богов вроде системы?

– Вроде того… все сложней, гоблин. Это ведь мозги, разум. Там множество нюансов и множество побочек. Поэтому такой коктейль вкалывают только низшим – у них нет почти никаких прав, зато проблем от них потенциально дохрена. Твой статус теперь другой. И как только ты перестал быть низшим – тебе перестали вкалывать мирноген. Я знаю, что он накапливается за годы вкалывание и уходит из организма очень медленно и неохотно, но ты не мог не заметить хоть какие-то изменения в

своем поведении, мышлении и прочем.

– Дерьмо! – подытожил я, снова садясь – Какие побочки у волшебного зелья?

– Не знаю. Я сама питаюсь крохами информации, падающими со стола тех, кто рангом повыше и у кого связей побольше.

– И все же? Что-то знаешь?

– Одна из побочек – страсть к мясу. Вторая самая проблемная побочка – страсть организма к повышенной дозе мирногена. Он очень по вкусу нашим мозгам – ведь это считай вечное наркотическое опьянение. Сознание его не фиксирует, а вот подсознание очень даже понимает и хочет еще таких конфеток. Дайте целый кулек! Но взять его неоткуда… ну почти…

– Дерьмо – повторил я – Вот тебе сука и причина людоедства?

– Мирноген течет и бурлит в тощих грязных гоблинских телах – обнаженная героиня сверкнула явно чуть светящимися зелеными глазами – Эти свинофермы, где откармливают и убивают свиней… много мяса и жира, но пониженный уровень мирногена. Куда мудрее было бы убить и сожрать стабильно работавшего старпера-гоблина-трудягу, чье тело год за годом получало наркоту. В мясе откормленных червей мирногена чуток меньше. Зато мясо их повкуснее будет…

Вспомнив отрезанные женские груди на подносе, я медленно покачал головой. Дерьмо…

– Поэтому твои подвиги там внизу… ни к чему не приведут, гоблин. Скоро там появится новая свиноферма. Скоро там и дальше будут подавать жирные свиные стейки, содержащие в себе любимую пищевую добавку быдла – мирноген…

– Ты пытаешься выбесить меня. Причем целенаправленно.

– Получается?

– Я зол – признал я – Очень зол. Но это мое постоянное состояние.

– Твоя злоба и торопливость и спасли тебя – просиди ты чуть дольше там в стальных коридорах, получай ты чуть дольше уколы с волшебными средством… и твои мозги перестроили бы до такой степени, что ты и думать бы забыл о том, чтобы куда стремиться. Убивал бы плуксов, трахался бы в борделе Копулы…

– Копула…

– Интересная личность… которая давно никуда не стремится… с ее-то мозгами… но продолжает сидеть в стальной клетке. Смекаешь?

– Мирноген.

– Ага. Вязкий вкусный клей… дайте еще!

– Для чего ты злишь меня?

– Ты нужен мне. Твоя злоба, твоя сила, твоя

целеустремленность…

– Я никому не служу. И не держусь за упругие сиськи – даже за такие как у тебя… три балла из пяти…

– Сука!

– Так что можешь одеваться и валить…

– Я не прошу тебя служить мне! Я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Кое-что на благо этого изуродованного и извращенного погибающего мира. На мир ведь тебе не насрать?

– Сделать что?

– Давай я еще раз прокачусь на твоей такой интересной штуковине, затем мы чуток отмокнем в ванне… и отправимся в зал, где и побеседуем?

Чуть подумав, я кивнул, подтягивая к себе девушку:

– Прокачу, угощу обедом, послушаю. Но ничего не обещаю.

– Договорились…

– Хочешь угадаю? Вам надо, чтобы я кого-то убил…

– Тоже мне оракул… тут всегда надо кого-то убивать! Особенно здесь – на пороге рая…

Конец восьмой книги.